

МОНМАХ

№3(42) 2005

Уважаемые читатели!

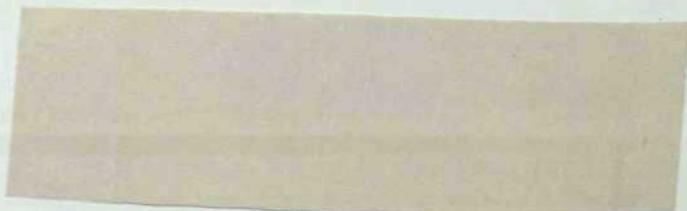
Этот выпуск журнала «Мономах» совпал с празднованием тысячелетия Казани, и большая часть материалов номера посвящена городу, с которым нас роднит история и многовековая крепкая дружба.

Симбирск со времени своего основания более 200 лет оставался под покровительством древней Казани, в XVII веке подчинялся Приказу Казанского Дворца, а в 1708-1780 годах входил в состав Казанской губернии.

В декабре 1780 года казанский генерал-губернатор князь П.С. Мещерский руководил открытием учрежденного в том году самостоятельного Симбирского наместничества, переименованного вскоре в Симбирскую губернию. И после этого Симбирск не утратил исторически сложившихся многообразных и тесных связей с Казанью. До 1832 года Симбирская губерния оставалась в составе Казанской епархии, причем казанские архипастыри официально именовались «Казанскими и Симбирскими». Симбирские учебные заведения до революции находились в составе Казанского учебного округа.

С годами дружба поволжских городов все более крепла, и ныне наши связи с Казанью стали неразрывными: общие культурные традиции, этническое единство и тесное экономическое сотрудничество – все это имеет сегодня огромное историческое и общественное значение.

Алексей Сытин

УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. В. И. ЛЕНИНА

Ульяновская областная научная библиотека им. В. И. Ленина

Во все времена и эпохи люди упорно и последовательно искали и ищут поныне лучшие способы организации общественно-государственного бытия, пытаются сформулировать те ценности и идеалы, во имя которых стоит жить, бороться и страдать. Если проследить некоторые закономерности смены эпох, то мы непременно обнаружим, что двигателем этого процесса является неудовлетворенность людей существующим положением дел, устаревшей организацией властных отношений, многочисленными преградами, тормозящими развитие той или иной страны. Разброс же вариантов и моделей последующих модернизаций колеблется от поиска Царства Божия на Земле до торжества жестких тоталитарных систем.

Так происходит во всем мире, эти же процессы характерны и для России. Споры о лучшем устройстве жизни народа и страны ведутся здесь не одну сотню лет, но практически все они направлены на выработку, а то и сочинение умозрительных схем, в рамки которых далее инициаторы пытаются загнать страну для ее «осчастлививания». К череде этих прокрустовых стратегий можно отнести и петровскую вестернизацию России, и принудительное выселение крестьян на хутора, и порыв к установлению коммунизма в мировом масштабе, и грандиозный социалистический эксперимент на одной шестой земной суши. Теперь на дворе – пора либеральной демократии. Да вот беда: снова фантазии и схемы съели человека, во внедряемой ныне «модели счастья» он снова не приоритетен. И человек, вышес на данный момент творение эволюции, ее острее, наделенное даром разума, чувств и созидания, снова оказывается лишь средством достижения неких теоретических целей, оказывается теми дровами, которые в России привыкли подбрасывать в топку страшного паровоза, чтобы общественно-государственный состав двинулся к очередному мерцающему в неизвестности будущего миру.

Между тем именно человек и только человек может и должен быть главной целью и заботой общества и государства, если они хотят жить в соответствии с определяющими закономерностями прогресса, хотят действительного блага своему отечеству и его народу. И в этом смысле весьма убедительным представляется опыт тех стран и народов, где в силу различных обстоятельств роль и место человека, степень его реальной свободы и возможностей достигали высокого уровня. В созданном там социальном пространстве он творил

подлинными чудеса. Так было, к примеру, с началом Реформации в протестантской Европе, когда главной ценностью и смыслом бытия было признано достижение человеком личного успеха. Европа в ту эпоху обрела второе дыхание, совершив стремительный скачок как в экономическом, так и культурном развитии. Примерно то же произошло в 1930-е годы в США, где выход из великой депрессии был найден именно в том, чтобы помочь людям почувствовать себя полноценными гражданами своей страны, создать им необходимые условия для самостоятельного, свободного и смыслозначимого определения своего жизненного пути. И, несмотря на жесточайший кризис, нация сплотилась, возникла неумная энергия созидания, пружина которой несколько десятилетий затем поднимала страну на вершину процветания.

Бывали такие моменты и в нашей стране: в 1920-е и 1960-е годы у людей

появились реальные возможности шире и свободнее смотреть на свои жизненные перспективы. На этом фоне в СССР были достигнуты колоссальные результаты, зримыми свидетельствами которых стали индустриализация, освоение целинных земель, прорыв в космос, небывалый взлет культурного и образовательного уровня народа.

И что очень важно: такие результаты становятся возможными только в результате доверия народа к власти, особой возвышающей обстановки в обществе, когда в нем доминируют ценности добра, созидания и творчества. Без конкретной и ощутимой поддержки государства такие прорывы просто невозможны.

Как растение в полной мере зависит от той почвы, на которой ему суждено произрастать, так и человек находится в полной зависимости от тех условий, в которые его определила судьба. Именно государство и обще-

ство призваны быть той силой и базой, на которой может формироваться комплекс общественно признанных ценностей, стержнем и приоритетом которой обязан быть человек. Речь в данном случае не идет об опеке или тотальном патронаже. Нужно иное: повседневное ощущение мудрой и доброжелательной опоры со стороны государства и общества, реальная возможность воспользоваться их поддержкой, когда человек наиболее уязвим. Это святая обязанность государства, которое успевает делать многое, но пока упускает главное – человека. И общество в этой связи должно предъявить тем, кто берется управлять государством, свой ультиматум: или вы разглядите наконец свой долг перед российским человеком, или откажитесь от этой обременительной ноши.

Очевидно: прогрессивность того или иного общества или государства можно и должно оценивать в первую очередь именно с этих позиций: какие условия и возможности они создают для саморазвития человека, какие возвышающие или, наоборот, принижающие его человеческую суть ориентиры они утверждают в качестве общепринятых ценностей. Безусловно, не все в этой проблеме зависит только от государства, но от него, особенно в России, зависит многое. Оно, именно оно, первым громко и отчетливо должно сказать своим гражданам: «Оставим недоверие и обиды в дне вчерашнем. Отныне ваши интересы будут моими интересами. Нет, государство не станет водить вас за руку, не станет кормить из ложки, но любые его решения будут служить благу человека и всей страны. И вместе мы день за днем будем делать нашу жизнь лучше». Вот это и есть главный смысл того, что хочет сегодня человек в России.

Точно так же, как этого хочет человек в США. Академик Д.С. Львов в одной из недавних публикаций поделился своими впечатлениями от выступления перед сенаторами президента США Д. Буша, который сказал очень емко: «Мы, американцы, – великая нация, а к середине XXI века нас будет на 70 миллионов больше». Далее Буш вел речь о том, что превыше всего здоровье нации и преумножение ее человеческого капитала, что затраты на здравоохранение должны шестеро превышать затраты на оборону США. Как разительно отличается подход к таким же проблемам в нашей стране... Он должен быть изменен, ибо без этого человеческого ресурс России будет продолжаться ржаветь и измельчаться.

Есть ведь и вторая сторона в этом процессе созидания новой и желанной России – сам человек. Он приходит в

мир свободным, полным энергии жизни и амбиций самореализации, наделенным светлым разумом и божественной душой. Вглядитесь в глаза детей, мудрецов, истинно увлеченных и преданных своему делу людей, разве не видно в них целеустремленной жажды действия, блеска осмысленного творческого порыва, мужественной готовности идти и идти вперед, чтобы достичь заветной цели? И некоторые своей цели достигают. И именно они и их деяния меняют облик мира, поднимают человека как биологический вид на все более высокие стадии развития. Это и есть реализация той сверхзадачи, которую возложила на человека Природа. Она торжествует, когда человек прорывает пределы доступного и возможного. И, в противоположность сказанному выше, самый страшный его грех – утрата энергии движения, энергии саморазвития и совершенствования. В пространстве человеческого социума это закон определяющий.

А сегодня (говорить об этом надо честно) человек в основной своей массе дезориентирован и деморализован. Ценности, которыми он жил, в большинстве своем вытоптаны и скомпрометированы. Вместо них усиленно насаждаются ценности иные, по своей сути отторгающие человека от общественно значимых задач, от стремления что-то делать исходя из своего гражданского долга. И вот итог: ни государство, ни его граждане не готовы и не пытаются совершить прорыв из сложившегося тупикового состояния.

Отсюда дилемма: что же и кто должен прорвать это магическое тупиковое кольцо? Государство? Общество? Человек? Иллюзий питать не стоит: слишком замутнены сегодня пространства российские мутью неправедной наживы, слишком велик азарт «не упустить своего», и это очень затрудняет возможность действовать даже тем, кто хотел бы и мог по велению сердца или служебному долгу этот прорыв осуществить.

Ситуация все же не безвыходна. Да, сегодня в стране нет организованной силы, чтобы разом перевернуть ситуацию, но честных, умных, неравнодушных и самостоятельных людей еще достаточно. Глаза их открыты и не замутнены новейшей мифологией. Наверное, их не очень много, возможно, они сами иногда не осознают, что и как надо сделать, но сердца и души их созрели и готовы к действию. И вот именно они способны на поступок во имя обновленной, честной и справедливой России, чтобы разорвать кольцо нынешней безнадёги и социального пессимизма.

P.S. В развитие темы статьи можно добавить следующее. Не знаю, известно ли читателям, но журнал «Мономах», только что отметивший свое победное десятилетие, переживает в нынешнем году не лучшие свои времена. Трудности с финансированием, стремление сделать его доступным даже самому небогатому читателю привели к тому, что в повестку дня реально встал вопрос о том, быть или не быть «Мономаху». Да, коллектив редакции и главный редактор Ольга Георгиевна Шейпак бьются, ищут выходы из сложившейся ситуации, ищут добровольных и бескорыстных помощников. Но ни получить бумагу «за бесплатно», ни отпечатать тираж в типографии без достаточных средств невозможно. Поэтому у редакции и друзей «Мономаха» родилась идея создать общественный фонд «Мономах». Думаю, что если все, кому небезразлична судьба журнала, культуры нашего края, духовное наполнение наших душ, захотят совершить и совершат тот единственно верный в данной ситуации поступок, чтобы помочь журналу, на этот раз материально, то журнал будет жить и продолжать нести в мир те волны исторической памяти, добра и совести, без которых невозможно полноценное бытие любого общества.

Вячеслав Егоров

Дорогие ульяновцы!

Учрежденный нами Фонд «Мономах» призван объединить усилия общественности и направить их на изучение истории и культуры края, на поддержку творческих сил, которыми богата симбирская земля, на патристическое воспитание молодежи, которое должно опираться на наследие наших отцов и дедов. Необходимо поддержать наше краеведческое издание, сделать все для его сохранения. Значение имеет любая помощь, поддержка каждого из вас!

Руководитель Фонда
Александр Обмелюхин

Реквизиты Фонда «Мономах»
432011 г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 1.
а/я 9826
тел. 44-19-31, 41-65-44 (факс)
e-mail: icpressa@simcom.ru
ИНН 732 850 25 26 КПП 732 801 001
ОГРН 105 732 803 62 37
Р/с 40703810000621030023
в ЗАО Банк «Венец», г. Ульяновск
к/с 30101810200000000813 в ГРКЦГУ
ЦБ РФ по Ульяновской области
БИК 04708813

Цвети, Ульяновск, на радость горожанам!

Пришла долгожданная весна, и город ожил, как муравейник, многолюдными субботниками по уборке территорий, соревнованиями на лучший двор, суетой вокруг цветников... И вот, наконец, лето: блеск и чистота тротуаров, конкурс красавиц-скамеек, задорный смех фонтанов, гонор новых скульптур!

Что уж говорить про день рождения города! Впервые за много лет он предстал перед ульяновцами чистенький, обновленный, искрящийся счастьем и надеждой на будущее благополучие. Ко Дню города в Ульяновске появилось три памятника: у гостиницы «Венец» – памятник уникальному местному камню симбирциту, какого в мире больше нет нигде; у речпорта установили «Якорь», а у входа в Литературный музей «Дом Языковых» – бюст А.С. Пушкина работы скульптора Зураба Церетели.

Такого праздника горожане не ожидали. Музеи распахнули свои двери для всех желающих, более сотни спортсменов вышли на состязания по 13 видам спорта, дети дружно продемонстрировали свои таланты в музыке, изобразительном искусстве и танцах, парашютисты подарили изумленным ульяновцам красивые прыжки, а красавицы-барабанщицы известили всех об официальном открытии праздника. Губернатор Сергей Морозов и мэр города Сергей Ермаков заверили земляков, что сделают все, «чтобы ульяновцы жили счастливой и достойной жизнью».

Улица Карла Маркса превратилась в огромное кафе под открытым небом, площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина – в большую концертную площадку, скверы и парки – в импровизированные сцены.

А вечером начался карнавал, потрясший жителей и гостей города своим великолепием и небывалым весельем. Ничего подобного Ульяновск никогда не видел на своих улицах: самые настоящие карнавальные автомобили, повывавшие известные карнавалы мира, медленно, сквозь огромную толпу народа продвигались по улице Гончарова, демонстрируя буйную фантазию конкурсантов. Перед жюри, которое возглавила популярная телеведущая Яна Чурикова, встала непростая задача: выбрать из двухсот экзотических костюмов самые-самые оригинальные. В итоге в финал вышли: «Карнавальная помойка» (ее автор Андрей Пономарев получил первый приз и отправился на отдых в Египет), «Избушка на курьих ножках», «Пиковая дама», «Цыпленок в яйце» и другие. Веселый праздник завершила группа «Блестящие».

День рождения Ульяновска ознаменовался также итогами фестиваля скамеек, конкурса проектов на лучшее оформление города и конкурса социальных и культурных проектов. Всеми участниками конкурсов и авторами проектов двигало одно общее желание: сделать нашу жизнь более насыщенной и творческой, а сам город – краше, добрее, уютнее.

Использованы фотоматериалы с сайта администрации Ульяновской области www.ul-adm.ru

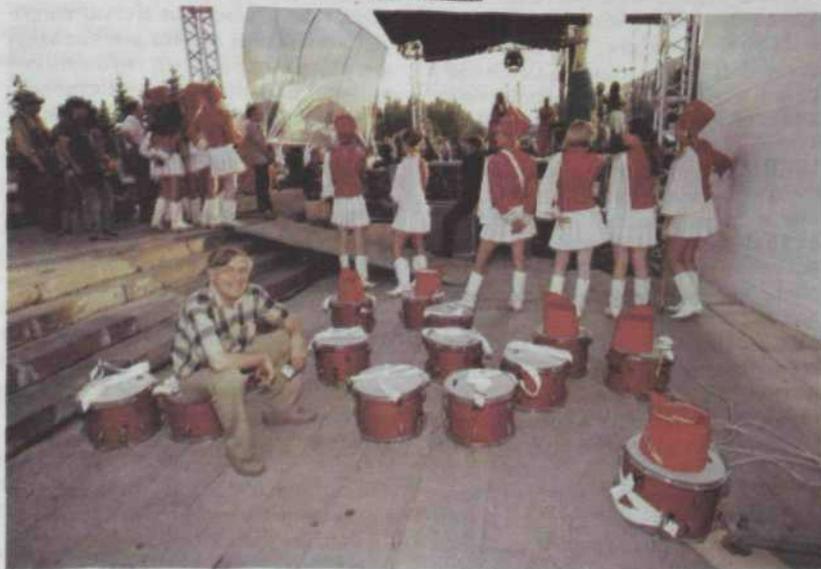
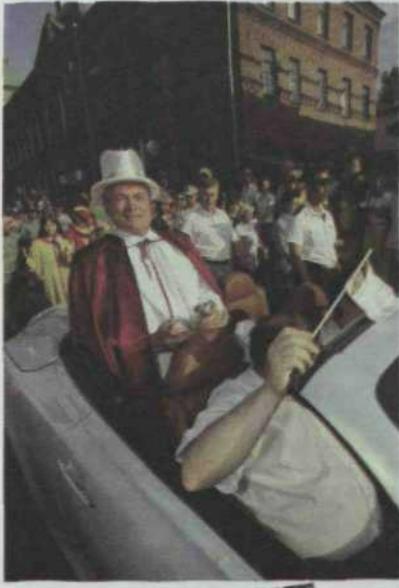

Фото Владимира Михайлова

12 июня
ДЕНЬ ГОРОДА
ФОТОГРАФИИ
с праздника

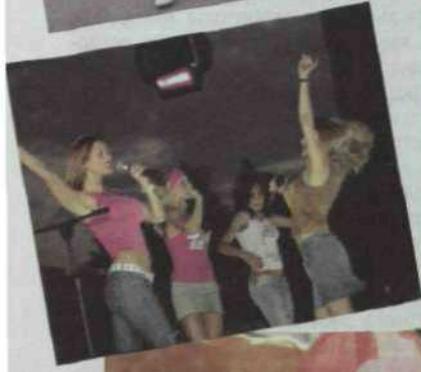

Фото Сергея Ершова

Фото Владимира Михайлова

Прогулка по бульвару

Однажды решила я совершить прогулку по улице Гончарова: от площади Победы до Центробанка. Причем не по тротуару, а по бульвару – подалее от непрерывного потока транспорта. Но избавиться от ощущения, что машины совсем рядом, никак не удавалось, лишь у магазина «Аквариум» их мелькание отступило, и на первом плане оказались деревья, кустарники, удобные скамейки. Я не сразу поняла, что причиной перемены моего настроения стала чугунная ограда, которая начиналась на этом участке. Эта невысокая узорчатая решетка как бы ограждала бульвар от всего, что происходило за ее пределами. Возможно, эта способность даже невысоких ажурных оград создавать ощущение защищенности и спокойствия была замечена давно. Не поэтому ли парки и скверы всегда окружались оградками?

От старожилов северной столицы мне довелось услышать однажды любопытную историю, связанную с замечательной оградой Летнего сада. Приехал якобы туда однажды заморский богач. Всю белую летнюю ночь, сидя в своей инвалидной коляске, он любовался оградой. Она произвела на него такое сильное впечатление, что утром он уже смог самостоятельно ходить. На радостях миллионер предлагал за ограду любые деньги, чтобы увезти ее с собой, в свое имение, но ему, конечно, решительно отказали.

После Октябрьской революции красивые ограды не уничтожались, воздвигались и новые вокруг дворцов культуры и парков. Зайти в такие парки можно было, только купив билет в кассе у входа. Помню, как в студенческие годы мне, особенно весной, хотелось попасть в парк Сокольники, ближайший к нашему университетскому общежитию, но не всегда находились деньги на входной билет.

Но вот в «хрущевскую оттепель», в начале 1960-х годов стали почему-то сносить ограды вокруг городских парков и скверов, вход в них стал совершенно свободным, правда, чистоты и уюта поубавилось. К счастью, ограда ульяновского бульвара на улице Гончарова осталась в те годы нетронутой. Хотя в ее долгой истории были разные времена.

Именно на этом бульваре появились первые в прежнем Симбирске зеленые насаждения за пределами частных до-

мов. До этого городские власти строго-настрого запрещали жителям высаживать деревья даже перед своими домами: вдруг люди присвоят потом эту землю!

В первые годы своего существования, полтора столетия назад, бульвар выглядел довольно скромно: два ряда акаций, огороженных деревянным частоколом, с пешеходной дорожкой посередине в две сажени шириной.

После пожара 1864 года бульвар продлили в северную часть центральной улицы города, а также расширили. Акации теперь были высажены в несколько рядов, пешеходные дорожки стали вдвое свободнее. Появились скамейки, даже урны возле них, будки с прохладительными напитками для гуляющих здесь горожан. А при входе на бульвар с двух сторон – столбики, между которыми мог пройти лишь один человек. Такая предосторожность была не лишней: так преграждали путь лихим извозчикам, которые были не прочь проскочить ночью в неполюбованном месте, ведь бульвар проходил по высокой сухой насыпи (над сооружением потрудились каторжники) – не то что грязная, особенно в распутицу, проезжая часть улицы. Позже у входа в каждую из частей бульвара были установлены на невысоких столбах по два газовых фонаря.

Несмотря на стремление властей благоустроить первый в городе бульвар, у него нашлись и ярые противники. И почему, казалось бы, не радоваться зеленой красоте владельцев лавок и магазинов? Но те считали, что бульвар как раз отвлекает гуляющую публику от их товаров, а по ночам служит прибежищем разного преступного люда. Вот почему в начале XX века бульвар был уничтожен. Вскоре, однако, по требованию горожан, заново восстановлен, удлиннен и расширен, обсажен высокими деревьями, обнесен деревянной оградой на бетонных столбиках. Так и простоял он более трех десятилетий, пережив две мировые и гражданскую войны и революцию, украшая город, радуя ульяновцев.

А в 1946 году здесь вновь начались большие работы: вместо постаревших деревьев и кустарников высадили липы, вязы, ясени, клены, заасфальтировали улицу и пешеходные дорожки, установили электрическое освещение. А главное, власти нашли средства на нарядную узорчатую чугунную ограду, хотя только что закончилась тяжелейшая Отечественная война, и страна жила впроголодь, по карточной системе. Ведь Ульяновск стал областным центром, а его главная улица и бульвар – его лицом.

Проводилось благоустройство бульвара и позже. Так, в 1975 году новый, южный его участок был озеленен кустарниками, различными деревьями, в том числе первыми в городе каштанами. Заметно похорошел бульвар и после основательной реконструкции в 2004-м году, а недавно здесь установили новые нарядные скамейки.

Но вот беда: исчезли вдруг ажурные чугунные решетки, создававшие атмосферу спокойствия и уюта в самой оживленной части города! Кому же они так приглянулись?

Галина Федоренко

Редакция журнала «Мономах» обратилась в Управление архитектуры и градостроительства мэрии Ульяновска с предложением возвести в черте города памятник ульяновцам, погибшим в мирное время во имя спасения ближнего. Эту идею поддержал Союз черныбыльцев – общественная организация, в которую входят наши земляки, участвовавшие в ликвидации последствий чернобыльской аварии.

Идея установить скульптурное сооружение «Смертию смерть поправ» принадлежит читательнице и автору журнала «Мономах» Л.В. Толкищевской. Памятник будет воздвигнут на общественные средства. Главный художник города Л.М. Варюхина предложила установить его в дальнейшем Засвьяжье. После согласования документации общественный Фонд «Мономах» намерен обратиться к ульяновцам с призывом принять посильное участие в этой гуманной общественной акции.

Начало мая. Мы направляемся в Управление архитектуры и градостроительства мэрии Ульяновска. В приемной главного архитектора висит Похвальная грамота: Т.М. Тарасовой за лучшую программу по благоустройству и улучшению архитектурного облика городов и населенных мест Ульяновской области в областном смотре-конкурсе.

Что же это за программа? Просим показать. Тяжелая, объемная, тянет на три диссертации. И сроки под каждым пунктом самые короткие. В общем, грандиозные планы. Вот некоторые из них: разработка проектов, изготовление и установка памятников Горькому, Богдану Хитрову, Пушкину, Яковлеву, Карбышеву, даже памятник симбирциту; реставрация памятников Гаю, Володе Ульянову и семье Ульяновых, участникам Великой Отечественной войны; реконструкция к/т «Свияга», восстановление центральной набережной парка «Черное озеро», установка зеленых скульптур и насаждений в кадках, озеленение улиц и скверов, реконструкция старых фонтанов и установка новых, подсветка памятников и монументов, установка скамеек, работа по реализации проекта «Циркоград» и многое другое.

Как, какими силами и средствами осуществить все эти грандиозные задачи? С этим вопросом мы и обратились к главному архитектору города Т.М. Тарасовой.

«Первое, что бросилось в глаза, когда я приехала в Ульяновск, — рассказывает Татьяна Михайловна, — это темнота улиц, заброшенность автобусных остановок, убогость киосков, хаотичность наружной рекламы. Такой город не может пробуждать любовь и патриотические чувства горожан, не может привлечь инвесторов. Зна-

Как все устали от грязных тротуаров, затопанных газонов, заваленных мусором скверов. Так устали, что постепенно свыклись и с отсутствием урн, и с плевками на дорожках, и с пивными банками под ногами, и с отсутствием фонтанов, даже с темными улицами.

И как скептически улыбались, когда губернатор заявил, что через полтора года Ульяновск должен выиграть звание самого благоустроенного города. Да, трудно было поверить, что Ульяновск вернет когда-нибудь свою былую красоту.

«Здесь будет город-сад»

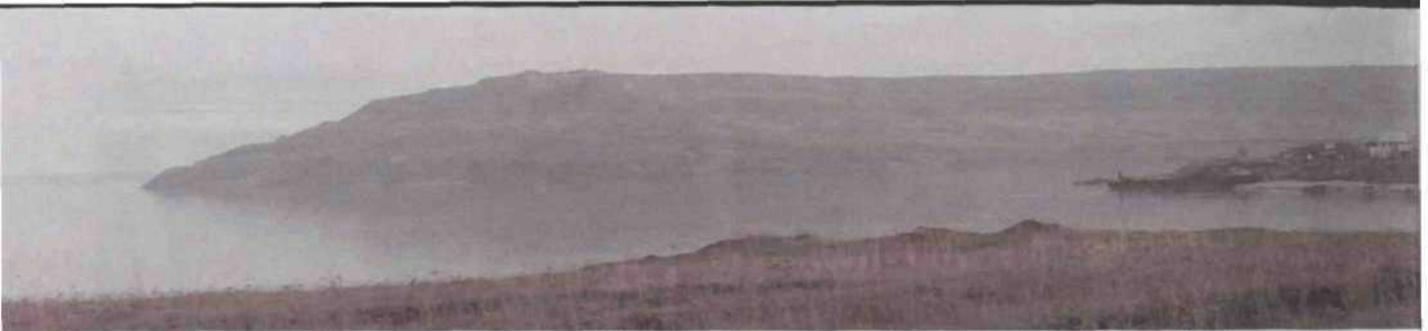
чит, надо все силы бросить на его благоустройство. Начали мы с озеленения, с создания цветников с надписями. Цветы сами по себе несут положительную энергетику, а если на газонах будет написано «Пусть всегда будет солнце», «Все будет хорошо», «Пусть ваш день будет добрым», «У нас все получится», тогда уже действительно все получится. Нужно только поднять дух горожан, добавить оптимизма. В Ульяновске много склонов с хорошим обзором, эти склоны мы и решили использовать. Так, например, на Майской горе появится надпись «Ульяновск-Симбирск». Нужно, чтобы и с правого, и с левого берега город был узнаваем, обрел свое лицо. Для этого мы планируем сделать подсветку волжского моста. Необходимо также заняться благоустройством речпорта — это тоже визитная карточка города.

Положительное воздействие на людей оказывает вода, поэтому хотелось бы срочно ввести в действие все заброшенные фонтаны, построить новые. Нужно очистить и восстановить все городские парки, установить урны, поставить скамейки, отремонтировать тротуары. Как, за чей счет все это осуществить? Вопрос трудный, но решаемый.

Начнем с фестиваля скамеек. Сергей Ермаков уже подписал обращение принять участие в таком фестивале, письма с обращением разосланы во все организации. Именные скамейки поставят руководители города и области, чиновники администраций, предприниматели около своих офисов.

Найдутся, я думаю, неравнодушные к своему городу люди, которые изыщут средства на установление фонтанов. Мы обратились к владельцам магазинов рассмотреть такую возможность. Кстати, вместо огромных рекламных щитов, за которые предприниматели отдают немалые средства, можно бесплатно прорекламировать свою фирму надписью на скамейке или на цветнике возле магазина или офиса. А заказчики новых объектов (будь то аттракционы, кафе, игровые павильоны) могут взять на себя дополнительные расходы по благоустройству прилегающей территории. И все же без желания и энергии самих горожан победить грязь невозможно. Только общими усилиями можно превратить Ульяновск в цветущий, благоустроенный город».

Тогда, в мае, поверить в реальность всех этих планов было трудно. Но буквально на глазах Ульяновск вдруг начал менять свой облик. Умылся фонтанами, окаймил тротуары нарядными газонами, засиял цветниками, обрел отдохновение на уютных скамейках и отметил свой 357-й день рождения.

Мое знакомство с археологией края началось в далеком детстве с посещения старинного городища, расположенного неподалеку от села Ундоры. Поросшие травой земляные валы и рвы двумя кольцами опоясывали современную деревню, властно вторгаясь в жизнь ее обитателей. Усеянные обломками красноглиняной керамики деревенские огороды притягивали мальчишек необычными находками, среди которых иногда встречались огромные железные крючки, наконечники стрел, бронзовые пуговицы-подвески... И только много позже я узнал, что городище было втрое старше самого Симбирска-Ульяновска и было основано волжскими болгарами – предками современных поволжских татар и чуваш.

Забытые городища

Волжская Болгария являлась восточным соседом Киевской Руси и могла соперничать с ней по количеству и размерам городов. Только на территории Ульяновского края, расположенного на юго-западной периферии Волжской Болгарии, насчитывается несколько десятков укрепленных пунктов волжских болгар X-XIII веков. Большая их часть сконцентрирована на территории Ульяновского, Цильнинского, Майнского, Теренгульского, Сенгилевского, Чердаклинского, Старомайнского, Мелекесского районов. Наиболее многочисленны мысовые укрепления, расположенные на стыке оврагов. С двух сторон защитой им

служили неприступные береговые откосы, а с третьей – валы и рвы. Круговые укрепления использовались там, где отсутствовали естественные преграды. Как правило, это были небольшие крепостицы. Крупные городища характеризовались более сложной структурой и фортификационными устройствами с рядами валов и рвами, детинцами, проездными сооружениями. Одно из крупнейших на территории Волжской Болгарии городище расположено у села Старое Алейкино.

Исследование ундоровского городища показало, что его внешняя оборонительная линия состояла из бревенчатого тына, укрепленного на валу.

Внутренняя линия представляла собой конструкцию из заполненных утрамбованной землей бревенчатых срубов – тарас, поставленных непосредственно на землю. Точно такими деревоземляными стенами опоясывались и древнерусские города.

В расположении городищ, на первый взгляд, нет никакой системы. Однако при внимательном изучении кажущийся хаос исчезает, а городища выстраиваются цепочками и попарно в определенных направлениях, трассируя маршруты сухопутных путей и места переправ через реки.

Важнейший сухопутный путь проходил по правому берегу Волги в

Патриоты Симбирска, объединяйтесь!

В середине сентября 2005 года администрация Ульяновской области во главе с губернатором С.И. Морозовым проводит Первый конгресс соотечественников. К участию в этом мероприятии приглашаются уроженцы Ульяновска, потомки известных симбирских фамилий – все, кому не безразлична судьба родного края.

Ульяновский край – земля наших предков, свидетель национальных традиций и верований, надежд и чаяний, истории и культуры. Где бы мы ни жили, где бы ни находились, энергетика рода, духовный статус семьи передаются из поколения в поколение. Небольшая весточка с родины, маленький всплеск воспоминаний – и мы уже во власти генетической памяти.

С первого дня своего существования журнал «Мономах» выходит под девизом «С пользой для Отечества» и пытается помочь общественности осознать происходящие в России духовные процессы, сформировать ясные идеологические ориентиры, которые играют роль «путеводителя» по жизни, определяют подходы к пониманию и оценке окружающего. Переступив рубеж третьего тысячелетия, мы ищем ответы на самые злободневные вопросы: как сохранить то, что осталось, как преумножить наши богатства, как оправдать ожидания тех, кто верит в будущее? Чтобы ответить на эти вопросы, надо осознать свой духовный статус, объединить усилия близких людей. Близость же и родство душ остро ощущаются на земле «обетованной», где похоронены предки, на той земле, которая уготована нашим потомкам.

В течение десяти лет «Мономах» открывает землякам неизвестные страницы истории родной земли, рассказывает о духовном наследии предков, о корнях и истоках, о судьбах знаменитых симбирян. Читатели познакомились с потомками Хованских, Воейковых, Толстых, Ивашевых, Дениса Давыдова, Ивана Гончарова, Дмитрия Ознобишина, братьев Языковых, Владимира Набокова, Виктора Некрасова, Артема Веселого. Ближе узнали таких выдающихся земляков, как президент Географического общества СССР, директор НИИ Арктики и Антарктиды Алексей Федорович Трешников, видный политический деятель, академик, дипломат Михаил Андреевич Сулов, выдающийся ученый в области авиационной техники Николай Гурьевич Четаев, основатель кондитерского концерна в Токио Валентин Федорович Морозов, народная артистка России Елена Андреевна Сапогова и многие, многие другие. И впредь журнал видит главную свою задачу в объединении нравственно здоровых сил, чтобы жить и работать «с пользой для Отечества».

Не любить нашу симбирскую землю невозможно. Мы пьем ее живительные соки, множим духовные силы.

Редакция журнала «Мономах» поддерживает инициативу администрации Ульяновской области и просит земляков принять участие в конгрессе соотечественников.

Соотечественники-юбиляры 2005 года

Старшему поколению россиян хорошо известна популярная актриса советского кино, народная артистка России Римма Васильевна Маркова. Родилась Римма Маркова 3 марта в 1925 году в селе Чурино ныне Новоспасского района Ульяновской области. Ее мать, актриса, работала в одном из театров Дагестана. Там же встретила с будущим мужем. Рожать первого ребенка приехала в родное село к матери. В Чурино, у бабушки, Римма прожила несколько лет вместе с братом Леонидом, впоследствии народным артистом СССР. Здесь будущая актриса училась в начальной школе, а затем в средней школе соседней Репьевки.

В 1946 году Римма окончила театральную студию в Вологде, а в 1951 году – студию Московского театра им. Ленинского комсомола, где и работала до 1962 года. Известность пришла к нашей землячке после кинофильмов 1960-70-х годов: «Бабье царство» (Надежда Петровна), «Времена года» (Дурында), «Журавушка» (Авдотья), «Сибирячка» (Безверхая), «Егор Булычев и другие» (Меланья), «Сладкая женщина» (Мать). Впоследствии она снялась в кинофильме «Обрыв» в роли бабушки. Одна из последних ролей актрисы – Ведьма в «Ночном дозоре».

1 апреля сего года исполнилось 100 лет со дня рождения Марии Николаевны Смирновой, известного кинодраматурга и сценариста, лауреата Государственной премии СССР. Родилась она в селе Самайкино ныне Новоспасского района в 1905 году. В 1927 году окончила Государственный техникум кинематографии. В 1929 дебютировала со сценарием кинофильма «Ее путь». В 1930-х по сценариям Марии Смирновой были сняты фильмы «Айна», «Лес», «Гигант», «Сектанты». Крупнейшие работы Смирновой – сценарии фильмов «Первая учительница» (1947), «Повесть о настоящем человеке» (1948), «Сельский врач» (1952), «Полюшко-поле» (1957), «Повесть о первой любви» (1957), «Хожение за три моря» (1958). В 1965 году отмечалось 60-летие со дня рождения нашей землячки. В связи с этим журнал «Искусство кино» писал: «Драматургия М. Смирновой, встречавшейся на своем большом жизненном пути с такими крупными мастерами, как М. Донской, С. Герасимов, А. Столпер, В. Марецкая, А. Тарасова, Э. Цесарская, Р. Нифонтова, А. Кадочников, яркое свидетельство плодотворности и необходимости творческого сотрудничества – сценаристы и режиссеры, сценаристы и актеры».

В 1960-е годы в сильной труппе Ульяновского областного театра драмы видное место занимал Матвей Филиппович Шарымов, столетие со дня рождения которого исполняется 26 ноября 2005 года. Будущий актер родился в 1905 году в селе Прислониха в крестьянской семье. Учился в Тагае, затем – в Симбирской школе-коммуне имени Карла Маркса. Наш земляк обладал сильным красивым басом и пел в церковном хоре, учился живописи у А.А. Пластова и Д.И. Архангельского, писал стихи, увлекался столярным и слесарным ремеслами, играл на народных инструментах. В 1930-х годах он учился в Москве в Центральном театральном техникуме и одновременно подрабатывал на столичных сценах. До поступления на сцену Ульяновского театра драмы в 1959 году Шарымов работал в театрах Свердловска, Перми, Тамбова, Оренбурга, Душанбе. Главными ролями в его творчестве были образы И.Н. Ульянова и В.И. Ленина в пьесах советских авторов. В 1966 году актеру было присвоено звание заслуженного артиста РФ. Скончался он 1 марта 1968 года.

На протяжении многих лет его верной подругой была актриса Лия Ефимовна Радина. Похоронены они на старом кладбище на улице К. Маркса.

Блестя, как негры, венские стулья,
Квадрат за квадратом,
идут в атаку
На сцену, где в сумраке сером,
сутулясь,
Пюпитры стоят сиротливой
ватагой!

Рояль, словно ворон, присевший
пугливо,
Раскрытым крылом замахнулся
и замер...
Бетховен глухой на пюпитры
тоскливо
Глядит со стены слюдяными глазами.

А в воздухе теплом, согретом
дыханьем,
Лаской улыбок, густом, как коллоид —
Еще трепыхают прозрачные ткани
Далеких и смутных, как детство,
мелодий.

Что обещали крылатые скрипки?
С тобой-ли, мой друг, я бродил
по ракушкам?
Последний намек, до прозрачности
хрупок,
Грубыми звуками был закидан.

И рядом со мной — нелюбимое тело —
Остывшие стулья, да сгусток
измены.

Так вот почему горячились фаготы,
Виолончели ревливо звучали...
Как старые письма, забытые ноты
На темных пюпитрах желтеют
печально.
1928

«Кто стихами ллет из лейки»

В 1924 году молодые литераторы Симбирска образовали творческую группу «Стрежень» — отделение Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал». Поразному сложилась судьба её членов. Организатор «Стрежня» В. А. Иванов воевал в Великую Отечественную, по подлomu доносу 10 лет томился в ГУЛАГе, затем стал видным учёным-ономастом, автором сотен публикаций. А. Пахомов погиб на фронте. Вольф Эрлих был расстрелян по приговору НКВД. Счастливее всех сложилась судьба Кузьмы Горбунова, автора романа «Ледолом».

К числу незаслуженно забытых поэтов, начинавших в «Стрежне», относится Константин Никитич Митрейкин. Родился он в Симбирске в декабре 1905 года. В родном городе в 1928 году опубликовал первый сборник

стихов «Бронза», в который вошли 16 стихотворений. В 1929 году, как и многие молодые люди, уехал из Ульяновска в Москву, где опубликовал в начале 1930-х годов сборники «Штурм неба», «Боевая лирика», «Я разбираю себя», печатался в «Литературной газете». Имя Митрейкина окружено легендами, а творчество принижается. Приведём несколько версий его судьбы.

Версия Евгения Евтушенко: «...Был конструктивистом. Стал жертвой остроумия Маяковского «кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки». Всё же, мне кажется, у Митрейкина остались нераскрытые возможности. Бесследно исчез. Не он один».

Версия Юрия Рябинина: «Среди сотен мраморных досок, закрывающих ниши с урнами по длинной кладбищенской стене, есть ничем не примечательная дощечка с малой информативной надписью: «Константин Никитич Митрейкин (1905-1934)». Этот человек, наверное, вообще не сохранил о себе никакой памяти, если бы Маяковский в поэме «Во весь голос» не упомянул некоего «кудреватого Митрейку», поэта-графомана с его точки зрения. И действительно, вместе с сотнями таких же незначительных сочинителей стихов он практически выпал из поля зрения даже специалистов. Выпустивший недавно большую антологию поэзии Евгений Евтушенко поместил туда и несколько строчек из его сочинений. Но в примечаниях написал, что место погребения Митрейкина неизвестно. А он тут, Митрейкин, в стене Донского кладбища. Рядом с Митрейкиным стоит невысокий камень розового гранита с размашистой надписью «Александр Родченко». Этого довольно шумевшего в своё время дизайнера и художника-авангардиста тоже вспоминают теперь чаще всего в связи с Маяковским: они вместе входили в левый фронт искусств».

Версия Alexander Gamy: «Донское кладбище. Константин Никитич Митрейкин (1905-1934(29)) репрессирован. Родился в 1905 году в Симбирске. Входил в Симбирскую литературную группу «Стрежень»... Примыкал к поэтической группе конструктивистов. Был высмеян в поэме «Во весь голос» Владимира Маяковского... В 1929 году Константин Митрейкин ушёл из дома и не вернулся. Говорили, что он покончил жизнь самоубийством. Его прах был найден уже в наше время захороненным в стене Донского кладбища у Донского монастыря в Москве... На захоронении имеется дата смерти поэта 6 августа 1934 года, ему тогда было 29 лет».

По сведениям поэта Анатолия Алексеевича Кудрейко, также павшего жертвой сатиры Маяковского, наш земляк рано умер.

А вот роковые для обоих поэтов строки В.В. Маяковского:

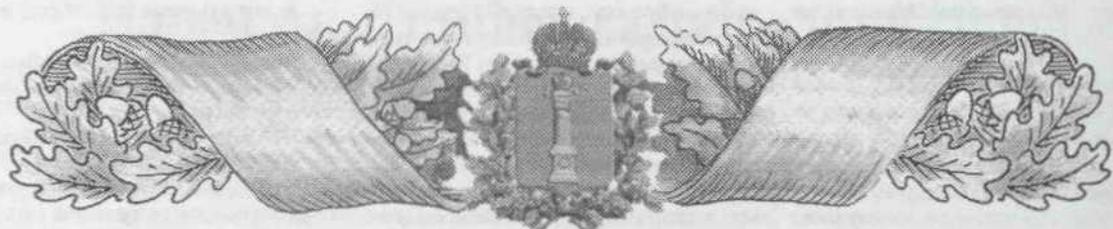
*Кто стихами ллет из лейки,
кто кропит, набравши в рот —
Кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки
кто их к черту разберет!*

Эти строки, действительно, тяжело отразились на репутации молодого поэта. Например, сделать его имя нарицательным попытался известный писатель Вениамин Каверин: «В последний раз я встретил Маяковского у Тихонова осенью двадцать восьмого года. Это было после какого-то публичного диспута, кажется, в Институте истории искусств... Завязался спор... Но старый спор выступил в новом обличии. Если требования простоты во что бы то ни стало казалось почти смешным летом двадцатого года, то теперь с ним нельзя было не считаться. Теперь вопрос о сложном был вопросом о праве на сложность, существенным для Маяковского, отказавшегося продолжать русскую поэзию в надежде, что ему удастся начать её сызнова. Спор у Тихонова не мог не задеть его. И не только потому, что за требованием простоты вырисовывалась фигура мещанина, любителя «кудреватых митреек», но еще потому, что это была та простота, которая «хуже воровства», как говорит пословица, и тем не менее близкая к тому, чтобы превратиться в пароли для входа в поэзию».

За своего товарища заступился поэт Илья Сельвинский: «В 11 номере журнала «Новый мир» за прошлый год (1966 — С.П.) напечатаны записки В. Каверина «Несколько лет». К сожалению, очень жестоко отнесся автор к поэту К. Митрейкину, о котором, очевидно, не имеет понятия... Поэзия Константина Митрейкина совершенно не подходит под понятие духовной пиши для мещанина. Митрейкин был влюблен в Маяковского и многое от него воспринял. Владимир Владимирович же, видимо, ничего не знал об этом поэте, а задел его (в поэме «Во весь голос») потому, что полемизировал с моей статьей «Поэзия а-жур», в которой я упомянул имя К. Митрейкина с именем Кудрейко. Маяковский пошел за каламбуром... Острословие любого поэта, даже если он велик, не стоит использовать понапрасну. Константин Митрейкин был писатель из народа, чрезвычайно далекий от эстетства, с одной стороны, и упрощенчества — с другой».

Приглашаем литературоведов в год 100-летия со дня рождения поэта собрать воедино и проанализировать его творчество.

Материал подготовил
Сергей Петров

СИМБИРСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Булдаков Николай Михайлович

(1843-1849)

С легкой руки литературного критика Павла Анненкова, симбирский губернатор Николай Михайлович Булдаков вошел в историю «величественным распутником, обжорой, тонким человеком, которого особенно боялись купцы: он на прогулках забирал у них вещи и остался должен после смерти всем мясникам, магазинщикам, доктору, аптекам и проч.».

Такова сила печатного слова, и очень трудно переспорить эту афористическую характеристику, тем более что архивы и документы исчезли в пламени пожара. Теперь и не скажешь, что здесь: только объективность, или обида на человека, которому припоминал либеральный Анненков его печальную роль в истории литератора Сергея Полторацкого, сосланного в 1823 г. под надзор полиции за похвальную рецензию на оду Пушкина «Вольность»?

В том году актуариусу Коллегии иностранных дел Николаю Булдакову был всего-то 21 год. Он действительно вращался в литературных и интеллигентских кругах, носил «вольнодумские» бакенбарды и даже был шапочным знакомым гениального Александра Сергеевича! И в то же время: маленький чин, юный возраст не всякий способен рискнуть карьерой ради либеральных идеалов. И очень велик соблазн сделать эту самую карьеру, поступаясь даже собственной совестью...

Быть может, что так оно и вышло. Скоро Николай Михайлович стал чиновником Департамента мануфактуры и внутренней торговли Министерства финансов. Он выгодно женился на сестре Санкт-Петербургского обер-полицеймейстера Варваре Александровне Кокошкиной. С 1834 г. Н.М. Булдаков занимал важную должность чиновника особых поручений при министре внутренних дел Дмитрии Николаевиче Блудове, личности незаурядной: литератор, младший друг великого Н.М. Карамзина, по завещанию историографа издавший последний том его «Истории Государства Российского».

Д.Н. Блудов председательствовал в Верховной комиссии по делу декабристов и разработал «Общий наказ граж-

Н.М. Булдаков

данским губернаторам», документ, впервые определявший полномочия местных администраций. По приказу министра Николай Михайлович неоднократно ревизовал губернские учреждения, успешно справляясь с этой непростою обязанностью ревизора. Наконец, в Симбирской губернии он смог на практике реализовывать свои административные таланты.

Высочайшим указом от 6 декабря 1843 г. Н.М. Булдаков назначался на должность Симбирского гражданско-го губернатора и жаловался чином действительного статского советника. Он действительно оказался на своем месте. Только за первые полтора года губернаторства Николай Михайлович поощрялся Всемилостивейшим благоволением (а всего их будет три), тремя благодарностями от министра Л.А. Перовского и солидной ежегодной прибавкой к жалованью в 2000 рублей серебром.

Император благоволил губернатору «за своевременное окончание 5 частного очередного рекрутского набора»: такие наборы предпринимались для комплектования войск, сражавшихся с горцами на Кавказе. Министр отметил Н.М. Булдакова «за принятые меры к прекращению незаконного денежного сбора с Симбир-

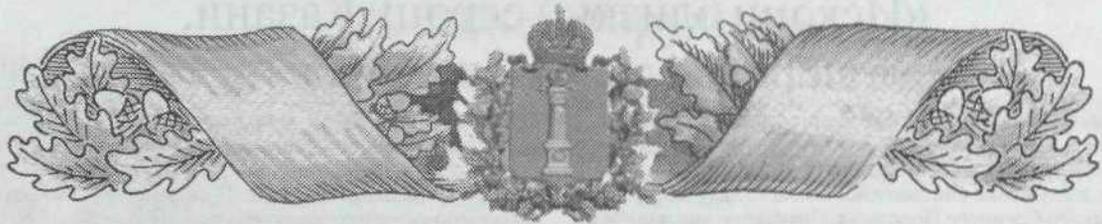
ских купцов в пользу поверенного Черкасова», «за похвальную заботливость в распоряжении по предмету торговли хлебом в Симбирске» и «за благо-разумные распоряжения и меры в отношении прекращения пагубного в крестьянском быту конюкрадства».

В неурожайное лето 1846 г. Николай Михайлович Булдаков предписывал уездным исправникам скрупулезно отслеживать и еженедельно присылать ему отчеты о рыночных ценах на провиант и фураж, как указывалось в циркуляре, «для донесения... министру... и для собственных соображений».

Событием общероссийского значения стало торжественное открытие в Симбирске 23 августа 1845 г. памятника историографу, знаменитому местному уроженцу Н.М. Карамзину. Идея выбора места для установки памятника, кстати говоря, принадлежала министру Д.Н. Блудову: оспариваемая горожанами, она, как показало время, оказалась на редкость удачной. А сам Николай Михайлович отметил участие в другом «карамзинском проекте» - составлении устава Карамзинской библиотеки, открытой в 1848 г.

Губернатор в полной мере ощущал себя хозяином города и губернии, особенно после того, как в 1847 г. он, вдовец с двумя детьми, сочетался выгодным браком с симбирской вдовушкой, бывшей фрейлиной и матерью шестерых детей Анной Ивановной Родионовой. В приданое за 33-летней невестой жених-губернатор получил почти три тысячи десятин земли в Карсунском уезде Симбирской и Саранском уезде Пензенской губерний. У супругов родилось еще двое своих наследников, причем младший, Николай, появился на свет спустя три месяца после кончины отца и получил имя в память о нем.

Тяжелая болезнь омрачила конец полной трудов и удовольствий жизни Н.М. Булдакова. Проболел пару месяцев, наш «величественный распутник» отошел в лучший мир 9 января 1849 г. и на третий день был погребен на кладбище Симбирского Покровского мужского монастыря. Усопшему не было еще и 47 лет. Могила его, увы, не уцелела.

СИМБИРСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Черкасский Петр Дмитриевич (1849-1852)

Несмотря на богатство, столичные связи и древний род, князь Петр Дмитриевич Черкасский не вполне пришелся ко двору в «дворянской» Симбирской губернии. Спустя десятилетия в столичной прессе появился такой вот анекдот из поволжской жизни: «Министр внутренних дел граф Перовский иногда довольно неудачно назначал в губернаторы, так что ... в Симбирске был губернатором князь Ч..., до такой степени бесхарактерный, что жена его - бойкая женщина - управляла всем, даже ... утверждала протоколы уголовой палаты. Дочь их имела сильную претензию на ученость профессорскую; поэтому написали эпиграмму:

О, родина Карамзина!

Какая с неба благодетельня:

В тебе профессором княжна,

А губернатором княгиня!»

Впрочем, даже пасынок предыдущего губернатора, помещик Д.П. Родионов заступался за память этого интеллигентного человека: «Князь Петр Черкасский оставил по себе... память добрую, как человек всестороннего образования, ... который привлекал к себе лучшие силы тогдашней молодежи!»

Князь Петр Дмитриевич выбивался из общего духа николаевской эпохи и ретроградской жизни симбирского «общества» своим подчеркнутым либерализмом. Его связывали идейные и дружеские отношения со многими видными декабристами. Князь родился 22 февраля 1799 г. и постигал науки в Московском училище колонновожатых, этом рассаднике свободомыслия и республиканских идей. Вместе с ближайшим другом Пушкина, Иваном Пушиным он состоял членом тайного Общества Семисторонней, или Семиугольной, звезды.

Богатый князь мог позволить себе роскошь служить, не тяготясь гражданской службой. Он больше, как говорится, числился, с 1824 г., вначале по Московской палате гражданского суда, затем, достигнув известного чина в канцелярии статс-секретаря, «у принятия прошений на Высочайшее имя».

Довольно неожиданно, из-за образовавшейся вакансии, 1 февраля 1849

года камергер, действительный статский советник князь П.Д. Черкасский оказался симбирским гражданским губернатором. Уже 19 марта 1849 г. Николай I утвердил его в должности и в тот же день пожаловал орденом Св. Владимира 3-й степени.

Губернатор П.Д. Черкасский окружил себя блестящей плеядой молодых и талантливых людей. Из «команды» Петра Дмитриевича вышли общественные и государственные деятели всероссийского масштаба. При нем начал путь к вершинам политического Олимпа Михаил Островский, брат драматурга, впоследствии министр государственных имуществ, председатель Департамента законов Государственного совета.

Знаменитый славянофил Юрий Самарин писал товарищу поэту-славянофилу Алексею Хомякову в августе 1849 г.: «На днях еду в Симбирск. ... Министр внутренних дел просил у государя разрешение дать мне поручение в какую-нибудь губернию... Я избрал Симбирск, и тотчас же был перечислен к тамошнему губернатору, князю Черкасскому. Несмотря на понижение, я доволен этим назначением; ...зная лично князя Черкасского, я

уверен, что с ним не трудно будет ужиться; занятия мои ... будут продолжены, а случаев извлечь из них практическое приложение будет ... больше. Не говоря уже о выгодах и удобствах Симбирской губернии перед другими».

Павел Анненков вспоминал: «Князь Черкасский, явился с претензиями искоренить злоупотребления, взяточничество, крайнее крепостничество и тотчас же очутился во вражде с предводителем, коварным, мелким и злым человеком, за которым стояла огромная партия грубых помещиков... На беду, Черкасский был фантаст, но он оставил по себе добрую память одним желанием внести свет в эту клоаку, а потом созданием спуска шоссе к Волге, существующего и теперь».

Смерть настала князя П.Д. Черкасского скоропостижно. Он скончался, состоя на службе, 3 декабря 1852 г. Надгробие Петра Дмитриевича и его супруги Марфы Семеновны, в виде ажурной чугунной часовенки в готическом стиле, сохранилось на Лазаревском кладбище Александрово-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Материал подготовили

И. Сивопляс и А. Шабалкин

Групповой портрет членов общества Семисторонней, или Семьюгольной звезды: князь П.Д. Черкасский и И.И. Пушкин сидят крайние справа, 1825 год

«Искони близкий сердцу Казани, дорогой сосед Симбирск»

Наш город, получивший название Сибирск (позднее – Симбирск, ныне Ульяновск), со времени своего основания более 200 лет оставался под покровительством древней Казани, заслуженно считавшейся после 1552 года столицей российского Среднего Поволжья. Симбирск, являвшийся в XVII – начале XVIII столетий центром уезда, подчинялся первоначально Приказу Казанского Дворца, а затем, с 1708 по 1780 год, вместе с обширной Симбирской провинцией входил в состав Казанской губернии. В декабре 1780 года казанский генерал-губернатор князь П.С. Мещерский руководил открытием учрежденного в том году самостоятельного Симбирского наместничества, переименованного в 1796 г. в Симбирскую губернию. Но и после этого Симбирск не утратил исторически сложившихся многообразных и тесных связей с Казанью. До 1832 года Симбирская губерния оставалась в составе Казанской епархии, причем казанские архипастыри в период с 1799 по 1832 гг. официально именовались «Казанскими и Симбирскими». Симбирские учебные заведения до 1917 г. находились в составе Казанского учебного округа. Большинство выпускников симбирских гимназий и училищ в дореволюционный период стремились завершить свое образование в учебных заведениях соседней Казани, прежде всего, в одном из лучших в Поволжье и стране Казанском университете. С другой стороны, многие из казанских уроженцев в ту эпоху хотели попасть в число воспитанников Симбирского кадетского корпуса...

А еще нужно помнить, что Казань и Симбирск всегда помогали друг другу и в тяжелые голодные годы, и в случаях различных катастроф. Так было, например, в 1815 году, когда в Симбирском Покровском монастыре разместили один из классов сгоревшей Казанской духовной академии. Помогали симбиряне жителям Казани и после большого пожара 1842 года. А в 1864 году, когда грандиозный пожар истребил две трети застройки города Симбирска, многие из местных жителей нашли временный приют именно в Казани. Поэтому далеко не случайно, что главный купол выстроенного в 1889 году здания Симбирской уездной земской управы (см. фото) наши предки увенчали флюгером в виде дракона – того самого ле-

гендарного крылатого змея Зиланта, изображение которого издавна украшает герб Казани.

В октябре 1898 года симбиряне торжественно отмечали 250-летие своего города. В связи с юбилеем свои поздравления симбирянам тогда прислали профессор Казанского университета, историк Д.А. Корсаков, группа преподавателей Казанской духовной академии, директора 1-й и 2-й казанских мужских гимназий Никифоров и Десницкий, председатель Казанского общества археологии, истории и этнографии Катанов, директор Казанского учительского института Анастасиев и другие. Многие из них выражали сожаление, что не смогут приехать к нам в гости и принять участие в праздничных мероприятиях. Зато казанский городской голова С.В. Дьяченко, несмотря на осеннюю непогоду, сумел на пароходе добраться до Симбирска, чтобы лично поздравить горожан с праздником. На юбилейном обеде в здании симбирского Дворянского собрания он произнес весьма эмоциональную речь: «Страшная буря, свирепствовавшая вчера на нашей матушке-кормилице Волге задержала меня в пути, но не смогла помешать мне своевременно привезти сердечный привет от старшей сестры и доброй соседки Казани своему младшему брату, дорогому Симбирску. Да позволено же будет мне, в этом зале, от имени Казанской городской думы искренне поздравить собравшихся с юбилеем Вашего симпатичного города, давшего России великие имена Карамзина и Гончарова... Дружба и доброе соседство между Казанью и Симбирском существуют искони и тянулись целые века без малейшего повода к взаимному недоброжелательству. В то время, когда другие соседние с Казанью приволжские города отнимали у нашего древнего города, веками стоявшего воротами между Европой и Азией, первенство из-за железной дороги... (намек на Самару – ред.) ближайший к нам по расстоянию и по сердцу Симбирск жил с нами всегда одними интересами, одной жизнью. Уже целое столетие связывает нас драгоценнейший для всего просвещенного мира маяк – Императорский Казанский Университет. Ближайший к этому славному маяку город Симбирск без каких-либо ограничений, самою широкою рукой пользовался его лучами для своих молодых, без конца подрастающих сил. Ваши лучшие люди, работники на поприще науки, обществу, медицины и юстиции, в громадном большинстве бывшие студенты нашей общей «альма-матер». Симбирцам не мало послужила и наша Духовная академия, наши Родионовский и Учительский институты... Но и вы не остались у нас в долгу, взяв на себя достойное воспитание наших казанских детей, избравших для себя славное поприще защитников Родины... Нас связывают близость и общность наших народных и земельных интересов, одинаковые условия возделывания одних и тех же серых хлебов, производя которые мы вместе составляем житницу России...»

Алексей Сытин

фото из коллекции автора

Заметки для эрудитов

Тяжела ты, «Казанская шапка»

При коронации русских царей неизменным атрибутом этой церемонии была шапка Мономаха. При возведении на престол казанских ханов тоже надевали шапку. Она сшита из драгоценного меха и богато украшена разными самоцветами, вычурными растительными узорами. В завершении — янтарь вытянутой грушевидной формы.

За время существования Казанского ханства (1437-1552) на трон восходили 14 ханов, а всего было 21 возведение на престол, поскольку некоторые ханы возводились дважды и даже трижды (примечательно, что среди них не было ни одного болгарского: 9 ордынских, 3 крымских и 2 ногайских). И всем им передавался атрибут власти — драгоценная шапка. После взятия Казани эта шапка была увезена Иваном Грозным вместе с ханским жезлом и знаменем в Москву.

Бродяги В. Андреев-Бурлак и В. Гиляровский

В мае 1883 года в Казань на гастроли приехала русская труппа. Для утверждения гастрольной афиши два очень известных в то время актера пошли к полицеймейстеру Н.Х. Мосолову. Генерал, подписав афишу, пригласил артистов закусить. На столе в салатнице была серебряная ложка с перекрученной ручкой. Один из актеров ее выпрямил, но хозяин попросил вернуть ее в прежнее состояние, поскольку ложка была дорога ему как память.

Это были В.А. Гиляровский и В.Н. Андреев-Бурлак. История же такова. В 1872 году, скитаясь по Волге, Гиляровский приехал в Казань. На одной из улиц он увидел, как, спасаясь от преследования полиции, какой-то человек выбросил пачку прокламаций. Гиляровский поднял бумаги, и его схватили как соучастника. В участке, куда его привели, он отказался отвечать на вопросы, пока ему не дадут постель. Ему принесли блюдо с едой, в котором была серебряная ложка. Озорничая, Владимир Алексеевич скрутил ее. Его поместили в камеру, из которой он благополучно сбежал, взломав решетку. А в 1883 году он прибыл в Казань уже в качестве актера с труппой Андреева-Бурлака.

Василий Николаевич Андреев-Бурлак, уроженец Симбирска, учился в Казанском университете, но, не кончив курса, ушел на Волгу. Сначала был помощником капитана, а потом и капитаном парохода «Бурлак». В ту пору на Волге было три капитана по фамилии Андреев. Во избежание путаницы их звали по именам пароходов: Андреев-Велизарий, Андреев-Ольга и Андреев-Бурлак.

И. Гончаров о Казани

Автор знаменитых романов «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», а также путевых очерков «Фрегат «Паллада», замечательный русский писатель Иван Александрович Гончаров (1812-1891), уроженец Симбирска, дважды бывал в Казани. В 1834 году, по окончании Московского университета возвращаясь на родину, он остановился в Казани всего на один день. Тогда он побывал в Кремле, во дворе Казанского университета, где тогда был еще памятник Г.Р. Державину, и прошелся по некоторым улицам города, которые и прозвал «горбатыми». Второй раз он посетил Казань, возвращаясь из кругосветного путешествия в 1855 году сухопутным путем через Сибирь. За время путешествия он побывал в Англии, Южной Америке, Малайе, Китае, Японии.

Сколько нас было

Генералитетная перепись населения в конце царствования Анны Иоанновны показала, что Российскую империю населяло 10 893 188 человек.

Вот первая десятка российских городов в 1738 году (по числу жителей):

1. Казань - 192 422
2. Новгород - 168 802
3. Н. Новгород - 156 375
4. Москва - 151 529 (с уездом)
5. Ярославль - 126 705
6. Суздаль - 126 003
7. Владимир - 116 141
8. Симбирск - 108 714
9. Смоленск - 104 763
10. Вологда - 92 077

Так просто не пройдешь

Во многих российских городах имелись заставы. В Москве было очень много застав, в Петербурге — поменьше, а в Казани — всего три: Московская, Оренбургская и Сибирская. Отсюда начинался Сибирский тракт. Эта застава запечатлена на одной из литографий Э. Турнерелли. В Симбирске было четыре заставы: Московская, Оренбургская, Саратовская и Казанская.

Кстати, Александр Сергеевич Пушкин в свое время прибыл в Казань через Московскую заставу, а выехал в Симбирск через Оренбургскую. По Казанскому почтовому тракту великий поэт въехал в наш город через Казанскую заставу.

Золотой запас России

После Октябрьской революции сформированный из военнопленных чехов и словаков корпус перешел на сторону Антанты, которая оказала ему военную и финансовую поддержку.

После захвата Симбирска в июле 1918 года, белочехи и белогвардейцы подошли к Казани и 7 августа захватили ее. Взятие города было ознаменовано разгулом дикого террора. На улице Большая Проломная в Казани в здании Государственного Банка в 1917-1918 и 1919-1920 годах хранился золотой запас России. Захватчики вывезли из Казани золотой запас на сумму 998 900 000 рублей (сорок три тысячи пудов золота, 30 тысяч пудов серебра и много платины). В 1920 году удалось вернуть ценностей лишь на 409 625 870 рублей. До захвата города власти успели вывезти в Нижний Новгород лишь небольшую часть сокровищ на сумму 1 200 000 рублей.

Государственный Банк на Проломной улице

Краса Востока

Своеобразный архитектурный облик Казани с давних пор привлекал внимание путешественников и запечатлен на многочисленных картинах, гравюрах, фотографиях... На казанских холмах, отражаясь в воде проток и озер, среди жилых и общественных зданий разных эпох и стилей издавна возвышаются, споря друг с другом красотой, многочисленные купола православных храмов и изящные минареты магометанских мечетей.

Сердце Казани – древняя неприступная крепость, каменные стены которой начали сооружаться псковскими мастерами еще при Иване Грозном в 1555 году. Вокруг кремля ширился город, обрастая, как дерево годовыми кольцами вокруг сердцевины, улицами и посадами. Деревянные укрепления и дома заменялись белокаменными, украшались орнаментом и декоративными элементами.

В начале XV века Казань именовали Новым Булгаром (Булгар-аль-Джадид), признавая за ней титул княжеского, столичного города. С середины XV века Казань – столица Казанского ханства, город богатый и красивый, поражавший современников крепостью стен и великолепием дворцов и мечетей. В Казани жили искусные мастера: строители, воздвигшие прекрасный город, кожевники-обувщики, прославившиеся во многих странах своей булгарской или казанской обувью, ювелиры, создавшие золотую царскую корону, которую Иван Грозный увез в 1552 году в Москву. Строительство кремля в камне начали знаменитые псковские мастера: Постник Яковлев по прозвищу Барма (создатель Собора Василия Блаженного на Красной площади в Москве) и Иван Ширяй. Они построили и Благовещенский собор, заложили другие постройки.

Вся жизнь Казани в XVI и XVII веках была жизнью военного лагеря. По кремлевским стенам днем и ночью ходили дозоры, крепость была окружена наполненным водой

рвом, мосты через него на ночь поднимались, тяжелые каменные ворота проезжих башен запирались, а ключи хранились у воеводы.

В XVII веке Казань не раз переживала лихие времена, была в гуще восстаний местного населения, в 1654-1657 годах здесь свирепствовала чума, в 1672 и 1684 годах в огне больших пожаров сгорели целые кварталы и улицы. Однако к концу этого нелегкого века город был восстановлен и превратился в крупный военно-административный центр России. В 1708 году Казань стала центром обширной губернии. А возросшее торгово-промышленное значение города открыло ворота в Среднюю Азию, Сибирь, Китай...

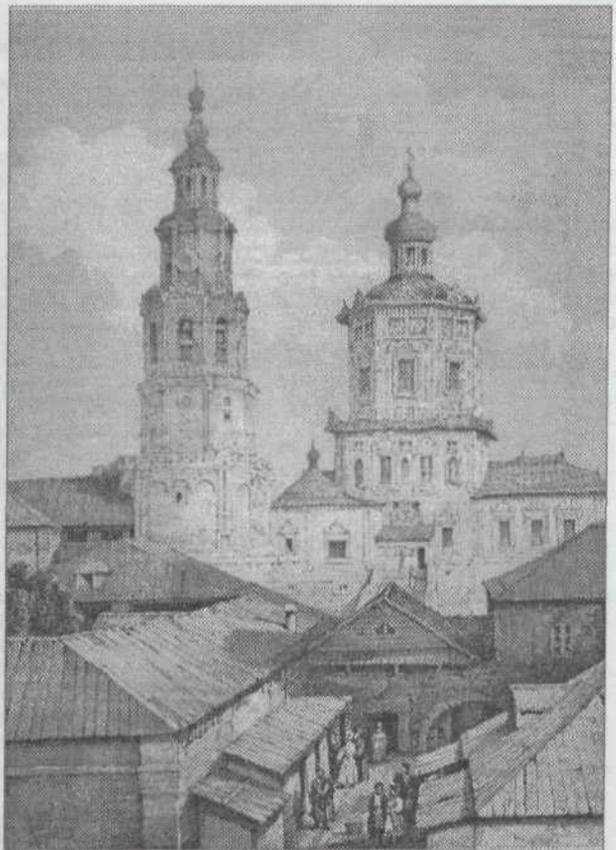
В 70-е годы XVIII века Казань опять оказалась в эпицентре трагических событий и больших разрушений: здесь прокатилась кровавая колесница крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Отряды повстанцев заняли город, но крепость выдержала осаду и не сдалась. На Арском поле был последний бой, пугачевцы отступили, но большая часть Казани сгорела.

При восстановлении города его застройка производилась впервые по утвержденному императрицей Екатериной II генеральному плану. Город отстраивался в камне, улицы выпрямились, образовывались новые площади, возводились целые кварталы. Казань приобретала свой неповторимый облик, в котором тесно переплетаются восточный и западный стили, различимы черты русской и болгарской архитектуры.

Иллюстрации - литографии Э. Турнерелли
На стр. 16:

Башня в Гостином дворе,
Татарская соборная мечеть,
Казанская крепость

На стр. 17:
Петропавловский собор,
Казанский монастырь

Злой недруг симбирян

Один из симбирских губернаторов – Михаил Леонтьевич Магницкий (о нем см. «Мономах» № 1-2001) в 1819 году был послан в качестве ревизора по народному образованию в Казань. И симбирские, и казанские его дела были скандальны и вызывали массу негативной реакции. В альманахе «Древняя и новая Россия» в 1875 году были опубликованы воспоминания Магницкого, которые и принес в редакцию наш читатель из Уфы Юрий Алексеевич Ерофеев.

В старости Магницкий любил вспоминать, как начинал службу при министерстве иностранных дел, жил в Вене и Париже, видел Наполеона, а оказался вдруг в глуши российской, в Симбирске. Более всего Магницкий любил говорить о Казанском университете и симбирском губернаторстве своем.

Через несколько десятилетий в Одессе он рассказывал: «Я приехал в Симбирск поздно ночью. Лишь только рассвело, в приемной зале моей стали собираться чиновники. Я не замедлил к ним выдти и увидел такую коллекцию, какой с роду не видывал: точно четвероногие стали на задние лапы и надели шитые ошейники. На некоторых виднелись ленты и звезды. Физиономии были различные. Одни были круглы, как полная луна. Другие худы, длиннолицы, с изображением страха и ожидания наказаний, словно повешенные собаки. На всех лицах были видны пошлость и страх».

Серебряные грузди

Едва я вошел к себе в кабинет, как мне доложили о прибытии купца перовой гильдии Ахмета Аксенова...*

Я велел просить. Вошел старик, полный, румяный, с улыбкою самодовольствия на лице.

– Поздравляю ваше превосходительство с приездом, – сказал он очень развязно и положил на стол бывший в его руках узел.

– Что это за узел? – спросил я.

– Это на поклон вашему превосходительству маленький подарок, всего 20 тысяч. Будешь милостив – каждый год буду приносить по 5 тысяч. Ты небогат, жалованье небольшое, а расходы велики. Прими, не побрезгуй малым приношением. Магомет сказал: «Яблочко из рук друга лучше царства от человека нелюбящего».

Я вспыхнул и сказал, что взятку не беру, а подобных ему людей умею обличать и преследовать.

Узел был брошен мной татарину в лицо. Он его спокойно поднял, положил на стол, низко поклонился и вышел сказал:

– Будь умник, ваше превосходительство. Возьми подарок и не заводи пустых дел. Меня не перетянешь.

Я велел отослать оставленные Ахметом деньги в Приказ общественно-го призрения и стал собирать сведения о соблазнителе губернаторов. По справкам оказалось следующее. За несколько лет перед сим Ахмет явился к одному из симбирских губернаторов и сказал следующий спич:

– Ваше превосходительство, знаешь, что в Буинском уезде появились разбойники. Твоя полиция не сладит с ними, а я их переловлю. Дай мне только приказ требовать людей и лошадей для преследования злодеев.

Губернаторский секретарь сильно

подкреплял предложение Ахмета и просимый им открытый лист был ему выдан. Вооруженный таким документом Ахмет стал требовать в чувашских селениях людей и лошадей в самую рабочую пору. Взывали чувашки от такого гонения и стали просить помилования. Ахмет дал на их мольбы такой ответ:

– Слушайте, чувашки! Беспokoить вас не стану, но и вы со своей стороны исполните мою просьбу. Вы платите в казну подати – платите их мне, а я уж за вас буду взносить в казначейство. Да вот еще что: у вас много мельниц. Отдайте их мне все в аренду за сходную цену.

Чуваши согласились и поблагодарили еще за такую милость. В самом деле, с тех пор они стали жить спокойно: Ахмет взыскивал с них двойные подушные, половину взносил в казначейство, половину оставлял у себя. Мельницы доставили ему большой доход от продажи муки, а более от особенно выгодной фабрикации: он учредил на этих мельницах заготовление фальшивых ассигнаций в огромном количестве и скупал на них пшеницу. При таком искусном устройстве финансов Ахмет быстро разбогател и назначив жалование всем губернским и уездным властям стал силою непреодолимою...

Вскоре я увидел, что мои чиновники, полиция на стороне Ахмета и ловить его не будут. Я просил Столыпина дать в мое распоряжение откупную стражу...

Проведав о беде, Ахмет прекратил свою фабрикацию и инструменты зарыл в землю, но произведенный спрятать не успел. После такой улики, как было отыскание 300 тысяч новеньких фальшивых ассигнаций, я счел себя

вправе арестовать великого симбирского деятеля и назначил следствие. Сверх того, при обыске был найден тюфяк, заключающий в себе секретную переписку Ахмета с Петербургом и Москвою. Тут были письма многих лиц, которые благодарили Ахмета за присылку денег, означая их употребление и обещали всегдашнее покровительство. Деньги, смотря по их роду, назывались: ассигнации – документами князя Хованского, серебряные рубли – груздями, а полумпериалы – рыжиками.

Следствие над Ахметом было произведено плохо и принесло немало пользы следователю: по окончании его он купил большой дом и стал жить богато. Несмотря на все снисхождение, оказываемые местными властями Ахмету, уголовная палата приговорила его и его брата Абдулмена ксылке в Сибирь на поселение. Но по жалобе Ахмета Сенат отменил это решение и приговорил к наказанию одного Абдулмена, взявшего все на себя. Братья обещались ему выплатить большую сумму денег, на которую он устроился в Сибири очень прилично...

– Много, – говорил Ахмет, – выбрано в моем лесу груздей и рыжиков, которые дурак губернатор не хотел взять. Мне сделал убыток, а себя погубит. Видно, что башка неторговая, считать не умеет.

P.S. Вероятно, Магницкий оказался единственным симбирским губернатором, при отъезде которого на новое место службы, в Казань, симбиряне не дали прощальный обед. Магницкий это запомнил надолго...

* В воспоминаниях Магницкого речь идет об известном краеведе в деле Абдулмена Еремеева – ред.

Гений русской науки

Эпоху мрачной реакции, накрывшую Казанский университет в 20-е годы XIX века связывают с именем Магницкого, а период расцвета того же учреждения соотносят с именем Н.И. Лобачевского.

Николай Иванович Лобачевский родился в бедной семье мелкого чиновника. Девятилетним мальчиком он был привезён матерью в Казань и её стараниями устроен вместе с двумя братьями в гимназию на казённое содержание. С этого времени его жизнь и работа навсегда связаны с Казанью.

В гимназии преподавал математику Г.И. Карташевский, воспитанник Московского университета. Он поставил изучение предмета на значительную высоту. И когда юный 14-летний Лобачевский становится в феврале 1807 года студентом университета (тоже «казённокоштным»), он проявляет особенную склонность к изучению физико-математических наук.

Кроме успехов в учебе, студент Лобачевский выделился еще и следующим образом. 30 августа 1807 года в университете состоялся торжественный акт по случаю именин императора Александра I. Пока ждали губернатора, Лобачевский, студент II курса, решил прогуляться по улице Воскресенской. За Воскресенской церковью он увидел разъяренную корову, которая мчалась в сторону Кремля. А на тротуаре безмятежно играли трое малышей. Николай сам не помнил, как он догнал и успел оседлать корову.

3 августа 1811 года Лобачевский утверждается магистром, а через три года – доцентом. С 1815 года он ведет самостоятельное преподавание, а еще через год получает звание экстраординарного профессора.

Но вскоре в университете создается очень тяжелая обстановка для работы. В целях борьбы с революционными настроениями и «вольнодумством» правительством Александра I проверка, в первую очередь, подвергаются университеты.

Для обследования Казанского

университета прибыл в марте 1819 года член Главного правления училищ М.Л. Магницкий. В представленном отчете он обвинил университет в растрате казенных денег и других грехах, предлагал торжественно разрушить самое здание университета. Будучи назначен попечителем народного образования казанского округа, он стал разгонять университетских профессоров, поощрять доносы и интриги.

Однако университет не был уничтожен. Александр I решил его исправить. Попечителем Казанского учебного округа был назначен Магницкий, который и приступил к энергичному «обновлению университета». Он начал с увольнения девяти профессоров. Была установлена тщательная слежка за содержанием лекций и студенческих записок и введен суровый казарменный режим для студентов.

Семь лет этой церковно-полицейской системы принесли Лобачевскому тяжелые испытания, но не сломили его непокорный дух. Ряд лет он работает деканом физико-математического отделения, становится председателем комитета, занятого постройкой главного корпуса университета.

Вскоре начинаются столкновения с попечителем. Лобачевский, по словам Магницкого, проявляет дерзость и нарушает инструкции. Магницкий решает установить особенный надзор за его поступками.

Однако и в этих условиях Лобачевский неустанно работает над строгим построением начал геометрии. Наконец, его искания завершаются гениальным открытием. Разрывая оковы тысячелетних традиций, Лобачевский приходит к созданию новой геометрии. Это совпало по времени с падением Магницкого. Специальная ревизия выявила ряд злоупотреблений, и мрако-

бес попечитель был смещен и выслан.

Новый попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин сумел оценить кипучую деятельную натуру Н.И. Лобачевского – в 1827 году великого геометра избирают ректором и 19 лет он самоотверженно трудится на этом посту.

Он сам читает ряд специальных курсов для студентов, пишет наставление учителям математики и заботится о постановке преподавания в училищах и гимназиях. Умело оберегает от сотрудников и студентов университета во время эпидемии холеры в 1830, изолировав университетскую территорию и проводя тщательную дезинфекцию.

В 1836 году Лобачевский проводит ревизию Симбирской гимназии – описывает состояние ее двухэтажного здания и находит, что она требует ремонта: «крыша во многих местах проржавела, полы приходят в негодность», дает рекомендации симбирским педагогам относительно воспитательного процесса и рекомендует учебную литературу. После отъезда ректора ремонт незамедлительно был проведен и все замечания учтены.

В 1842 году во время громадного пожара Казани Лобачевский организовал спасение астрономических инструментов и выноску книг из загоревшейся библиотеки. По его же инициативе при университете была построена новая обсерватория, одна из лучших по тому времени. Она начала работать в 1838, на год раньше Пулковской.

Многолетние плодотворные труды Лобачевского не могли получить положительной оценки у правительства Николая I. В 1846 Лобачевский оказался фактически отстранённым от работы. Внешне он получил повышение – был назначен помощником попечителя (однако жалованья ему за эту работу не назначили), но при этом он лишился кафедры и ректорства.

Насильственное отстранение от деятельности, ухудшение материального положения, а затем и семейное несчастье (в 1852 у него умер старший сын) разрушающе отразилось на его здоровье: он сильно одряхлел и стал слепнуть. Но и лишенный зрения, Лобачевский не переставал приходить на экзамены, на торжественные собрания, присутствовал на ученых диспутах и не прекращал научных трудов.

24 (12) февраля 1856 года закончилась жизнь великого учёного, целиком отданная русской науке и Казанскому университету.

С.Т. Аксаков

Более ста лет назад для обеспеченных симбирян было обычным делом посылать своих отпрысков в учебные заведения Казани, в частности, в гимназию, для того, чтобы сделать их пригодными для служения обществу и государству.

В декабре 1804 года и казанцы, и симбиряне были взбудоражены известием о том, что 5 ноября государь император подписал указ об образовании на базе Казанской гимназии нового российского университета, первого на востоке России.

По завершению текущего учебного года дирекция гимназии объявила, что 35 успевающих учеников старшего класса рекомендуются для зачисления на первый курс. Но перед этим им еще год надлежало доучиваться по гимназической программе и прослушать цикл лекций по подготовке к университетскому курсу. В ту пору в старшем классе гимназии обучался сын небогатого симбирского помещика из Карсунского уезда Сергей Аксаков, получивший самую лестную характеристику для поступления от своего опекуна, преподавателя математики, выпускника Московского университета Г.И. Карташевского. Именно этот человек приобщил своего воспитанника к сочинениям Дмитриева, Карамзина, стихам Державина. Преподаватель изящной словесности Ибрагимов, отмечая успехи Аксакова по своему предмету, сажал Сергея как лучшего ученика за первую парту, а его сочинения зачитывались в качестве образца однокурсникам.

4 февраля 1805 года состоялась церемония открытия университета. Директор Казанской гимназии И.Ф. Яковкин был назначен инспектором иногородних студентов, проживавших в пансионе – так называлось тогда общежитие. Господин Яковкин принял решение в первый год не проводить вы-

Считаю себя обязанным гимназии и университету

пускных экзаменов в последнем четвертом классе гимназии, а зачислить выпускников в студенты по текущим оценкам без вступительных экзаменов. Поступавшие в университет делились на группы. Те, кто проживал в Казани, именовались своекоштными. Большинство иногородних студентов снимали квартиры. Аксаков снимал жилье у своего опекуна Карташевского. Здание гимназии было поделено на две части. В университетском крыле оборудовались аудитории, кабинеты и пансион.

Трудно даже передать тот энтузиазм, который охватил будущих студентов. «Нельзя без удовольствия вспомнить, какую любовью к просвещению, к наукам было воодушевлено старшее юношество гимназии. Готовились не только днем, но и по ночам, повторяя наизусть ответы пройденных предметов. Учителя с нами занимались не только в классах, но и в свободное время по всем праздничным дням», – писал один из очевидцев этих событий. Штудировали немецкий и латинский. Немецкие профессора Герман, Цеплин, Эрих читали лекции именно на этих языках.

Почти ежедневно после уроков старшие педагоги гимназии, ставшие одновременно и университетскими преподавателями вместе с попечителем университета проводили конференции, разрабатывали программы учебы, обсуждали хозяйственные вопросы. После завершения подготовительной работы у Г. Карташевского состоялась дружеская вечеринка. Сидели до трех часов, поднимая тос-

ты за императора, за новых профессоров, адъюнктов, присланных в город на Волгу, за новое учебное заведение. В декабре в Казань прибыл назначенный попечителем вуза Степан Яковлевич Румовский. После экзаменов состоялся торжественный акт зачисления студентов в университет.

Каникулы гимназист-студент Сергей Аксаков провел в родном имении. Отец с матерью и сестра поздравили будущего питомца «альма матер». А состоятельная тетка Н.И. Куроедова из Чуфарово просила Сережу вновь и вновь примерить студенческий мундир, заставляла декламировать сцены из пьес, и, расчувствовавшись, пожертвовала ему десять рублей, сумма немалая по тому времени, на обзаведение учебниками. А пока Сергей увлекся ловлей бабочек. Заразил его этим занятием профессор натуральной истории господин Фукс.

Возвратившимся с вакаций гимназистам в дополнение к новым мундирам выдали шпаги. По воскресным дням они дружно дефилировали по главным улицам города. Обыватели провожали их насмешливыми репликами. «Ох, стало студено – студенты идут».

Новый учебный год принес гимназистам-студентам новые дисциплины. Философию и логику читал Лев Сергеевич Левицкий, высшую математику – Г.И. Карташевский. Француз Бюниман преподавал правоведение. Должность ректора университета исполнял старый директор гимназии.

Казанский университет

Сибирская застава. Э. Турнерелли

Разделение на факультеты и специальности проведено еще не было. Как и его однокурсники, Аксаков увлекся анатомией. Ее вел адъютант Эвест. Пока препарировали животных – все было нормально, а как дело дошло до человеческих трупов, то будущий литератор отказался присутствовать в анатомичке. А его сокурсники были озабочены тем, чтобы найти и доставить в университет тела умерших бродяг. Полиция не препятствовала этому – дело шло о науке.

Преподаватели гуманитарных курсов поощряли увлечение студентов театром. В губернском центре гастролировала отличная труппа. Наверное, в этом увлечении был повинен и известный московский актер Плавильщиков, включенный в местную труппу. Этому актера хорошо знали в Симбирске. Кое-кто из участников представлений из ермоловской и дурасовской крепостных трупп в свое время обучался в Москве у этого известного артиста. Со временем учащиеся решили в конце 1806 года организовать постановку на дому. Затем добились, чтобы пьесы играли в одной из аудиторий. Попечитель наложил резолюцию: «Разрешаю за их отличное прилежание». Был сочинен университетский театальный устав. Больше всего ставились нравоучительные немецкие пьесы. Уже в первых спектаклях Сер-

гей Аксаков показал себя ведущим артистом. И, с согласия самодеятельной труппы, его назначили директором актерского коллектива. Со сцены его провожали бурными овациями, а администратор профессиональной казанской труппы, просмотрев его роли, распорядился предоставлять ему на премьеры бесплатные кресла в театре. Но вскоре у него появился соперник, и самолюбивый симбирянин после ряда замечаний, касающихся его ролей и дебюта на сцене его друга Панаева, подал в отставку. С этого времени он внезапно полюбил одиночество и вскоре прочел Панаеву свое поэтическое сочинение «К соловью».

Вокруг преподавателя Ибрагимова сформировалось литературное общество, в состав которого, кроме Аксакова, входили Д. Перовщиков, братья Панаевы, П. Коидырев и другие. Сергея Аксакова и здесь избрали старостой. В начале 1806 года на втором году обучения в университете появился литературный журнал «Аркадские пастушки». А затем некоторые студенты, решили попробовать свои силы в самодеятельном журнале.

Современники вспоминали: «Родилась охота к чтению, а чтение впоследствии и к собственным упражнениям. Явился незабвенный Карамзин и множество людей захотело заниматься литературой. Молодые люди отва-

жились уже выпускать в журнал свои произведения. Публика их принимает с удовольствием». Сохранилось несколько страниц «Журнала наших занятий», своеобразной хроники этого литературного общества, написанных рукой С. Аксакова. «Мы собирались каждую неделю по субботам и читали свои сочинения и переводы в стихах или прозе. Всякий имел право делать замечания, и статьи нередко тут же исправлялись. Принятые сочинения или переводы вписывались в заведенную для этого книгу». Эпиграфом для сборника первых поэтических и прозаических опытов были взяты слова: «Многие пишут для славы – мы пишем для удовольствия». Характерно, что почти все принадлежали к карамзинскому направлению, лишь Аксаков открыто провозгласил себя сторонником адмирала Шишкова, всячески порицавшего карамзинский сентиментализм, романтизм и западные влияния на нашу отечественную словесность. В студенческий сборник помещались произведения и исторического плана о Дмитрии Донском, о воинской славе России и полководцах. Россия уже участвовала в антифранцузской коалиции против Наполеона. На многих студентов произвел впечатление реферат «О распространении и пользе русской литературы». Разумеется, печатали и лирические стихи, посвященные дамам

сердца, подписываемые именами античных героев. После появления «Оды Александру I по случаю известия об основании университета в Казани» многие декламаторы и по случаю и без повода слова приветствия императору: «Ты снял невежества оковы. Ты храмы музам строишь новы и покровительствуешь им». Один из участников литературной группы описал окрестности Казани, по его мнению, напоминающие некоторые места Швейцарии. Немалую научную ценность для исследователей представлял очерк Александра Панаева «Путешествие в Болгары». Впервые автором были описаны древние развалины этой мусульманской святыни, минареты, мечети и остатки древнего городища. Кроме наук, театра, студенческого журнала, гимназистам-студентам старшей группы были не чужды и романтические порывы.

Пришла пора любви и к будущему сочинителю Аксакову. Винават в этом, как ни странно, невольно оказался его воспитатель. Однажды он привел своего подопечного в пансион госпожи Вильфинг, где воспитывалась девица, лишившаяся родителей, Мария Кермик. Первая встреча с будущей избранницей не оставила тогда никакого впечатления. Но через полгода во время прогулки, увидев Марию, студент Аксаков вдруг понял, что не может жить без нее. В том, что он неравнодушен к одинокой девушке, Сергей признался своему сокурснику Панаеву. Мария и не подозревала о возникшей симпатии. Молодой Аксаков стал часто бывать в доме Вильфингов. И вдруг все перевернулось. Неожиданно в городе появилась необычная для Казани того времени персона. Шведский граф, следующий по служебным делам на восток в сопровождении переводчика, был введен в дом Вильфингов. Он изъяснялся на всех европейских языках, прекрасно знал музыку и сочинял презабавные стишки. Через неделю он сумел очаровать бывшую до этого равнодушной к местным воздыхателям госпожу Кермик. Через две недели они пошли под венец. Молодые отправились в Иркутск, куда графа якобы командировали для научных исследований. Все казанское общество радовалось за сироту, дочь булочника, составившую такую блестящую партию. И вдруг казанцы неожиданно узнали, что под именем графа у них жил известный европейский авантюрист Ашенбреннер, который бежал из Европы в Россию. За финансовые махинации в западных районах империи, афериста отправили в ссылку в Ир-

кутск за его счет. Впрочем, мнимый граф нашел мужество покаяться перед казанцами и прислал с дороги письмо, в котором просил прощения за обман и говорил о том, что он потерял разум от любви. Оказывается, он прекрасно знал по-русски. Услужливые недоброжелатели потом переслали в губернский центр его книгу в двух томах на немецком языке, в которой он описывал свои похождения. Ашенбреннер в письме к госпоже Вильфинг обещал исправиться и ссылался при этом на то, что его чернили недоброжелатели. Самое интересное, что Мария Кермик тоже прислала письмо владелице пансиона, в котором писала, что она нисколько не раскаивается в том, что вышла замуж за столь образованного человека и счастлива с ним. Жертва несчастной любви Сергей Аксаков недолго изливал свои скорбные чувства в стихах. В очередном семестре в университете появились новые предметы – философия, естественно-политическое и народное право, политэкономия, статистика. Прибыло несколько новых профессоров. Но по-прежнему деления на факультеты не было. Окончившим старший класс выдали аттестаты и теперь они уже считались студентами.

К тому времени изменилось имущественное положение семейства Аксаковых. Они переехали в Казань, получив наследство скончавшейся тетки Куроедовой. В январе 1807 года на семейном совете решено было, что Сергею пора поступать на службу. И хотя он был студентом чуть более года, симбирянин навсегда оставил в своей памяти учебу в Казани. «Стены гимназии и университета – вот что составляло мир для меня. Там царствовало полное презрение ко всему низкому, подлому, ко всем своекорыстным расчетам и выгодам, ко всей житейской мудрости и глубокому уважению ко всему честному и высокому. Память таких годов неразлучно живет с человеком и куда бы его не занесли обстоятельства, как бы ни втопали в грязь или в тину, она выведет его на честную прямую дорогу. За все, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии и университету».

Через два года при новом симбирском губернаторе А. Долгорукове в Симбирске открылась своя гимназия, многие выпускники которой потом стали студентами Казани.

Далеко не все из сокурсников нашего Аксакова окончили полный курс, не все получили степень бакалавра или кандидата, но характерно, что многие из первых казанских студентов со

временем стали известны всей России. Д. Перевоицков, член аксаковской литературной группы, стал знаменитым преподавателем математики и астрономии. В 1809 году его пригласили в наш город в только что созданную гимназию. Он первым из преподавателей Симбирска получил звание кандидата наук. Александр Княжевич дослужился до министра финансов. Братья Панаевы продолжили заниматься литературной работой, а сын Ивана Панаева стал известнейшим писателем. Воспитатель же С. Аксакова, преподаватель Карташевский, в конце своей карьеры занял пост директора Департамента духовных дел Империи и его ввели в правительственный Сенат. В грозный для России 1812 год Петр Баясников, отличный математик, полковник, командир батареи, отличился в битве при Березине. Но вот игра судьбы – избежав французских пуль, умер от горячки, простудившись при переправе через реку. В список отличившихся в войне с французами попали отличники-студенты Петр Зыков и Михаил Фомин. Выйдя из университета, Аксаков не без помощи своего бывшего опекуна поступил переводчиком в столицу в Комиссию по составлению новых законов. Там вскоре и началась его профессиональная литературная деятельность. Он получил благословение, как юный А. С. Пушкин когда-то, от старика Державина, прочтя ему одно из своих первых стихотворений. И хотя у казанских студентов не было, как у лицейцев, своего неофициального братства, и они не собирались регулярно, память об университете служила им путеводной звездой. Трудно даже перечислить, сколько знаменитых людей из наших земляков, начиная с XIX века, вышли из стен университета соседнего волжского города. Два губернского города, Симбирск и Казань, оказались связанными во многом и благодаря Казанскому университету, который окончили в свое время сотни симбирян. И Сергей Аксаков навек сохранил память и запечатлел в воспоминаниях его огромное белое здание на возвышенном месте, с колоннами, зеленой крышей, обширным куполом и массивной дверью, ведущей в храм науки. И сегодня с его словами соглашались многие современные выпускники университетов. «Я убежден, что кто не воспитывался в публичном заведении, у того остается пробел в жизни, что ему недостает некоторых не испытанных в юности ощущений, что жизнь его неполна».

Владимир Радаев

«Бутлеров нам всем очень понравился»

Далеко не все знают, что один из самых известных преподавателей Казанского университета, основатель Казанской химической школы, создатель теории химического строения органических веществ А.М. Бутлеров благодаря симбирским врачам и своему крепкому здоровью сумел победить тяжелейшую болезнь. Об этом и о многом другом, связывающем великого ученого с нашим краем, рассказывает Сергей Петров.

Родился А.М. Бутлеров в Чистопольском уезде Казанской губернии. В метрической книге села Красный Яр названного уезда сохранилась запись: «Июля осьмнадцатого числа Чистопольский дворянский предводитель и кавалер Михаил Васильев сын Бутлеров, отрок 37 лет, по учинении обысков сочетался законным браком деревни служилой Шанталы помещика Александра Стрелкова на дочери Софье Стрелковой 17 лет». Сентября 3 числа 1828 г. у новобрачных родился сын Александр, крещенный в той же церкви 9 сентября.

6 февраля 1845 г. Александр Бутлеров был «принят студентом» в Казанский университет по разряду математических наук, а через десять дней по его просьбе был переведен в разряд естественных наук.

Вскоре Бутлеров крепко и на всю жизнь подружился со студентами Н.П. Вагнером и Д. Пятницким. Зимой 1846 г. профессор минералогии, геологии и сравнительной анатомии Казанского университета Петр Иванович Вагнер решил отправиться с экспедицией в киргизские степи. В состав экспедиции вошли: его сын Николай Вагнер, будущий профессор Петербургского университета, писатель, приват-доцент М.Я. Киттары, А.М. Бутлеров и Д.И. Пятницкий.

Участники экспедиции собирали коллекции растений и насекомых. В конце лета, в Гурьеве, Бутлеров тяжело заболел. Подозревая тиф, руководитель экспедиции профессор Вагнер решил прервать экспедицию и везти больного в Симбирск. В первой половине сентября 1846 г. в очень тяжелом состоянии Бутлерова доставили в Симбирск. В начале октября 1846 года Н.И. Лобачевский уведомил проректора Казанского университета о болезни Бутлерова:

«Господин ординарный профессор Вагнер доносит мне, что по случаю болезни студента Бутлерова он прибыл в Черный Яр, где по неимению аптеки больной оставался без врачебных пособий до Сарепты. Болезнь сначала в виде простой лихорадки начала день ото дня принимать вид беспрерывной горячки; пароксизмы слились, оказался бред и, наконец, развилась вполне тифозная горячка с

пятнами. К счастью, он вовремя поспел в Симбирск, где нашел средства помочь больному...».

Отец Бутлерова, прибыв в Симбирск к уже выздоравливающему сыну, усердно за ним ухаживал, но сам заразился от него тифом. Почувствовав это, М.В. Бутлеров поспешил в свое село Бутлеровку, где вскоре умер. Так трагически закончилась летняя экспедиция 1846 г. Перенесенные страдания и утрата отца тяжело сказались на состоянии здоровья 18-летнего юноши, но он выстоял и в 1848 г. опять поехал в экспедицию – в Оренбургскую губернию. После окончания университета А.М. Бутлеров женился на Надежде Михайловне Глуминой, дочери Михаила Глумилина и Софьи Тимофеевны, урожденной Аксаковой. Теща Бутлерова была родной сестрой С.Т. Аксакова и Н.Т. Аксакова (1797-1882), в 1850-е годы предводителя дворян Симбирской губернии.

Породнившись с Аксаковыми, Бутлеров, благодаря своим личным качествам, стал желанным членом их семейства. С.Т. Аксаков помогал ему преодолевать затруднения при защите докторской диссертации. Бутлеров обращался к нему в письмах «милый дяденька».

В 1851 г., посетив имение своей тетушки С.Т. Глуминой (Аксаковой) в Бугурусланском уезде Оренбургской губернии, И.С. Аксаков писал родным: «Бутлеров нам всем очень понравился; ему всего 23 года, с обширными знаниями (по своей части) он соединяет в себе такую детскость, такое простое, чистое сердце, что редко встретишь подобные явления. Нет в нем ни претензий, ни умышленных движений; напротив, совершеннейшая способность всего его обхождения может происходить только от чистоты и простоты сердечной».

В близких отношениях был Бутлеров с двоюродным братом своей жены Александром Николаевичем Аксаковым (1832-1903) – уроженцем села Репьевка ныне Инзенского района Ульяновской области (тогда Городищенского уезда Пензенской губернии), одним из главных пропагандистов спиритизма в России, исследователем загадочных явлений человеческой психики, автором многих книг и статей. В 1860-е гг.

Бутлеров сам увлекся спиритизмом. Именно в это время Александр Аксаков подолгу жил в Репьевке.

Но не только родственные связи и интеллектуальные интересы привлекали А.М. Бутлерова в Репьевку. В 1896 сын ученого, Владимир Александрович Бутлеров, был внесен в 3-ю часть родовой книги дворян Пензенской губернии как владелец 381 десятины земли у этого села. В Репьевке проживал и внук Бутлерова, Александр Владимирович.

В 1850-1855 гг. студентам-математикам, в том числе и И.Н. Ульянову, курс неорганической химии читал начинающий преподаватель, молодой ученый Александр Михайлович Бутлеров. Через тридцать лет, в Петербургском университете, лекции Бутлерова, ставшего всемирно известным ученым, заслуженным профессором, ординарным академиком Петербургской академии наук, слушал Александр Ильич Ульянов.

В 1878 году А.М. Бутлеров принял активное участие в организации Высших женских Бестужевских курсов, на которых затем преподавал. На них учились А.И. Ульянова и Н.К. Крупская.

В своих воспоминаниях А.И. Ульянова-Елизарова писала о брате Александре: «Он выбрал Петербургский университет, ибо там естественный факультет был поставлен наилучшим образом и блистал такими светилами, как профессора Бекетов, Бутлеров, Вагнер и другие».

Наряду с химией, великий ученый всю свою сознательную жизнь интересовался энтомологией. В последние годы жизни он выпустил несколько книг о пчелах. Пчеловодством Бутлеров занимался в своем родовом имении – селе Бутлеровке Спасского уезда Казанской губернии, где и скончался 5 августа 1886 г. В настоящее время значительная часть территории Спасского уезда входит в состав Старомайского района Ульяновской области.

Жизнь и люди былого времени

Ни одна биографическая книга об А.М. Бутлерове не обходится без ссылок на воспоминания о нем нашего земляка, прозаика-очеркиста, публициста, общественного деятеля Валериана Никаноровича Назарьева. Назарьеву довелось в конце 1830-40-х годов учиться вместе с Бутлеровым в Казани, сначала в пансионе А.С. Топорнина, затем в университете. Вот что писал он о тех годах.

Не успел я опомниться, как уже очутился в Казани, на Федоровской улице, в мрачном доме казарменной архитектуры, с громадной вывеской, гласившей: пансион для благородных детей Александра Семеновича Топорнина.

Мне до сих пор мерещится ряд однообразных комнат с классной мебелью, громадными черными досками и поясным портретом грозного попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина, живо напоминавшим орла в ученом мундире, анфилада дортуаров, с тесно прижавшимися друг к другу кроватями, длинный обеденный стол с неизбежным провинчившимся учеником на коленях возле печки. Помню аккуратно смеявшихся друг друга надзирателей: круглого и мягкого, как булка, немца, и поджарого, горбоносого и юркого барабанщика великой армии, Роланда, прозванного «неистовым»; товарищей по пансиону, смотревших волчатами, насильно исторгнутыми из своих логовищ с берегов Волги, Камы, Суры и даже Дона. Помню редкие, наводившие неописанный ужас, наезды попечителя округа, решительно не умевшего говорить, как говорят обыкновенные люди, а только греметь таким потрясающим громом, что все обитатели пансиона, начиная с его содержателя Топорнина и кончая шорником, мгновенно лишались употребления языка и дрожали как листья.

В один из праздничных дней, когда мы попарно, с «неистовым» Роландом во главе, возвратились от обедни, в приемную вошел благообразный господин, казанский помещик Бутлеров, в сопровождении очень похожего на него мальчика в серой курточке с открытой шеей и большим отложным воротничком рубашки. Мальчик, точно предчувствуя беду, прижимался к отцу и робко осматривал своих будущих товарищей. После обычных переговоров, солидный господин удалился, а милостивый мальчик остался в пансионе в одной комнате со мной.

Прежде всего, новобранцу пришлось пережить тяжелый период искуса, то есть неизбежных придинок, насмешек и потасовок со стороны необузданных сынов Волги, Камы и Дона. Бутлеров переносил все это с редким терпением, никогда не жаловался, а его большие серые глаза все так же доверчиво смотрели на истязателей. При всем том истязания продолжались, большинству невыносимо

было добродушие нового товарища, его опрятность и порядочность. Самыми яркими антагонистами Бутлерова оказались два брата, донские казаки, с какой-то напускной гордостью носившие пестрые архалуки и широчайшие панталоны. Однажды, лихие донцы, устроив засаду на черной лестнице, напали на Бутлерова, порешив заранее истребить или испортить его новенький костюм, но к счастью подошел верный дядька и донцы потерпели заслуженную кару. Я хорошо помню, что даже после такой истории Бутлеров нисколько не изменил своих отношений к товарищам, оставаясь таким же добродушным, как в первый день своего поступления в пансион.

Вскоре в натуре Бутлерова появилась ранняя потребность деятельности. Его не удовлетворяло обычное приготовление уроков, он не мирился с бездельем, и в свободное время или в праздники, когда другие воспитанники не отходили от окон, наблюдая уличные сцены, или выслушивая, бывшие в большом ходу, рассказы о волжских и камских разбойниках, он всегда находил себе занятие, увлекаясь самыми разнообразными предметами.

Первым увлечением Бутлерова была страсть к живописи – никто старательнее не копировал носы и глаза. Затем он перешел к масляным краскам и совершенно неожиданно для товарищей, написал образ одного из апостолов, покрыл лаком и повесил над кроватью. Со своей стороны я был решительно ошеломлен произведением Бутлерова и пользовался каждым удобным случаем, чтобы лишний раз побывать в спальне и взглянуть на картину. Дело пошло еще дальше: Бутлеров обзавелся лампадкой, каждую ночь горевшей перед образом... В первое время я то и дело просыпался, чтобы полюбоваться на произведение моего товарища.

Несколько времени спустя у Бутлерова явилась новая страсть – он усердно возился с какими-то склянками, банками, воронками, что-то таинственно переливал из одного пузырька в другой, ему всячески мешал неугомонный Роланд, зачастую отбирал склянки и пузырьки, ставил в угол или оставлял без обеда непрошенного химика, но тот не унимался, пользуясь покровительством учителя физики. В конце концов, в углу, возле кровати Бутлерова, появился крошечный, всегда запертый шкафчик, наполненный

какими-то снадобьями и разнохарактерной посудой.

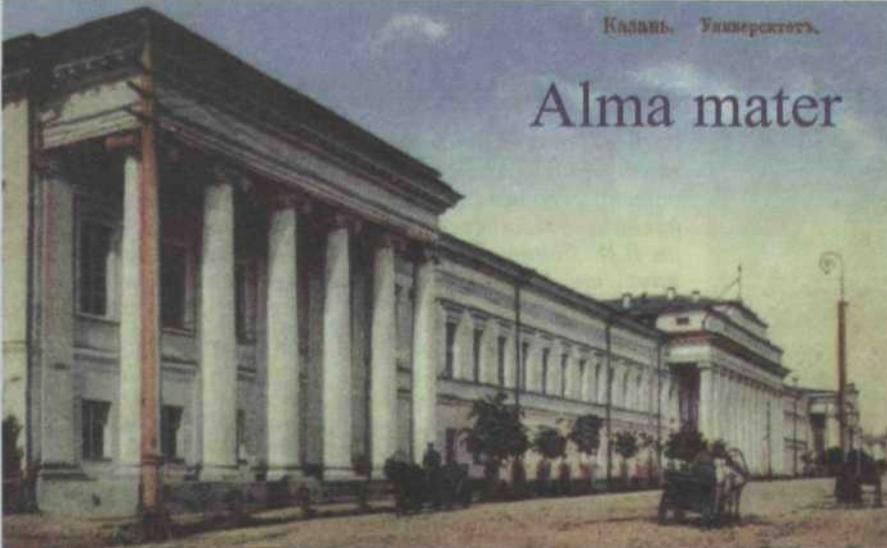
В один прекрасный весенний вечер, когда воспитанники шумно и весело играли в лапту на просторном дворе, а «неистовый Роланд» дремал на солнечном припеке, в кухне раздался оглушительный взрыв... Все ахнуло, а Роланд, прыжком тигра, очутился в подвальном этаже – где помещалась кухня. Затем перед нами снова показался тигр, безжалостно влачивший Бутлерова с опаленными волосами и бровями, а за ним, понунив голову, шел дядька, привлеченный в качестве сообщника, тайком доставлявшего материалы, необходимые для производства опытов.

К чести пансиона Топорнина следует заметить, что розги никогда не употреблялись в этом заведении, но так как преступление Бутлерова вышло из ряда вон, то наши педагоги, на общем совете, придумали новое, небывалое наказание. Раза два или три преступника выводили из темного карьера в общую обеденную залу, с черной доской на груди, на которой крупными белыми буквами красовалось «великий химик».

Страшный пожар, истребивший половину города, положил конец педагогической деятельности Топорнина. Пансион закрылся, воспитанники разъехались по домам, и я на долгое время потерял Бутлерова из виду. Мы снова встретились с ним, если не ошибаюсь, осенью 1847 года. Я только-только надел синий воротник и, не помня себя от восторга, шел по университетскому коридору и вдруг наткнулся на плотного студента, со страшно загорелым лицом – это был Бутлеров, только что возвратившийся с берегов Каспийского моря, куда ездил для каких-то ученых исследований с одним из профессоров Казанского университета.

Последовал длинный промежуток времени... в конце 60-х годов, на Невском, чьи-то сильные руки обхватили меня сзади, оглядываюсь и вижу все те же с детства знакомые, ясные, добрые серые глаза... Это был Бутлеров, тот же Бутлеров, каким я знал его в пансионе Топорнина и в Казанском университете. Приотившись в ближайшем ресторане, мы весело припомнили прошлое: Казань, пансион, Роланда, наделавший столько шуму взрыв, и снова расстались, но уже с тем, чтобы не встретиться более в жизни.

Alma mater

Одно из старейших высших учебных заведений России Казанский государственный университет. Он был учрежден Александром I в 1804 году. С этим престижным учебным заведением связаны имена выдающихся наших соотечественников. Здесь трудились известные всему миру ученые: создатель «неевклидовой геометрии» математик Н.И. Лобачевский, химик Н. Зинин и А. Бутлеров, историк А. Шапов, лингвист И. Бодуэн де Куртене и многие другие. В Казанском университете учились писатели Л. Толстой, С. Аксаков, А. Мельников-Печерский, композитор А. Балакирев. С историей университета связаны и имена татарских ученых: Х. Файезханова, И. Хальфина, К. Насыри.

Университетская научная библиотека — одна из крупнейших в мире по книжному фонду, в ней хранится свыше

15000 редких рукописей и более 3000 томов редчайших книг. Начало ей было положено в 1809 году собранием книг графа Г. Потемкина, некогда доставленных в Казань в 1799 году на 18 подводах, а также большими книжными коллекциями казанских библиофилов В. Полянского и Н. Булича. В XX веке библиотеке было передано уникальное собрание старинных книг и рукописей Соловецкого монастыря. В хранилище библиотеки берегаются уникальные книги и манускрипты.

Другое сокровище Казанского университета — это его старейшие и богатейшие музеи. Уникален по собранию экспонатов Зоологический музей, организованный в 1838 году и расположенный в главном здании университета. Начало Этнографическому музею было положено в первые годы основания университета, когда был создан Кабинет древностей. Геологический музей создан в 1805 году, в нем собрано более 100 000 всевозможных горных пород и минералов, образцы драгоценных и полудрагоценных камней: изумрудов, топазов, рубинов, гранатов, сапфиров, аметистов.

За два века Казанский университет внес огромную лепту в развитие многих наук. Сегодня на 94 кафедрах 16 факультетов университета учится более десяти тысяч студентов. В учебном процессе задействованы около 1000 преподавателей, среди них 230 профессоров и 700 доцентов.

В состав Казанского государственного университета входят два филиала, химический НИИ им. А.М. Бутлерова и НИИ математики и механики им. Н.Г. Чеботарева, шесть музеев, две обсерватории, ботанический сад, центр вычислительной техники. Многолетний опыт партнерства связывает КГУ с Гиссонским университетом (Германия), Лювенским университетом (Бельгия), университетом г. Канава (Япония). Большой интерес за рубежом традиционно вызывают физическая, химическая, математическая, лингвистическая, биологическая школы университета.

Выпускников Казанского государственного университета можно встретить в Ульяновске в каждом учреждении, на любом предприятии. Большинство из них — талантливые люди, высокие профессионалы. Многие имена на слуху. Это экологи Андрей и Ольга Салтыковы, Светлана и Фарит Зелеевы, Светлана Смирнова и Руслан Богданов; журналисты Тамара Еперина, Сергей Мочалов, Андрей Яничев, Владимир Родин, Асхат Сайфиев, Александр Попов.

С 1993 года в УлГУ преподает уроженец Казани и выпускник КГУ профессор с мировым именем Валентин Александрович Бажанов, декан факультета гуманитарных наук и социальных технологий, член-корреспондент Международной академии философии в Брюсселе, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии нескольких международных журналов, автор пяти монографий и 275 научных публикаций.

Дом ректора, где жил и работал Н.И. Лобачевский, начало XIX века

Нынешний ректор КГУ Мьякзюм Халимулович родился 13 июля 1951 года в Казахстане. В 1960-м году семья переехала в Ульяновск, Салаховы поселились в живописном месте у Волги, на ул. Степана Разина. Родная сестра ректора Рауля Халимуловна вспоминает: «Мьякзюм всегда учился отлично. Брата я видела исключительно с книгой в руках. Он очень много читал, увлекался шахматами, нес общественные нагрузки. Помню, к нему прикрепили отстающего в учебе Гену Уточкина. Мьякзюм с ним серьезно занимался, завязалась дружба, и Гена впоследствии поступил в высшее военное училище. А Мьякзюм, окончив школу с «золотой» медалью, поступил в Казанский университет. Приезжая на каникулы в Ульяновск, он привозил всем нам какие-то подарочки: сэкономил на питании, чтобы приехать к родным не с пустыми руками».

Учителя 1-й школы хорошо помнят одаренного, трудолюбивого Мьякзюма. На выпускном экзамене по математике случился курьез: учительница, волнуясь за медалистов, решила помочь им в решении задачи, но подсказка оказалась ошибочной, и отличники лишились медалей. Все, кроме Салахова. Он сказал: «Я буду решать по-своему».

Мьякзюм поступил на физический факультет Казанского государственного университета. Он был Ленинским стипендиатом, работал в студенческих строительных отрядах, а в 1973 году получил диплом с отличием.

На вузовской скамье определились научные интересы М.Х. Салахова, связанные со спектроскопией атома и диагностикой плазмы. В январе 1977 года он защитил кандидатскую диссертацию и начал работать на кафедре оптики и спектроскопии физического факультета, а в 1988 г. стал доцентом этой кафедры. Результатом его научных исследований явилась диссертация на соискание учёной степени доктора физико-математических наук в 1992 году. Под руководством М.Х. Салахова получило развитие современное направление, связанное с компьютерными методами в физике. Признанием достижений казанских физиков-оптиков явилось образование в КГУ Совета по защите докторских диссертаций по специальности «Оптика». Его председателем стал профессор М.Х. Салахов. Он стажировался и работал в США, Югославии, Италии, Голландии, Японии, Турции. Дважды являлся Соросовским профессором. Он – автор двух монографий и более 220 научных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. В 2003 году М.Х. Салахову было присуждено почётное звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан», а в 2004 году он избран действительным членом Академии наук Татарстана.

Мьякзюм Халимулович проявил не только талант ученого, но и необычайные организаторские способности. В мае 2001 года он стал проректором Казанского университета.

В плеяду достойнейших людей, когда-либо возглавлявших Казанский государственный университет, сегодня с честью вошел наш земляк, выпускник Ульяновской школы-гимназии № 1 имени В.И. Ленина, доктор физико-математических наук, профессор, академик Академии наук Татарстана, председатель Совета ректоров Татарстана Мьякзюм Халимулович Салахов.

Заботливый сын, талантливый ученый

Одно из направлений его работы в этой должности было связано с реконструкцией зданий и корпусов университета в преддверии 200-летнего юбилея. Принципиальность и твердость характера позволили М.Х. Салахову решить затянувшуюся проблему согласования строительного-архитектурных планов университета с действующим в сфере охраны историко-архитектурных памятников законодательством.

3 апреля 2002 г. на заседании конференции университета из числа четырех кандидатов был избран 35-й по счёту ректор: Мьякзюм Халимулович Салахов. Основные усилия он направил на учебный процесс и организацию научных исследований. Были созданы факультет психологии и Химический институт, открыты новые специальности, продолжено совершенствование структуры филиалов КГУ. В 2003-2004 годах состоялось около 50 научных форумов – более чем треть из них имели статус международных.

Первые годы ректорства совпали с подготовкой празднования 200-летия основания университета. Под руководством М.Х. Салахова было завершено строительство Автоцентра КГУ, возведено здание восточного корпуса к левому крылу главного здания, произведена реконструкция главного корпуса и Астрономической обсерватории, реставрированы здание геологического факультета и входящие в классический ансамбль университета «полупирюли», началось возведение нового химического корпуса.

В августе 2003 года вышло распоряжение Президента Российской Федерации В.В. Путина «О праздновании 200-летия основания Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина», придавшее юбилейным торжествам общероссийское значение. Были утверждены как состав общероссийского Оргкомитета, так и Федеральная программа подготовки к празднованию юбилея университета, которая включила в себя Республиканскую программу. В октябре 2003 года Генеральная конференция ЮНЕСКО после рассмотрения представленных КГУ документов приняла решение включить 200-летие Казанского университета в перечень памятных дат этой организации.

Деятельность М.Х. Салахова получила общественное признание: в 2004 году он был избран депутатом Госсовета Республики Татарстан, а затем и членом его Президиума.

Несмотря на многочисленные заботы на посту ректора КГУ и председателя Совета ректоров, М.Х. Салахов остается заботливым сыном, братом, отцом. Не проходит и недели, чтобы Мьякзюм не позвонил родителям: требуются ли лекарства, в чем нуждаются, как живет сестра Рауля? Его приезд в Ульяновск всегда большой праздник для родных.

Мьякзюм Халимулович и ныне увлекается шахматами, лыжным спортом, много читает. К житейским радостям прибавилась еще одна – прогулки с маленькой внучкой.

Паломник родного Посурья

Более сорока лет живет и работает в Казани наш земляк, уроженец Карсунского района, ныне профессор Казанского государственного технического университета, действительный член Академии гуманитарных наук, писатель, публицист, яркий общественный деятель, возглавлявший юбилейный Языковский комитет, Николай Васильевич Нарышкин (см. фото). В преддверии большого праздника 1000-летия Казани Николай Васильевич дал интервью журналу «Мономах» – с нашим изданием писателя связывает долгое и плодотворное сотрудничество.

– Николай Васильевич, Вы – большой патриот родной посурья земли, однако Ваша жизнь прошла в Казани.

– Уточню: я патриот России, а посурья земля это часть России, она для меня родная. Кроме России, у меня ничего нет. А в Казань я приехал после четырехлетней службы на Тихоокеанском морском флоте. Со мной служили молодые люди разных национальностей, мы все очень дружили и не раз обсуждали, куда бы поехать учиться. Ребята много говорили о Казани, о престижном Казанском университете, и у меня возникла мысль поехать туда. Нельзя забывать, что Казань в нашем сознании ассоциировалась еще и с именем Ленина, с именами Льва Толстого, Максима Горького, Федора Шаляпина, Гавриила Державина. Так что выбор не был случайным: я поехал поступать в знаменитый на весь Советский Союз Казанский государственный университет имени В.И. Ленина.

– И никогда не пожалели об этом?

– Нет, конечно. Я живу в центре многонационального цветника. Вся моя жизнь неразрывно связана с этим удивительным городом, с Казанским университетом и с авиационным институтом имени А.Н. Туполева – теперь уже техническим университетом. Казанский университет окончили и моя жена Людмила Михайловна, а также сын Александр и сноха Ольга, ныне известные московские юристы.

В КГУ я поступил в 1961 году, потом была аспирантура при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, первый курс которого окончил в нынешнем году мой внук. А в знаменитом КАИ, сначала в должности доцента, а потом и профессора, я стою за кафедрой вот уже 39 лет. Мне посчастливилось встретить в Казани выдающихся людей, а с некоторыми вместе учиться, работать, дружить. 25 лет КГУ возглавлял Михаил Тихонович Нужин, талантливый ученый и организатор. В память о нем воздвигнут бюст. 9 мая я посетил его могилу, положил цветы и поклонился его праху. Здесь, в Казани, меня обворожили и наставили на нужный путь замечательные люди. Это и татары Рахман Хасанович Яхин, Фидан Нургалеевич Фаткуллин, Рашид Шакирович Нигматуллин, это еврей Давид Исаакович Фельдман и Яков Соломонович Авро, русские ученые Борис Степанович Волков и Сергей Иванович Шарапов и многие-многие другие. Я счастлив, что видел и слушал лекции выдающихся ученых-химиков отца и сына Арбузовых. Люди самых разных национальностей учили нас, студентов КГУ, дружбе, пониманию важности единения, необходимости интеллектуального, культурного и духовного развития.

– Николай Васильевич, при первой же возможности и передышке в учебном процессе Вы покидаете Казань и едете в родное Кадышево или же по разным селам и районам Ульяновской области? Для чего?

– Не только Ульяновской области, но и в районы Мордовии, Чувашии, Татарстана. Потому что душа моя болит

за Россию, за село. Чтобы подняться с колен, надо осознать себя полноценной нацией. В начале XX века мое родное Кадышево Карсунского района было огромным селом, там проживало до пяти тысяч человек. Сура была судоходной, по ней шли бесконечные баржи с хлебом, в селах процветали ремесла. На Котьяковскую, Ивановскую, Ядринскую, Прозинскую пристани свозились многомиллионные пуды зерна. Теперь же всюду полное запустение. Поля превратились в целину. Под угрозой закрытия сотни сельских школ, библиотек, музеев. Если это произойдет, то в России случится духовная катастрофа. В храмах, где еще можно было бы спасти древнюю роспись фрески, бродят коровы.

В последние три-четыре года я встретился с 30-40 тысячами молодых людей в разных селениях. Говорим об истории России, об утраченной культуре, традициях, о том, что нас ждет в будущем.

– Николай Васильевич, Вы всегда были в центре общественной жизни, были ли Вы когда-нибудь свидетелем национальной розни или этнических проблем?

– Никогда! Я был активным участником молодежного движения в Казани и Татарстане, а все 90-е годы, в самое смутное время, первым заместителем председателя Центральной избирательной комиссии Татарстана, но никогда, нигде не встречал национальной вражды. Браки у нас, жителей многонационального посурья, смешанные. У моей жены, кстати, татарские корни. У Языкова, Карамзина тоже были татарские корни. Сам я по своим взглядам славянофил, но никогда не слышал ни одной осуждающей реплики в свой адрес. В издании всех моих книг (их всего 18) принимали участие татары. Этноты, живущие в Поволжье, имеют общую историю, общие интересы и общие беды. Какой многонациональный город Казань! Татары, русские, мордва, чуваш, марийцы, киргизы, башкиры, армяне и многие-многие другие. Здесь и мечети, и православные храмы, и синагога, и лютеранская церковь. И никаких конфликтов! Нас в 90-е годы попытались столкнуть – не вышло.

– В своих выступлениях Вы часто говорите о необходимости духовного совершенствования. В условиях игнорирования проблем культуры это возможно?

– Общество, не имеющее культуры, обречено на гибель. Это не я сказал – Маркс. Однако то, что сейчас льется на бедные головы россиян с экранов, не назовешь культурой. А если обратиться к традиционной культуре этносов вот где настоящий клад духовности! Невозможно без трепета относиться к народной культуре. Отсюда и надо черпать силы, чтобы идти по пути духовного совершенствования. Это единственный путь к прогрессу.

«Мы жили и живем с народом русским вместе»

Дом дружбы народов, позже преобразованный в Центр по возрождению и развитию национальных культур Ульяновской области, возглавила **Софья Алексеевна Орлова**, приложившая немало усилий для популяризации национальных культурных традиций, народного искусства, обрядов татарского народа. Вот что она рассказала о работе в этом направлении.

«Связь с Татарстаном у нас очень тесная. На протяжении 15 лет мы проводим культурно-массовые мероприятия, которые давно стали традиционными и способствуют укреплению дружбы и сотрудничества всех поволжских народов. Фольклор, обычаи, обряды показатель самобытности народов, та сила, которая сегодня объединяет людей. В 1995 году при нашем Центре был создан Центр татарской культуры, тогда же появились коллективы художественной самодельности: ансамбль песни и танца «Сембер», детский хореографический ансамбль «Йолдыз», театральный коллектив, ансамбль народных инструментов «Жидезэн». Каждый год проводятся большие, яркие праздники, а также областные фестивали татарской культуры: «Сембер жыры» («Симбирская песня»), детские «Сембер кынгыраулары» («Симбирские колокольчики»), «Шома бас» («Тануй веселей»). Эти праздники собирают вместе татар Ульяновской области и многочисленных гостей из других городов. Постоянными участниками фестивалей являются творческие коллективы из республики Татарстан: фольклорный музыкальный ансамбль «Сорнай», ансамбль танца «Казан» и другие. Вот уже два года по распоряжению Мин-

тимера Шаймиева за всеми районами компактного проживания татар закреплены свои шефы. Так, например, Ульяновской области оказывает поддержку в проведении культурных мероприятий город Чистополь. Гости из Татарстана приезжают со своими творческими коллективами, выставками, изделиями мастеров. Они привозят книги и учебники на татарском языке, методическую литературу.

Только что в Ульяновске состоялся традиционный татарский праздник «Сабантуй», очень массовый и веселый. Программа в этом году была необычайно насыщенной, приготовлены хорошие призы. На скачках были выставлены призы: от мэра Ульяновска – музыкальный центр, от Чистополя – телевизор; в соревнованиях по борьбе от губернатора Ульяновской области вручили холодильник, от

спонсоров – живого барана. На празднике присутствовала секретарь Госсовета республики Татарстан Валентина Николаевна Липужина.

Ульяновская областная администрация делает многое для сохранения и развития татарской культуры, языка и национальных традиций. В 1989 году в Ульяновске был создан Дом дружбы народов, вышел в свет первый номер газеты «Эмет», а на ГТРК «Волга» начала работу передача на татарском языке «Чишме».

В июне открылась регата, посвященная 1000-летию Казани. Ульяновский Центр татарской культуры участвовал в ее торжественном открытии. Сейчас мы готовимся к межрегиональному фестивалю культур тюркоязычных народов, который тоже пройдет под знаком тысячелетия Казани».

В июне 1998 года была образована Ульяновская региональная татарская национально-культурная автономия. Ее возглавил профессор Азат Курчаков (ныне исполкомом руководит Роза Шамярдянова Ахметжанова). В городе Димитровград и в каждом районе Ульяновской области с компактным проживанием татар были созданы

районные советы автономии. Руководителями этих советов избраны наиболее авторитетные люди.

В кабинете исполкома Ульяновской татарской автономии тесно от посетителей: решаются неотложные дела, заглядывают неожиданные гости, заходят представители автономии. В июне работы всегда много: повсеместно проходит «Сабантуй». Этот национальный татарский праздник имеет многовековую историю. Он привлекает своей заразительной лихостью, всеобщим весельем, массовостью, где каждый гость является одновременно и участником, и зрителем. Помощь районам в подготовке к «Сабантую» оказывает директор Центра татарской культуры **Гульсина Зиннуровна Герасимова**. Она же организует и другие обрядовые праздники: «Навруз», «Каз эмэсе», праздники семьи, конкурсы, встречи с интересными людьми. В апреле Центр татарской культуры отметил свое 10-летие. Всех, кто любит татарскую культуру и музыку, он объединил в творческие коллективы, которые развлекли широкую концертную деятельность. Сама Гульсина Зиннуровна руководит ансамблем народных инструментов, ее коллеги Д.З. Мифтахова, Г.П. Яппарова, Г.С. Парфенова, Г.Ш. Ахмадуллина – танцевальными, песенными и театральным коллективами, которые неоднократно награждались дипломами межрегиональных конкурсов и фестивалей.

«Творческие связи с Казанью, – говорит Г.З. Герасимова, – у нас очень тесные. Многие наши работники получили там образование. Казанскую академию искусств окончили Е.А. Рузанова, Д.З. Мифтахова, а также выпускница академии. Ульяновский Центр татарской культуры постоянно приглашает на свои мероприятия артистов Казанской филармонии, театра имени Г. Камала, профессиональные и самодеятельные танцевальные и песенные коллективы. Без казанских гостей не обходится ни один большой праздник».

В исполком зашел редактор газеты «Эмет» **Исхак Халимов**. Он пользуется заслуженным авторитетом среди ульяновских журналистов: тираж газеты «Эмет» стабильно высок, газета себя окупает, значит, нужна читателям. Заботу о Исхаке Халимова много. Он занимается не только газетой, но и выпуском книг местных татарских авторов. За последние годы издано десять сборников общим тиражом 9,5 тысяч экземпляров. Правительство Татарстана обеспечило редакцию издательским комплексом, диктофонами. В свою очередь, «Эмет» в течение года ведет постоянную рубрику «К 1000-летию Казани».

Только Исхак назвал имена татарских

ких поэтов и писателей, книги которых появились на свет во многом благодаря помощи татарской автономии, как дверь в кабинет открылась, и на пороге появилась настоящая красавица, татарская поэтесса **Иделбикэ** с новой своей рукописью.

Вот из отдаленного Николаевского района прибыл в связи с подготовкой к Сабантую руководитель районной автономии **Тукфят Кабирович Биктимиров**. «В Николаевском районе, – с гордостью рассказывает он, – самая дружная татарская автономия. Особенно славится татарское село Большая Чирклей. В народе его называют «Большая Москва». Семьи здесь особенно крепкие – нет ни разводов, ни брошенных стариков. Раньше мужики, бывало, выпивали, теперь не пьют и даже не курят. В селе большая школа с изучением татарского языка – 396 учеников».

Появление в кабинете генерального директора компании «Уламэк» **Камиля Ислямовича Мусина** не вызывает удивления у присутствующих: он член исполкома, спонсор многих мероприятий, проводимых автономией. По его инициативе в Ульяновске была создана общественная организация татарских бизнесменов «Сембер». Камиль Ислямович прилагает много усилий, чтобы наладить более тесное экономическое сотрудничество с Татарстаном, получить разрешение зарегистрировать филиалы ульяновских фирм в Казани, и даже выступал по этому вопросу в Министерстве торговли республики. Учредители организации (Р.Т. Кузахметов, Р.З. Курмакаев, М.И. Якупов, Р.Р. Гизятов) объединили свои усилия и направили их на создание стабильной и социально-ориентированной экономики Ульяновской области, на развитие потен-

циала татарской интеллигенции, на финансирование программ областной татарской автономии.

*«Сегодня мы можем говорить о возрождении национальной культуры и самобытности татарского народа, – говорит заместитель председателя исполкома **Рифгат Фазуллович Ахмедуллов**. – В Ульяновской области наиболее компактно татары проживают в Старокулаткинском, Барышском, Новомалыклинском, Чердаклинском, Павловском районе. Наша автономия заинтересована, чтобы в татарских селах дети изучали свой родной язык, чтобы помнили обычаи предков и несли национальную культуру будущим поколениям. В настоящее время в Ульяновской области татарский язык изучается в 91 школе, а в 148 школах ведется факультативы, всего охвачено обучением около девяти тысяч детей. Учитель для преподавания татарского языка в старших классах готовит Ульяновский государственный педагогический университет, для начальных классов – Сенгилеевское педагогическое училище и педколледж № 1.*

Наши связи с республикой Татарстан растут год от года. Укрепление сотрудничества способствует «Соглашению между республикой Татарстан и Ульяновской областью о принципах сотрудничества в экономической, научно-технической и культурной областях». Сейчас наша автономия готовится к празднованию 1000-летия Казани. Исполком Ульяновской татарской автономии утвердил список делегатов из числа авторитетных людей, которые будут представлять наш город на юбилей прекрасной столицы республики Татарстан».

фото А. Орлова

Штрихи к портрету страстного коллекционера...

Ульяновск и Казань - волжские города, чья история и судьба тесно переплелись между собой. События истории, люди многие века крепили эту связь, соткав невидимые глазу, но прочные нити того явления, которое ученые называют провинциальной культурой. Неотъемлемой составляющей частью данного явления стало коллекционирование. Казанские и симбирские коллекционеры были непосредственно знакомы друг с другом. Предметы, отдельные части собраний и даже целые коллекции зачастую кочевали по волжским дорогам, перемещаясь из Симбирска в Казань и наоборот.

Одним из малоизвестных казанских коллекционеров является Яков Петрович Красников, представитель одной из славных купеческих фамилий Симбирска. Время его жизни пришлось на эпоху, которую можно назвать «золотым веком» коллекционирования. На рубеже XIX-XX вв. складывались значительные коллекции, по оценкам современников, настоящие «домашние музеи». Знаковыми событиями в общественной жизни города были выставки с участием коллекционеров и представлением широкой публике своих собраний. На базе личных коллекций возникали общедоступные музеи.

Я.П. Красников относится к числу казанских коллекционеров, информация о которых скудна и о судьбе которых хотелось бы узнать подробнее. Впервые упоминание о нем как о коллекционере встречается в статье Н.Ф. Катанова «Несколько слов о казанских коллекционерах». Видный востоковед, профессор Казанской Духовной академии Катанов был сам увлеченным коллекционером. Он отмечает, что Красников обладал довольно «большим собранием художественного фарфора лучших русских фабрик»; небольшим, но отличавшимся «художественностью исполнения» собранием предметов по татарской сфрагистике XIX века; а также коллекцией русских медалей, из которых почти полно были представлены «относящиеся к царствованию Александра I». В собрании были и татарские женские наряды, отличающиеся художественностью отделки. Кроме того, Красников владел обширной библиотекой по философии и психологии.

Большая часть коллекций Казани и Симбирска представляла фамильные дворянские и купеческие собрания XVIII-XIX веков. Однако роль Казани как центра Казанского учебного округа, присутствие в городе университета обусловили формирование здесь большого числа любительских и профессиональных коллекций, собранных деятелями науки и культуры, представителями самых разных слоев общества. Часто интересы владельцев не ограничивались одной областью и в составе одного собрания формировались несколько коллекций. Среди симбирских собраний это, безусловно коллекция, принадлежавшая П. Френч.

Из описания коллекции Красникова, данного Катановым, следует, что собрание было известно специалистам. Многие владельцы делали шаги по презентации своих собраний широкому кругу общественности. Относительно

коллекции Красникова таких следов обнаружено не было. Это частично объясняется переломной эпохой, на которую падает время её существования. Статья Катанова вышла в свет в 1920-м году, время трагическое и тяжелое, в том числе и для истории коллекционирования. Многие известные собиратели вынуждены были принудительно расстаться или самостоятельно принять такое решение под давлением сложившихся обстоятельств. Во время гражданской войны многие собрания погибли или были реквизированы. Коллекции распродавались, их владельцы предлагали вещи и предметы Губернскому музею. Однако фамилия Красникова не встречается в музейной документации, следовательно, коллекционер не спешил расстаться с собранием, судьба которого остается неясной.

Немного больше известно о самом коллекционере. Разрозненные документы Национального архива Республики Татарстан, воспоминания старожилов, специальная литература позволяют выстроить фрагменты мозаики биографии Якова Петровича Красникова. Он родился 1 марта 1882 года в Симбирске в семье купца-старообрядца Петра Федоровича Красникова. Красниковы занимали видное место в купеческом обществе Симбирска, вели торговлю солью, были известны как крупные благотворители. В 1889 году семейство было возведено в звание потомственного почетного гражданства. Скорее всего, в конце 1890-х годов Петр Федорович Красников переезжает в Казань, где на имя жены Ульяны (Юлианы) Матвеевны был приобретен каменный дом на улице Большая Проломная (ныне ул. Баумана), недалеко от Богоявленской церкви. В 1903 году в «Окладной книге» наряду с домом упоминается «Hotel» Красниковой.

С 1894 по 1900 год Красников обучался в Симбирской, затем четыре года в Казанской 1-й гимназиях. В 1904 году поступил на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета. В 1906 году прервал учебу. В прошении причиной указано состояние здоровья, здесь же приложена и соответствующая справка. По совету врачей, он уехал на лечение за границу. Путешествуя по Европе, посещал занятия в Берлинском университете. Слушал лекции по философии таких известных профессоров, как Фридрих Паульсен, Макс Дессуар, Георг Зиммель. Особое внимание хотелось бы обратить на личность Макса Дессуара (1867-1947). Этот немецкий философ-эстетик, медик и психолог пытался выявить и обосновать особое место искусства в современной культуре и жизни человека. Интересно, что ученый обратился к изучению не эстетических переживаний творцов, как это принято в классической эстетике, а к эстетическим переживаниям людей, воспринимающих искусство. Такой подход к проблеме должен был быть с пониманием воспринят будущим, а может, уже и охваченным этой страстью, коллекционером.

Смерть отца 14 мая 1908 года от воспаления легких заставила вернуться домой Якова Петровича. Он восстановился в университете. Усердно занимался, восполняя пробелы и расширяя знания, изучал сочинения античных и средневековых философов. Успешным занятиям способствовало знание древнегреческого, латинского, немецкого и французского языков. Такая теоретическая подготовка

позволила ему приступить к специальным занятиям философией. Красников изучал в подлиннике трактаты Аристотеля и труды Лейбница. За одно из своих сочинений был удостоен золотой медали.

В 1911 году Красников с дипломом 1-й степени окончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии на два года за собственный счет. Рекомендовал его профессор И.И. Ягодинский, который, видимо, и осуществлял научное руководство работой ученика. Однако документов о защите диссертации Красниковым в архиве обнаружено не было.

В 1915 году Яков Петрович являлся заведующим частной казанской мужской гимназии К.Л. Мануйловой. Он вел уроки латинского языка в 4 и 8 классах, преподавал философию в 7 и 8 классах.

В 1914 году Яков Петрович был одним из инициаторов создания при гимназии Общества вспомоществования нуждающимся ученикам, входил в состав его правления.

В 2003 году в фонды Национального музея РТ поступили альбом и рисунки тушью и акварелью неизвестного автора, происходящие из собрания Мануйловых. Среди материалов наше внимание привлек портретный рисунок, запечатлевший высокого худощавого мужчину. В одной руке он держит портфель, в другой - сигарету. В пояснении на обороте рисунка указано, что это Яков Петрович Красников. Анонимный автор пророчил ему блестящую карьеру философа и педагога. Перечислялись заслуги Красникова на научном поприще: написал огромный труд по философии на тему «Вещь в себе», стал почетным членом Московского университета, по-прежнему является идеалом для учеников. Ещё один рисунок представляет помещение фотолaborатории. Согласно пояснению на обороте рисунка, она была оборудована за счет средств, вырученных Красниковым от продажи своей «уникальной коллекции конфетных оберток, проданных экстравагантному американцу». Автор явно иронизирует по поводу коллекционерской страсти преподавателя.

С конца 1920-х годов следы пребывания Я.П. Красникова в Казани теряются. После революционных событий 1917 года дом, в котором он проживал с матерью, братом и сестрами, был передан Единому военному потребительскому обществу. В 1920-е годы Красников работал на должности доцента, преподавал педологию (педагогическую психологию) в Восточно-Педагогическом институте, занимался методикой исследования интеллектуального уровня детей и подростков. Последнее, что известно о нем, это то, что в 1927 году Яков Петрович жил в Казани, занимал квартиру № 1 в доме, который раньше принадлежал ему по улице Большой Проломной.

Таковы некоторые заметки по поводу судьбы человека, жизнь которого была тесно связана с Казанью и Симбирском.

*Людмила Хуторова,
г. Казань*

По страницам старинных путеводителей

«В 1767 году Казань посетила императрица Екатерина II, прибывшая сюда по Волге на галере «Тверь». Город произвел на нее хорошее впечатление, о чем свидетельствуют следующие строки из ее писем: «...сей город бесспорно первый в России после Москвы; во всем видно, что Казань столица большого царства...». «Мы нашли город, который всячески может слыть столицею большого царства... Отсель выехать нельзя: столько здесь разных объектов, достойных взгляда...»

А по пути из Казани в Симбирск императрица сделала такую запись: «Здесь народ по всей Волге богат и сыт, ...никто не жалуется и нужду не терпит. Хлеб всякого рода так здесь хорош, как еще нигде не видали, а земля такая черная, как в других местах в садах на грядках не видят. Одним словом, сии люди Богом избалованы; я отроду таких вкусом рыб не едала, как здесь, и все в изобилии... и все дешево».

С высокого кремлевского холма открывается великолепный вид на **Богородицкий женский монастырь**, основанный еще в 1579 году. Комплекс монастыря включает собор Казанской богородицы, колокольню, Софийскую (надвратную) церковь, помещения келий, гостиницы, больницы. Строительство монастыря велось до 1808 года, проект разработан известным русским зодчим, автором Таврического дворца в Петербурге П.Е. Старовым.

Богородицкий монастырь замечателен своей древностью, громадным пятиглавым собором и историей обретения чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, считающейся одной из величайших святынь не только Казани, но и всей православной России... В 1904 году эта икона, имевшая золотые, усыпанные бриллиантами ризы, подверглась дерзкому и святотатственному ограблению, причем большинство украшавших ее драгоценностей вскоре были отысканы и возвращены, но сама икона, очевидно, уничтожена.

В.Г. Худяков. Казанская татарка

На самом деле, как писал Карамзин, Сююмбике и ее малолетний сын Утемиш-Гирей, в двухлетнем возрасте поставленный на царство, стали невинными жертвами дипломатических игр между казанскими феодалами и правительством Ивана Грозного, всеми средствами добивавшегося присоединения Казани к русскому государству. Летом 1551 года царице с сыном надлежало покинуть Казань и выехать в Москву.

Вот как описывал это событие Карамзин: «Не только Сююмбека, но и вся Казань проливала слезы, узнав, что свою несчастную как пленницу вы-

Идею картины «Плененная царица Сююмбике, покидающая Казань» (1870) симбирский художник Василий Григорьевич Худяков (1826-1871) нашел у Н.М. Карамзина, к сочинениям которого часто обращались русские мастера исторической живописи. В «Истории Государства Российского» Худякова привлекли главы, посвященные судьбе казанской царицы Сююмбике. Поэтическая интонация, пластическая яркость и красочность языка, придающие «особую достоверность всей исторической картине», были необычайно созвучны мироощущению живописца. Стоит также вспомнить о том, что впервые о казанской пленнице Худяков узнал еще в ранней юности, когда вместе с Н.И. Поливановым путешествовал по Волге. Во время посещения Казани в памяти запечатлелись легенды о несчастной Сююмбике. Народная молва упорно связывала с ее именем высокий семирусный минарет, с которого будто бы царица бросилась вниз, желая навеки остаться со своим народом.

Легенда о Казанской царице

дают Государю Московскому. Не укоряя ни Вельмож, ни граждан, Сююмбека жаловалась только на судьбу... Весь город шел за нею до реки Казанки, где стояла богато украшенная ладия. Сююмбека тихо ехала в колеснице; пестуны несли ее сына. Бледная, слабая, она едва могла сойти на пристань и, входя в ладью, с умилением поклонилась народу, который пал ниц, горько плакал, желал счастья бывшей своей Царице».

Мы почти не располагаем сведениями об этюдном материале, который, без сомнения, Худяков собирал, следуя своим принципам создания

большой картины. Чрезвычайно важной была работа над образом Сююмбике, имя которой в Казани окружено любовью и почитанием. Сохранились воспоминания о том, что в Казани Худяков держал ателье, работая над замыслом «Царицы Сююмбике...» (см. фрагмент картины внизу). В мастерской художника находилось изображение девушки, которая, видимо, позировала Худякову, когда он писал образ казанской царицы. Посетители мастерской коллекционер Андрей Федорович Лихачев, впоследствии владелец большого собрания этюдов и рисунков Худякова, и его спутники,

среди которых была и автор воспоминаний С.Г. Щепкина, любовались портретом юной натурщицы: «...как хороша была эта молоденькая татарочка в своем национальном костюме, задумчиво облокотившаяся над ларцем, из которого свесилась жемчужная нитка! На плечах изумрудного цвета юбочка, выставляя красненькие сапожки. На красивой голове яркая шапочка еще больше оттеняла большие ресницы, брови красивых глаз». К сожалению местонахождение этюда неизвестно, однако в Государственном Русском музее хранится поясной портрет под названием «Казанская татарка» (1869). Героиня портрета напоминает изображение на описанном в воспоминаниях этюде. То же юное прелестное лицо, изумрудного цвета халат, яркая шапочка. Однако портрет отличается деталями. Вместо ларца с жемчужным ожерельем в руках у красавицы металлический кувшин с крышкой. Голову и плечи укрывает прозрачный кружевной платок. Эффектное освещение со спины и сверху оставляет мягкую тень на лице девушки и создает вокруг головы светящийся ореол. Портретный этюд «Казанская татарка» полноценно был использован при создании образа плененной царицы, изображенной с белым покрывалом на плечах.

С точки зрения современников, картину Худякова можно было упрекнуть в излишнем сентиментализме и отсутствии социальной направленности: художник не делает выводов, не произносит «приговора», не осуждает зло. Сегодня же абсолютно очевидно, что Худяков, работая над картиной, вдумчиво и последовательно решал актуальные задачи, которые стояли перед исторической живописью в 1860-е годы. Во-первых, художник демонстрирует здесь добротное знание реалий XVI века. В этом убеждает детальная проработка украшенных резьбой челнов, одежды и вооружения русских воинов, с большим мастерством и пониманием написаны национальные наряды казанских татар – предмет специального изучения Худякова во время поездки на Волгу. На уровне современных ему идей решает Худяков проблему Героя. Критическое начало в исторической живописи 1860-х годов проявилось прежде всего в «дегероизации» главного действующего лица. В картине Худякова царица Казанского ханства показана в облике обычной страдающей женщины, покорно принимающей удары судьбы.

Одна из важнейших проблем, поставленных художниками середины прошлого века, связана с изображением народа, который еще в картинах романтиков занял место рядом с Героем. В практике исторических живописцев возникает стремление изучать современный быт народа, чтобы дос-

товерно показывать прошлое. Это явление отметил В.В. Стасов: «Может быть, тут нет еще настоящей полной истории, но есть уже начало верного пути к ней: первое воспроизведение древности, типов, сцен, характеров на основании того, что до сих пор живет в народе, что до сих пор еще живая, не выдуманная натура, не замороженная книгой и школой». Худяков – выходец их самых глубин народа, был готов к решению тех новых и сложных задач, которые ставила перед ним картина. Запомнившиеся с детских лет татарские красавицы в просторных ярких платьях-рубашках, пастухи в островершинных войлочных шляпах, священники в белоснежных чалмах, выделяющиеся в толпе степенной осанкой, мальчишки в тюбетейках, они мало изменились в своем облике, поведенческих традициях со времен покорения Казани. Можно смело сказать, что в картине Худякова народ – главное действующее лицо.

С удивительной свободой пишет художник полные живых наблюдений сценки, напоминающие законченные жанровые картины. Толпы людей, бегущих по берегу, изгибы реки, уводящие взгляд к горизонту, передают протяженность и глубину пространства. Мощное световое излучение объединяет пейзаж, силуэт Кремля, людей в лодках и на берегах реки в единое многокрасочное и эффектное зрелище.

Луиза Баюра

Родина наших кумиров

Казань – родина Федора Шляпина, центр музыкальной культуры Поволжья. Многие российские композиторы и мастера оперной, симфонической и народной музыки, составляющие музыкальную славу нашей страны, своим восхождением обязаны Казанской государственной консерватории, ее профессорами и преподавателям. Огромное значение имеет это учебное заведение для культуры Ульяновска.

Казанскую государственную консерваторию окончили музыканты, определяющие сегодня культурную жизнь Ульяновска: Ольга Нецветаева, Галина Уварова, Александр Додосов, Александр Титов, Ирина Гладких, Ольга Бурова, Татьяна Никитина, Владимир Каженцев, Лариса Филянина, Олег Киселев и многие-многие другие.

«Я приехала в Казань из маленького украинского городка и поступила сначала в музыкальное училище, а потом в консерваторию, – рассказывает музыковед, заместитель директора Ульяновской областной филармонии **Ольга Ивановна Нецветаева**. – Казань произвела на меня неизгладимое впечатление. Культурная жизнь города буквально бурлила. Кумиром консерватории был Натан Григорьевич Рахлин, создавший Казанский симфонический оркестр. Мы не пропустили ни одной его репетиции, ни од-

ного концерта. Это был великий музыкант, потрясающий дирижер, мудрец. Жаль, что то время не оставило нам записей концертов с его участием. Натан Григорьевич обожал дарить свое искусство и щедро делился своим мастерством и с оркестрантами, и со студентами, и со слушателями. Милый, добрый человек, он буквально притягивал к себе окружающих.

Славу и гордость консерватории составляли выдающиеся музыкальные деятели, у которых нам посчастливилось учиться: ректор консерватории Назиб Гаязович Жиганов, Фуат Шакирович Мансуров, Моисей Григорьевич Гиришман, Александр Григорьевич Юсфин, Галина Яковлевна Касаткина, Ольга Константиновна Егорова и молодой в ту пору и обаятельный Анатолий Борисович Лупов.

У истоков создания консерватории стояли выдающиеся музыканты, в ос-

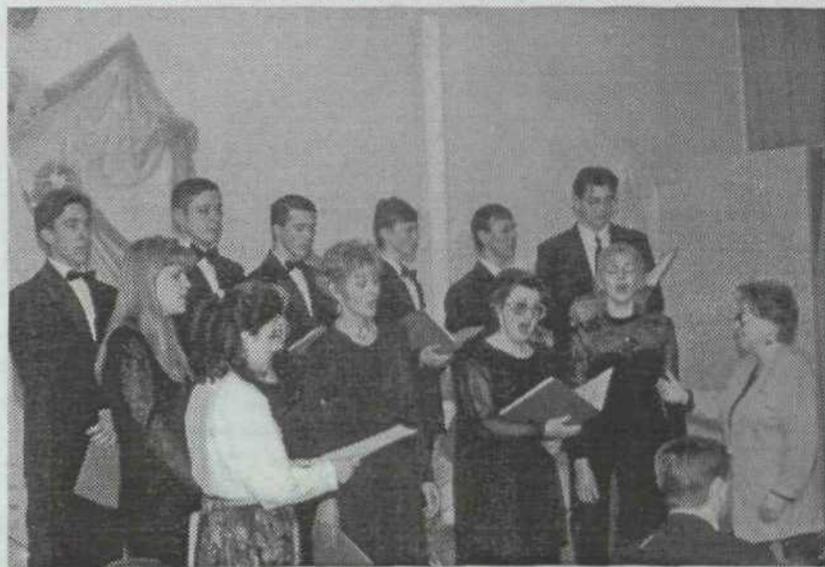
новном петербуржцы, которые попали в Казань в эвакуацию и остались навсегда. Они-то и определили высокий класс педагогического состава и столичный вкус музыкальной жизни Казани. Здесь выступали исполнители с мировым именем: молодой Темирканов, Ростропович с Вишневской (помню, как Ростроповичу Жиганов преподнес татарскую тубетейку и расшитые тапочки, в которых он так и ушел с концерта под гром аплодисментов), квартет Бородина – все концерты проходили на столичном уровне.

Консерватория расположена в очень удобном месте, рядом с площадью Свободы. Здесь и концертный зал консерватории (он звался «стекляшкой»), и оперный театр, и концертный зал дома офицеров, и КАИ – самый музыкальный вуз, «рассадник» запрещенного тогда джаза (саксофонист по прозвищу Бемоль был очень популярным среди студенческой молодежи), там же был замечательный студенческий театр миниатюр. Вот в таком котле культурной жизни мы варились.

В Ульяновске костяк музыкальных деятелей составляют выпускники Казанской консерватории: Ирина Афанасьевна Гладких, Татьяна Евгеньевна Никитина, Елена Геннадьевна Сквоикова, Ольга Афанасьевна Дроворуб, Елена Леонидовна Силантьева и другие».

От творческих связей с Казанью рассказала нам заведующая отделением хорового дирижирования Ульяновского музыкального училища **Галина Степановна Уварова**.

«Со дня основания консерватории здесь преподавал Семен Абрамович Казачков – высококлассный дирижер и педагог, основатель хора Казанской консерватории. Он смог вывести факультет хорового дирижирования на международный уровень и придать ему новый статус, расширить круг

Г.С. Уварова (справа) со своими подопечными

творческого общения. Вся хоровая культура Казани держалась на нем.

С.А. Казачков был инициатором Казанских хоровых ассамблей, которые давно стали традиционными и многократно доказали силу воздействия хоровой музыки на людей, потому что с годами фестиваль становился все мощнее. Хор Ульяновского музыкального училища ежегодно участвует в фестивале и возвращается из Казани с дипломами, с чувством удовлетворения и гордости.

Вообще Казанская консерватория создала педагогическую базу для всех музыкальных училищ городов Поволжья: Чебоксар, Ижевска, Йошкар-Олы, Ульяновска. И пианисты, и теоретики, и народники, и дирижеры Ульяновского музыкального училища – почти все выпускники Казанской консерватории: А.В. Булдакова, В.К. Макаров, М.Л. Таминдарова, Л.А. Дразнина.

В настоящее время кафедру хорового дирижирования Казанской консерватории возглавляет профессор Владимир Григорьевич Лукьянов. Наши выпускники нравятся Казани и успешно там работают: Ульяна Луговцева, Луиза Марашова, Елена Борминская, Вячеслав Губанов, Олеся Деркач, Анжела Елисеева, Лариса Маркина.

Выпускник Казанской государственной консерватории Александр Николаевич Додосов возглавляет детскую школу искусств № 10. Он тоже считает себя учеником С.А. Казачкова, поэтому не случайно известен как руководитель детско-юношеского хора, незаурядный педагог и музыкант.

В годы учебы Александр Додосов возглавлял консерваторскую газету, поэтому хорошо знаком с историей родного учебного заведения.

Хор студентов и преподавателей УлГУ в Ижевске

«Первые шаги по созданию Казанской консерватории относятся к периоду войны, – рассказывает Александр Николаевич. – Немцы стояли под Москвой, а в это время правительство думало о том, как поднять народную музыкальную культуру на профессиональный уровень, сформировать национальную элиту. В 1945 году в здании Дома дворянства (памятник архитектуры 1912 года) была открыта консерватория. У ее истоков стояли незаурядные музыканты, ленинградские педагоги, в их числе были супруги Юдины, которые перевезли сюда и передали в дар консерватории богатейшую личную библиотеку с уникальным нотным и книжным фондом. Михаил Алексеевич Юдин очень рано ушел из жизни, а Елена Алексеевна до

последних дней заведовала консерваторской библиотекой.

Хор детской школы искусств № 10 – частый гость Казани. Мы выступаем в ДК железнодорожников, на фестивале «Татарстан чышмесэ», ежегодно участвуем в Казанских хоровых ассамблеях, которые проходят в Большом концертном зале консерватории. Недавно отреставрированный по последнему слову техники, этот зал принимает на своей сцене лучших мастеров мирового исполнительского искусства. Выступать здесь очень престижно. Великолепная акустика, сильное инженерное решение, прекрасный интерьер. Даже снаружи зал гармонично вписывается в общую архитектуру площади.

К рассказу А.Н. Додосова стоит добавить, что его хоровой коллектив отмечен дипломами самых престижных всероссийских и международных фестивалей. А на момент подготовки этого материала Александр Николаевич и его питомцы Мария Логачева, Анна Фомина, Алексей Никишкин, Александр Щелоков и Анна Семенова выполняли почетную обязанность – открывали 32-й Грушинский фестиваль «Балладой о Валерии Грушине».

Казанскую консерваторию окончила и руководитель хора студентов и преподавателей Ульяновского государственного университета Лариса Александровна Филлянина. Несмотря на то, что коллектив существует всего четыре года, он вполне преуспел в своей концертной деятельности: дважды возвращался с дипломами с международного хорового конкурса в Ижевске. Ежегодно в столицу Удмуртии съезжаются лучшие хоры страны, и тем не менее, строгое жюри особо отмечает коллектив УлГУ и его руководителя.

Хор ДШИ № 10 в зале консерватории. В.Г. Лукьянов поздравляет А.Н. Додосова

Герб Казани

За последние годы, готовясь к празднованию своего тысячелетия, древняя Казань буквально преобразилась. В центре города отреставрированные историко-архитектурные памятники соседствуют с суперсовременными зданиями и сооружениями. Впечатляют масштабы капитальных вложений и качество произведенных работ. Новые скверы, фонтаны, оригинальное оформление витрин... Все это, конечно, замечательно и, безусловно, правильно. Но многие, особенно пожилые люди, уже жалеют об утрате покосившихся домиков в кривых переулках, о своих старых дворах и заросших сиренью палисадниках. Потому что ничто не может быть лучше того места, где прошло детство и юность.

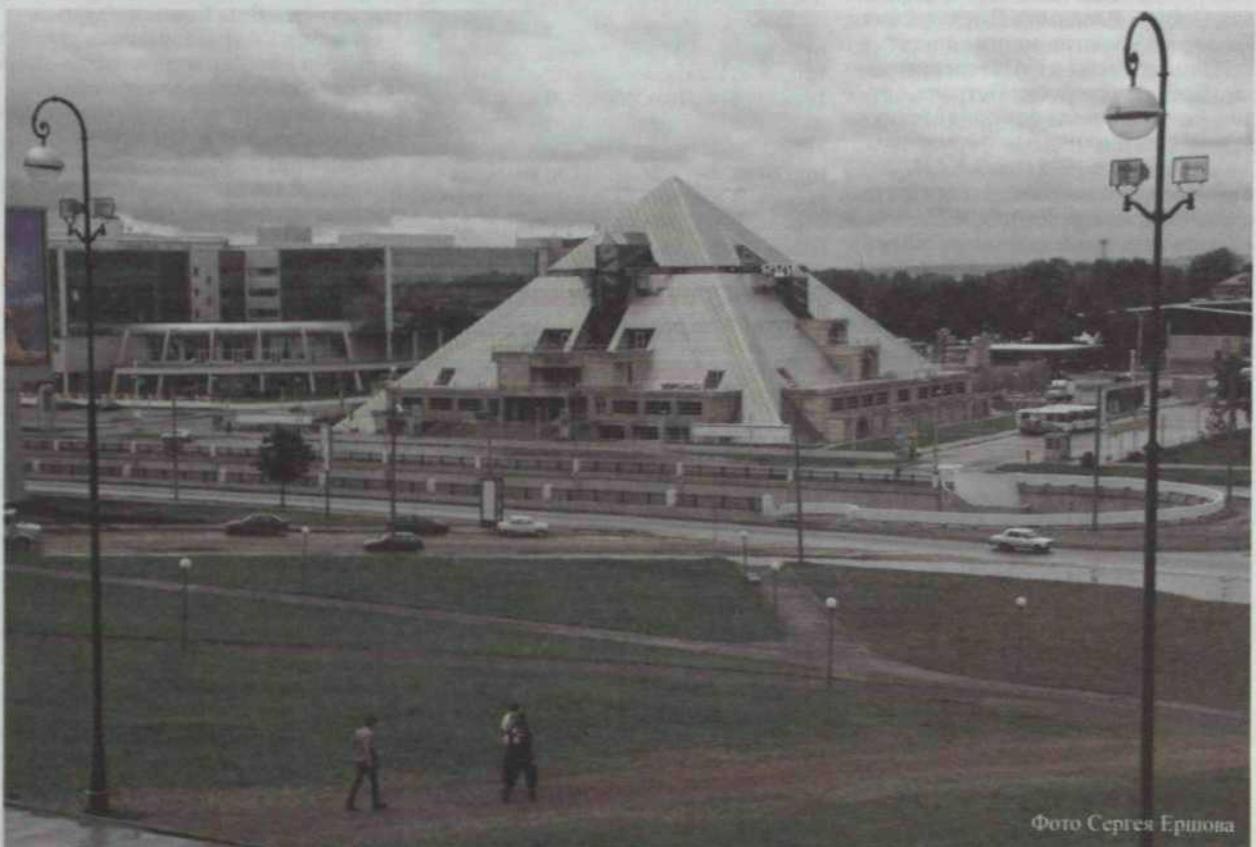
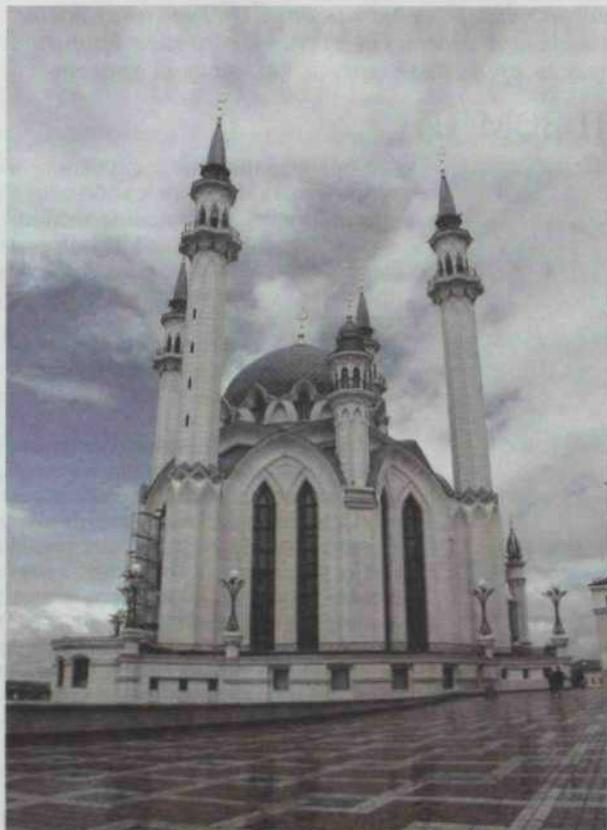

Фото Сергея Ершова

Казанский авиационный институт (ныне технический университет имени А.Н. Туполева) воспитал сотни тысяч высококлассных специалистов, которые в советские годы обеспечили прорыв в отечественном самолетостроении и вывели эту отрасль промышленности на мировой уровень.

КАИ – пуп земли

КАИ возник в 1932 году на базе аэродинамического отделения Казанского государственного университета. В 1974 году институту присвоено имя А.Н. Туполева, а в 1992 году он был переименован в технический государственный университет. В настоящее время на его семи факультетах учится более семи тысяч студентов. В состав университета входят НИИ диагностики и управления физико-химическими процессами.

Не менее трети специалистов Ульяновского АО «Авиастар» – выпускники Казанского авиационного института. Среди них немало руководителей: Сергей Федорович Милоков (главный инженер), Юрий Алексеевич Долгов (зам. главного инженера), Наиль Хусанович Долотказин (нач. отдела конструкторского бюро УГК), Вил Шайсултанович Маликов (начальник ЦТО), Александр Владимирович Угаров (зам. генерального директора), Алексей Алексеевич Баев (директор по персоналу), Юрий Александрович Куприянов (директор по персоналу в 1980-90 гг.), Марат Исламович Хайруллин (ИВЦ), Владимир Емельянович Коваленко и многие-многие другие.

О годах учебы в КАИ нам рассказала Елена Викторовна Петрова, с отличием окончившая факультет технической кибернетики и информатики.

«Поступив в 1985 году в КАИ, уже в августе я оказалась свидетелем слета студенческих стройотрядов Казани. «Каншники» выделялись из общей массы: они стояли плотным кольцом,

положив на плечи друг другу руки, и качались в такт песне. Тогда и услышала я впервые гимн нашего института. Там были такие слова: «КАИ – пуп Земли». Они мне показались смешными. Подумала: «Эх, куда хватили! Пуп Земли!» Но прошло немного времени, и я уже сама скандировала с гордостью: «КАИ – пуп Земли...»

Факультеты в КАИ имеют свою нумерацию. Первый и второй факультеты (летательные аппараты и двигатели летательных аппаратов) окончила добрая половина специалистов Ульяновского «Авиастара», в том числе и мой отец, Бородин Виктор Иннокентьевич. В возрасте 28 лет он возглавил вертолетный завод в Казахстане. Это говорит об уровне профессионализма, который обеспечивал вуз. В КАИ есть стенд, который рассказывает о выпускниках разных лет, ставших руководителями заводов, – их огромное количество. Наверное, во всем Советском Союзе не было предприятия, где у руководства не стоял бы выпускник КАИ. Качество образования на всех факультетах необычайно высокое.

Этот же вуз окончил и мой старший брат Игорь, который, приезжая в Ульяновск на каникулы, много рассказывал о студенческой жизни. Так что я не раздумывала, куда поступать. Выбрала почему-то четвертый факультет – технической кибернетики и информатики, наверное, из-за любви к математике. Позже я об этом выборе никогда не пожалела, потому что увлеклась прикладной математикой. Нам начитывался прекрасный материал, который прочно откладывался в памяти. Своеобразной была и методика сдачи экзаменов. От

нас требовались не послушание и зубрежка, а навыки свободного программирования, умение пользоваться справочниками. Мы должны были доказать, что не подкачаем на практике, сумеем идти в ногу со временем и с наукой. А многочисленные научные конференции научили вести научную дискуссию, потому что у каждого выступающего были сильные оппоненты.

На факультете царил особая атмосфера студенческого братства, и в этом, несомненно, была заслуга преподавателей. Основные курсы вели незаурядные ученые, грамотные, интеллигентные. Очень уважительно относились к студентам, ценили смекалку, ум, юмор, широту увлечений и сами обладали множеством талантов. Я часто вспоминаю своих преподавателей. Это наш куратор от Бога, очень душевный человек И.Н. Аглиуллин, незаурядный программист И.Н. Урачинский, строгий и взыскательный Ф.Г. Мухлисов, любимый студентами преподаватель, поэт и музыкант В.И. Заботин из династии ученых-математиков, организатор встреч выпускников В.А. Талызин и другие.

Учеба в КАИ запомнилась стройотрядами и особенно участием в БКД (Боевая комсомольская дружина). Такие дружины существовали и при других авиационных вузах страны. Быть членом БКД считалось престижным. Мы не просто дежурили по городу и следили за порядком – мы были мощным коллективом, со своим уставом, традициями, с удостоверениями от Управления уголовного розыска МВД. Некоторые члены БКД участвовали в секретных операциях и захватах. В истории БКД остались и трагические моменты: двое студентов погибли при исполнении своих обязанностей. В дни их гибели, в декабре и апреле, проходил традиционный общий сбор. Ежегодно (почему-то именно в Казани) проходили слеты, на которые съезжались боевые комсомольские дружины со всего Советского Союза. Это были незабываемые встречи: отчеты, концерты, соревнования.

У БКД были свои студенческие строительные отряды. У девушек «Надежда», у юношей «Север». Наши мальчишки навсегда оставили свой след на севере: в тяжелейших условиях построили город Стрежевой.

Я и теперь, по прошествии 14 лет со дня окончания института, с гордостью говорю: «КАИ – пуп Земли!»

Елена Петрова на слете студотрядов

Школьные годы академика Дрегаллина

В 2006 году научная общественность, друзья, а также земляки-ульяновцы будут отмечать 70-летие директора института авиации КГТУ им. А.Н. Туполева академика Анатолия Федоровича Дрегаллина. «Академик это не только исследователь, работающий над серьезной научной проблемой, – однажды сказал Анатолий Федорович. – Прежде всего, он – учитель». А какие учителя были у будущего ученого в школьные годы здесь, в Ульяновске, как формировалось его мироощущение в далекие 1950-е годы?

В «сороковые роковые» погибли родители Толи Дрегаллина. Отец – в 1941-м, мама – весной 1945 года. Тетка привезла его в Ульяновск, и жили они на улице Армии Труда, ныне Железной дивизии, напротив немецкой кирхи. Толя учился в 17-й семилетней школе, а в 1952 году поступил в шестую мужскую среднюю школу. В то время это была одна из лучших школ города, где преподавали высококвалифицированные педагоги, в основном мужчины, бывшие фронтовики. Они умели держать дисциплину, умели увлечь учебным материалом и в преподавании дисциплин часто выходили за рамки школьной программы.

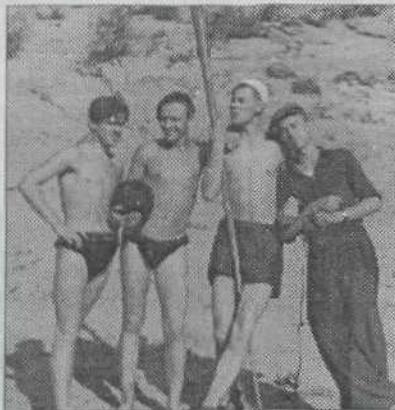
Анатолий учился в «Б» классе, я – в параллельном «А». Моим одноклассником был его закадычный друг Геннадий Андреев, с которым я тоже дружил, поэтому память сохранила много интересных моментов.

После контрольных работ по математике Толя Дрегаллин обычно приходил в наш класс к Гене Андрееву, и они увлеченно искали другие варианты решения задач, забыв обо всем на свете. Однажды был случай. Уже прозвенел звонок с перемены на урок, в класс зашел математик Павел Сергеевич Русин (настоящий былинный русич) и провозгласил с волжским акцентом: «Дрягаллин, а Дрягаллин! Пора в свой класс!»

На школьные вечера мы приглашали девочек из второй и третьей женских школ. Программа всегда состояла из двух частей: художественная самодеятельность, потом танцы. И в первой, и во второй части вечера всегда принимал участие Анатолий Дрегаллин, поскольку учился еще и в музыкальной школе по классу аккордеона. Играл он великолепно, и мы предпочитали танцевать под его «живой аккордеон», нежели под старую, хрипящую грампластинку.

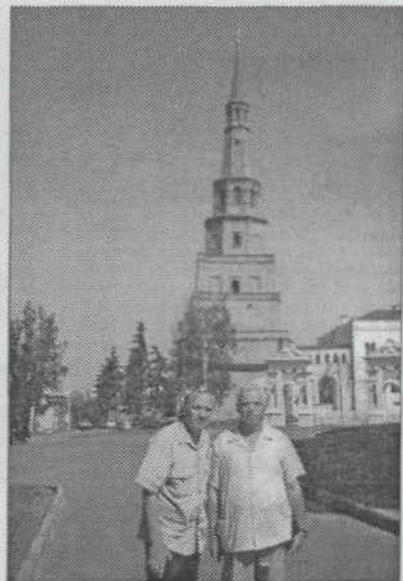
Учеба давалась Толику легко, он был «весь в пятерках», но за выпускное сочинение ему намеренно поставили «четыре». Начальство решило, что Дрегаллин и с серебряной медалью легко пробьется, а золотую отдали тому, кто был менее надежен.

После выпускного вечера мы, группа одноклассников, на несколько дней уплыли на лодке на остров Середьш. Купались, загорали, дурачились и «чушь прекрасную несли». Был с нами и Анатолий. На сохранившейся фотографии он слева, далее – Слава Образцов, Феликс Маркелычев, Толя Абызов (см. фото).

К окончанию школы мы все уже определились с выбором будущей профессии. Анатолий Дрегаллин выбрал Казанский авиационный институт – знаменитый КАИ. С этим вузом он прошел все ступени ученой, должностной и административной работы: инженер, младший научный сотрудник, аспирант, заведующий кафедрой специальных двигателей, директор АНТЭ. Стоит пояснить, что с созданием КГТУ им. А.Н. Туполева сюда вошли ведущие казанские вузы, в том числе и КАИ, который стал именоваться институтом авиации, наземного транспорта и энергетики, и наш земляк Анатолий Федорович Дрегаллин его директор. В настоящее время это крупный ученый в области энергетики и теплофизики. Основное направление его работ – теория, модели и методы расчета высокотемпературных процессов в двигателях и энергоустановках на химическом топливе.

В 1960-е годы с участием профессора А.Ф. Дрегаллина была успешно ре-

Геннадий Андреев и Анатолий Дрегаллин шена задача прогнозирования энергетической эффективности топлива для ракетной техники. Его методика расчетов внедрена практически во все конструкторские и научно-исследовательские учреждения. В соавторстве с другими учеными им был издан учебник «Теория ракетных двигателей».

С 1970-х годов научная деятельность Анатолия Дрегаллина связана с подготовкой фундаментального справочника «Термодинамические и теплофизические свойства продуктов сгорания». Когда в 1980-е годы намечались новые подходы к применению средств вычислительной техники, научные интересы академика сосредоточились на разработке математических расчетов в прикладном обеспечении для ЭВМ третьего поколения, затем персональных ЭВМ. В последнее время под его научным руководством выполняются работы по проблемам энергетики и энергосбережения.

Академик Анатолий Федорович Дрегаллин один из ведущих педагогов и ученых Казанского технического университета, автор 150 научных работ, дважды лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки и техники РФ и Республики Татарстан, кавалер ордена Почета, член-корреспондент Академии наук РТ, действительный член Академии авиации и воздухоплавания РФ, почетный профессор КГТУ им. А.Н. Туполева.

Нам, ульяновцам, стоит гордиться высокими заслугами земляка и на примере его трудолюбия и научной пытливости воспитывать в подрастающем поколении достойную смену.

Рудольф Азбукин

Деревня на закате. 2004

Четыре брата. 2004

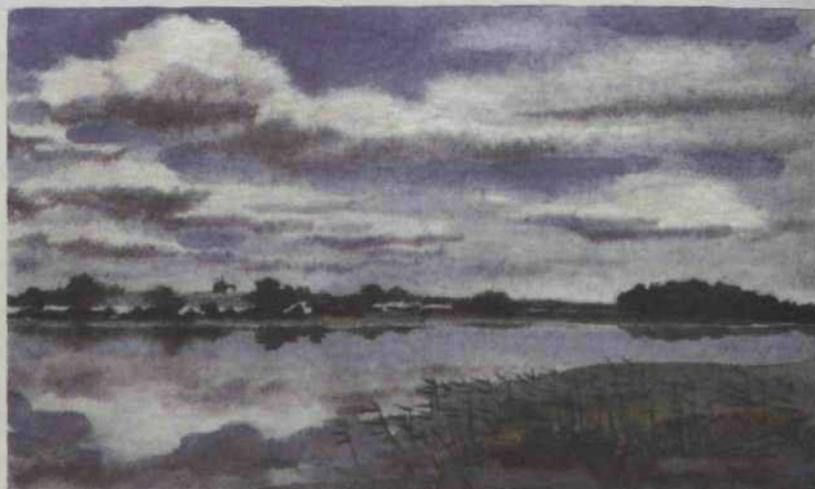
Талантливый человек многогранен, его творческие поиски никогда не исчерпываются одним видом искусства. Вот и архитектор Владимир Сидоров изумил ульяновцев, представив на их суд нежные, сотканые как будто из воздуха акварели. Живя бок о бок с художником много лет, мы зачастую не умеем разглядеть даже одной грани его таланта. А сколько прекрасных открытий можно сделать на юбилейной выставке!

После дождя. 2004

Деревня Вершинино. 1999

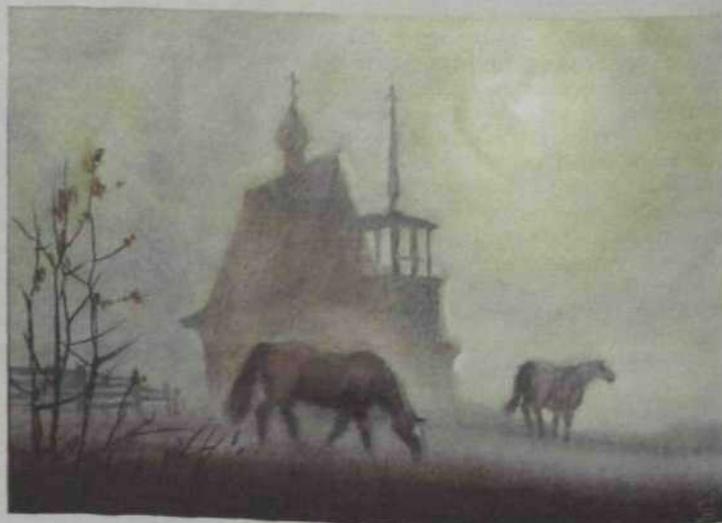

Тихий день. 2002

Его стихия - воздух

Погост деревни Вершинино. 2003

Утро. Туман. 2003

Перехожу от одной картины к другой, вдыхаю тонкий аромат, неброскую прелесть северной природы – сдержанной, строгой, девственной. Мы привыкли восхищаться ярко-мажорной, кричащей красотой юга, а тут совсем иное: тихая, безмолвная, требующая внутренней сосредоточенности глубина характера Архангельского края. Чтобы запечатлеть этот край, надо получить в наследство такой же нрав, много лет длеять в сердце его красоту и только потом выплеснуть на картон, передать через сырую акварель мягкость красок, бесконечность переходов и оттенков, переливов света.

«Деревня Вершинино», «Погост деревни Вершинино», «Погост вечером», «Северная деревня» – в этих названиях и судьба, и боль, и любовь. В деревне Вершинино Архангельской области прошло детство Владимира. Родители – сельские учителя. Александр Васильевич воевал, долгие годы был директором школы. Сейчас он там, на погосте деревни Вершинино. Не грустно, а великой тайной Творца веет от этой картины. Вера Петровна, слава Богу, жива. До сих пор обихаживает мерзлую землю, согревает дыханием каждый комочек, и он, оживая, одаривает хозяйку несверверными плодами.

А вот картина «Четыре брата». Чем она так завораживает? Прелестью детства – когда и солнце ярче, и купание слаще? Что-то шепчущее зовущее есть в этой акварели. Возвращаюсь к ней снова. У Володи два брата: старший Виктор, военный полковник, и средний Анатолий, гражданский летчик. Был еще Николай... Он остался в далеком детстве смотреть за вечный горизонт.

Владимир Сидоров вырос в окружении озер, ленивых берегов, сторожевого леса. К деревянному строительству были причастны и стар, и млад. Отцы – по житейской надобности, мальчишки – играючи, но тоже мнили себя зодчими: по всем плотницким законам рубили лес, ставили маленькие домики, даже печи клали. А там, в тепле у огня, дыма самокруткой из сухого мха и слушая краем уха байки сверстников, можно мысленно рисовать картины природы и будущие дома – большие, настоящие.

После армии брат Виктор сагитировал его приехать в Питер, и Владимир осуществил свою мечту – поступил в институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Природное чутье и талант рисовальщика позволили преодолеть огромный конкурс.

В 1983 году Владимир Сидоров приехал вместе с женой Лилей Ивановой, тоже архитектором, по распределению в Ульяновск. Здесь у них вскоре родился сын Петр. В институте «Спецпроектреставрация» архитектор при-

На открытии выставки «Акварели Владимира Сидорова» в Ульяновском музее современного искусства. 8 июня 2005 года

ступил к очень интересному проекту музея-усадьбы П.И. Чайковского в Воткинске. Работа сопровождалась поиском архивных материалов в Ленинграде, Ижевске, Свердловске, Кирове. И сегодня этот период вспоминается с чувством восторга и удовлетворения.

Сейчас он доцент кафедры архитектуры УлГТУ, обучает студентов. А его первым учителем была сама природа, открывшая законы гармонии, наделившая чутьем в восприятии мира.

Мало наблюдать за природой, нужно слышать ее голос, чувствовать настроение. «Подул северный ветер – и понеслись кучевые облака по небу, – описывает Владимир капризы родного края. – Вырвался на простор южный ветерок – солнце заиграло, повеселел прибой. Но вот наступила северная зима. Тишина такая, что звенит в ушах, рвется к небу вместе с прямыми столбами дымов из изб. А придет весна – расколется безмолвие, разольется пастельными красками».

Вот откуда и «Теплый дождь», и «Старые березы», и «Свежий ветер». Поражает светлая грусть, пронизывающая работы Владимира Сидорова. Его «Деревня на закате» обласкана теплыми лучами заходящего солнца,

напитана умиротворением и покоем. Ни покосившегося забора, ни развалившейся крыши, ни присутствие увядания и заката сельской жизни – бесспорно. Как, какими средствами? Это уже вопрос мастерства.

У художника немало и средневожских пейзажей, любимых нами уютных ульяновских уголков, и даже в них ощущается присутствие далекой родины, некой пуповины, которая через сердце и кисть насыщает акварели жизнью.

На мой вопрос, что в его жизни важнее: живопись или архитектура, Владимир отвечает осторожно: «Все важно, все близко. Выполнение архитектурных заказов – для обеспечения прожиточного минимума, акварель – для души. Возможно, архитектура и осталась бы приоритетной, но она тесно связана с производственным процессом, с социальными отношениями, которые предельно обострились в последнее время и активно влияют на то, что делаешь. Все это очень грустно. Душа требует свободы. Эту свободу я нахожу в живописи. Очень ценю акварель. Я только начинаю постигать ее возможности, а они бесконечны. Хотелось бы уйти от натурализма, ввести больше кодов, символики, расширить восприятие».

По гороскопу он Близнец. Смеется над собой: «Во мне всего намешано». И вдруг неожиданно признается: «Моя стихия – воздух, поэтому всю жизнь ловлю себя на подсознательном желании оторваться от земли. В снах иногда возникает реальное ощущение преодоления гравитации: напрягаю все силы и – лечу. Такой восторг!..»

Ну, что ж, Владимир Александрович! Не изменяйте своей стихии, преодолевайте гравитацию, любуйтесь мгновением, движением воздуха, игрой света и красок и все это дарите нам в своих работах!

Ольга Шейнак

Поездка на север Сибири свалилась на Бутурлина довольно неожиданно. Шла русско-японская война. Ее отголоски едва доносились до тихого Везенберга, где Бутурлин работал мировым судьей, а продолжительные отпуска проводил с пользой для российской науки, изучая птиц. По газетам он знал о бедственном положении населения северо-восточных окраин России. Война нарушила доставку продовольствия, охотничьих припасов и других необходимых товаров в этот отдаленный от цивилизации уголок империи. Чувствуя ответственность за судьбы людей, лишенных из-за войны самого необходимого, Министерство внутренних дел осенью 1904 года приняло решение снарядить специальную экспедицию в Колымский край «для общего надзора за его снабжением». Возглавить экспедицию должен был человек энергичный и хорошо представляющий, что такое Север. С.А. Бутурлин летом 1900 года уже побывал в составе небольшой экспедиции в устье Северной Двины, на островах Колгуев и Новая Земля. Результаты этой экспедиции получили высокую оценку Русского географического общества, членом которого он являлся. Именно общество рекомендовало его министерству как возможного кандидата для поездки на Колыму.

Дело представлялось нелегким и ответственным, но С.А. Бутурлин думал недолго. Когда еще выпадет такая удача – побывать в местах столь отдаленных! И хотя ехал он на Колыму с определенными целями, Русское географическое общество и Академия наук помогли ему организовать и научную часть путешествия.

12 декабря 1904 года вопрос об отправке экспедиции был согласован на всех уровнях. Еще месяц потребовался С.А. Бутурлину, чтобы собраться в далекий путь. За это время он успел не только подготовить все необходимое для поездки, но и сколотить надежную команду спутников. В главные помощники он взял И.А. Шульгу, знакомого по Колгуевской экспедиции. Этот агроном из Саратова характеризовался как натуралист, обладавший отменным здоровьем и волевой силой, человек, безусловно, честный, хороший стрелок, весьма положительный... Он стал ботаником, почвоведом и фотографом экспедиции. Кроме него, в группу входил врач из Вологды Е.П. Попов, совмещавший обязанности геолога и метеоролога, охотник и препаратор А.К. Целымин, несколько проводников и сопровождающих из местных жителей. Чуть позже в Верхоянске к ним присоеди-

Имя Сергея Александровича Бутурлина (1872-1938) знакомо многим нашим читателям по многочисленным публикациям о нем, по его научным работам не утратившим значимость и в наше время. Известный российский ученый-зоолог, охотовед, оружейвед, путешественник, он навсегда вошел как в отечественную историю, так и в историю нашего края. В жизни Бутурлина было много интересных свершений, но одной из поворотных точек в его судьбе стала Колымская экспедиция.

Туманные разливы беспредельной Колымы

Дом Бутурлиных в с. Лава (Сурский район Ульяновской области)

нился политический ссыльный К.Ф. Рожновский.

В начале марта участники экспедиции прибыли в Якутск. Нужно было спешить, на все им отводилось лишь короткое северное лето. Чтобы ревизионные поездки охватили как можно большую территорию, в Якутске вся группа разбилась на две партии. Первую, главную партию, С.А. Бутурлин возглавил сам, вторую вверил И.А. Шульге. Так двумя группами они и двинулись в путь. Шульга отправился в окрестности Охотска и затем спустился по вскрывшейся Колыме до ее дельты, туда же подоспел и С.А. Бутурлин через Верхнеколымск и среднее течение Колымы. Присоединившийся к Бутурлину в Верхоянске К.Ф. Рожновский отдельно от группы сплыл по Алазею, побывал в с. Казачье на Яне и «по первопутку» вернулся в Верхоянск. В общей сложности путешественники преодолели более 20 тысяч километров пути. Где по рекам, где на якутских нартах, где на санях, участники экспедиции объехали почти все крупные стойбища и множество отдельных кочевий, спасли от неминуемой голодной смерти не один десяток местных жителей: якутов, ламутов, юкагиров и других. В октябре обе партии были уже в Якутске, а в декабре вернулись домой.

Кроме своей главной задачи – изучения экономического положения Колымского края, экспедиция собрала обширный и богатейший научный материал: геологические образцы, гербарий местной флоры, коллекцию многочисленных представителей северной фауны, от мелких беспозвоночных животных до птиц и крупных млекопитающих, этнографические сборы и многое другое. Все это едва вместились в 250 трехфутовых ящиках!

Но главным для самого С.А. Бутурлина стало то, что, наконец-то, сбылась его «розовая» мечта. Ему удалось обнаружить в дельте Колымы места гнездовий самой красивой полярной птицы – розовой чайки, чей внешний вид не может передать ни одна даже самая лучшая фотокамера мира. По меткому определению В.Зубакина, чайка буквально светится розовым светом, как маленький фонарик. Но стоит подстрелить птицу, и «фонарик гаснет» из-за нестойкости розового цвета, быстро исчезающего с оперения.

Впервые мир узнал о розовой чайке в 1823 году от полярного исследователя Джеймса Росса, подстрелившего ее на полуострове Мелвилла. С тех пор птицу изредка замечали во

многих местах Заполярья. Найти, где она гнездится, стало мечтой многих исследователей Севера. Но удалось это только С.А. Бутурлину. Когда сведения о счастливом открытии просочились в печать, крупнейшие музеи мира становились в очередь, чтобы получить от него в свои коллекции материалы по розовой чайке, а орнитологические журналы умоляли его поскорее прислать им статьи о ней.

Пока шла экспедиция, в России начались бунты недовольного войной и экономической неразберихой населения. «Обратное возвращение совпало с большой забастовкой, — писал в отчете С.А. Бутурлин, — что сильно затрудняло перевозку и почтовую отсылку коллекций; из 250 трехпудровых ящиков пропали бесследно 50 наиболее громоздких (в том числе с черепами и шкурами крупных зверей, этнографические сборы, в том числе начертанные юкагирами на кусках березовой коры карты верхнего бассейна Колымы, рассказ фигурным письмом об одной из кочевок и многое другое), а остальное прибывало постепенно в течение 1907 и даже 1908 годов».

Но и то, что удалось благополучно доставить в Петербург, было бесценным. Видные российские ученые — Б.М. Житков, С.И. Огнев, Л.С. Берг — не одно десятилетие разбирали и описывали поступившие с Колымы материалы, открывая новые для науки виды. Сам Бутурлин взял на себя описание птиц Якутии. К 1917 году рукопись объемом в 40 печатных листов была закончена, но погибла в результате революционных беспорядков в стране.

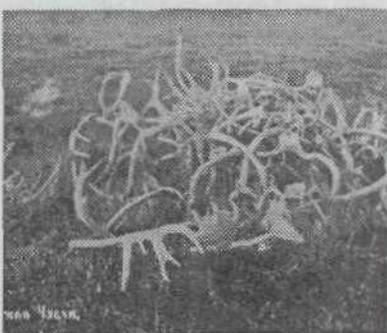
Впереди у С.А. Бутурлина маячили новые путешествия и открытия, но Колыма еще долго не отпускала его. Сразу по прибытию из экспедиции он добился приема у министра П.А. Столыпина. Благодаря их встрече было организовано в период навигации движение четырех пароходов с удовольствием по Лене от Усть-Кута до Якутска. В 1914 году С.А. Бутурлин загорелся идеей на некоторое время поселиться на севере. Об этом мы узнаем из писем к нему И.А. Шульги: «В каком положении у Вас вопрос о жизни на Колыме? Не бросили ли Вы еще этой идеи? Если нет, то в какое время Вы думаете ехать туда, и на долго ли? Не могли бы Вы устроить возможность жить на Колыме и мне?».

Мечтам этим не суждено было сбыться, но С.А. Бутурлин до конца дней не терял связи с Колымским краем, там осталась частица его сердца, много друзей и помощников.

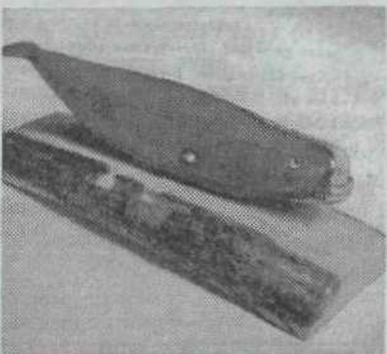
Татьяна Громова

Мужчины-юкагиры. Фото из Колымской экспедиции. 1905 год

Могилка чукчи. Фото из Колымской экспедиции. 1905 год

Стагуетка кита. Моржовая кость. Подарок С.А. Бутурлину. 1920-е годы

Розовая чайка

Фотографии из Бутурлинского фонда Ульяновского областного краеведческого музея

Р.С. Сергей Александрович обладал лирическим складом души. В минуты полного единения с природой в нем рождались и ложились на бумагу поэтические строки. Он почти не публиковал их при жизни, но бережно хранил в своем архиве.

1905 год

*И длится наш путь бесконечный,
Тихонько олени бредут,
И сухо скрипят их копытца,
И нарты скрипят и ползут.
И тянется лес беспредельный.
И горы зубцами встают,
В ущельях глубоких метели,
Как волки поют и поют.
Сменяется все чередою
И ночью, и утром, и днем,
И кажется путь бесконечный
Мечтою, иль бредом, иль сном.
И ноют усталые кости,
И мозг утомленный не спит,
И дремлет усталая память,
Фантазия вьет свою нить.*

Сура

*Сура, красавица моя!
Твоих белеющих песков
Отмели снова вижу я,
И шум веселых голосов
По ним снующих куликов
Опять в ушах моих звенит,
И солнце жаркое блестит
В твоих серебряных струях.
Дробясь искрами в волнах.
Летая низко над водой,
Рыбалка жалобно кричит,
Да цапля, спугнутая мной,
На заводь медленно летит.
Твоих зеленых берегов
Чертой извилистой бреду,
И дикий хмель с трудом я рву
Между смородиновых кустов -
Приют семей тетеревов.
Темно-зеленые дубы
Глядятся в заводи твои
И, как покорные рабы,
Склоняют головы свои
И отражаются в воде
Средь лилий белых, лопухов...
А на противоположной стороне
Крутой высокой ряд холмов
Покрывает старинный мрачный бор.
Как вся видна оттуда ты:
Ты вьешься летююю вдали,
Окружена толпой озер
В кайме высоких тростников,
И зеленеют острова
Оси дрозжащих и дубов
Средь заливных твоих лугов;
И их высокая трава,
Уже скошенная кой-где,
Коростелей еще полна...
Да, нет, наверно, нигде
Реки красивее тебя,
Сура, красавица моя!*

Первая любовь Алексея Толстого

23 февраля 1945 года, ровно 60 лет назад, не стало известного русского писателя Алексея Николаевича Толстого. И.А. Бунин, долгое время живший с Толстым в эмиграции во Франции, так описал это в своем дневнике: «24.2.45. Суббота. В 10 вечера пришла Вера (жена Бунина – О.К.) и сказала, что Зуров (писатель, друг семьи – О.К.) слушал Москву: умер Толстой. Боже мой, давно ли все это было – наши первые парижские годы и он, сильный, как бык, почти молодой!» Тот же Бунин оставил после себя очень эмоциональные и беспощадно-правдивые воспоминания о «третьем Толстом», которые до сих пор издаются с куторами.

Знаменитый волжанин – писатель Алексей Николаевич Толстой был, бесспорно, личностью противоречивой: в 1918 году он собирался целовать сапоги у царя, если восстановится монархия, и ржавым пером прокалывать глаза большевикам, а потом с большим достоинством возглавил советскую литературу. Подобное часто случается.

Вообще-то Толстой очень созвучен нашему времени. Его любимое словечко – «колбаситься» – не устарело и сегодня. Выгодно продав свой титул, он быстро приспособился к новой власти и жил на широкую ногу: великолепная дача, мебель XVIII века, две иномарки, многочисленная прислуга...

Блок, недолюбливавший молодого Толстого, дал ему такую характеристику: «Много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта». Именно благодаря талантливым произведениям «Хождение по мукам», «Петр I», «Детство Никиты», «Золотой ключик» мы и помним Толстого. Жизнелюб, любитель хорошо поесть и хорошо выпить, эгоцентрич-

ный, чуждавшийся идейных людей и всяких идей вообще, Толстой любил женщин. Четырем он дал право зваться «графиня Толстая». Сегодня наш рассказ – о первой любви великого писателя...

Впервые Юлию Рожанскую, дочь коллежского советника Василия Михайловича Рожанского, 17-летний Толстой увидел, заглянув однажды на репетицию любительского драматического театра в Самаре, куда они год назад переехали с матерью из Сызрани. Здесь Алексей продолжил учебу в местном реальном училище.

Юноша сразу обратил внимание на девушку – исполнительницу главной роли, и с тех пор не пропускал ни одного спектакля, ни одной читки, ни одного прогона. А когда руководитель театра предложил ему роль в пьесе А. Островского «Свои люди – сочтемся», Толстой с радостью согласился.

Ведь совместная работа над спектаклем давала ему надежду на то, что девушка заметит его – такого талантливого и такого влюбленного! Но Юлия не обращала на графа ни малейшего внимания, поскольку тот был моложе ее. Тогда он написал для нее водевиль «Путешествие на Северный полюс». Девушка приняла дар лишь холодно кивнув.

Однажды во время репетиции Алексей подошел к ней и протянул записку: «Это я для вас, Юленька, написал». Это были стихи:

*Посмотреть мне достаточно
в серые очи,
Чтоб забыть все мирские дела,
Чтоб в душе моей темные ночи
Ясным днем заменила весна.*

Девушка была польщена. И стала терпимее относиться к ухаживаниям графа. Вскоре они начали встречаться не только на репетициях, но и в свободное от занятий время. А во время каникул он и дня не мог прожить без девушки.

«Я места себе не находил без Юленьки, – писал Алексей впоследствии в своих дневниках. – Наконец поехал в Бригадировку (село, где Юлия

Александра Леонтьевна Бостром-Толстая с сыном Алексеем. 1897 год

жила у родни – О.К.). Встретившись с ней, я нашел душевный покой».

После окончания реального училища Толстой мечтает о дальнейшей учебе. В 1901 году он едет поступать в технологический институт в Петербург. Уговорил и Юлю ехать вместе с ним. По его совету в этом же году она поступила в медицинский институт.

В Петербурге Алексей и Юля стараются проводить свободное время с пользой: в Александринском театре посещают спектакли с участием В.Ф. Комиссаржевской и К.А. Варламова, в Театральном доме Павловой смотрят оперетту С. Джонсона «Гейша», в Мариинском слушают оперу «Кармен». И это не просто желание подражать столичной богеме, а духовная потребность молодых провинциалов. Даже первую меблированную комнату А. Толстой и Юля снимают у актрисы театра Литературно-художественного общества. Там, в Питере, А. Толстой часто ловил себя на мысли, что оценивает Юлю со стороны, как будущую жену, и оставался доволен. Они понимали друг друга, их влекло друг к другу, зачем же разлучаться? Юля с радостью встретила предложение Алексея выйти за него замуж. Конечно, лучше бы это сделать после окончания института, когда будет работа и меньшая зависимость от родителей, но – годы...

О предстоящей свадьбе – почти в каждом письме Алексея родным: «Свадьбу лучше всего справлять в Тургенева, но не забудьте, что числа 4 июня начнется пост и венчать уже не станут до августа». Помимо поста была и другая причина – Юля была беременна.

Алексей Толстой в юности

Летом 1902 года они после экзаменов отправились в Самару, а затем в Тургенево, где 3 июня венчались в местной церкви. На момент женитьбы Алексею исполнилось 19 лет, Рожанской – 22. О свадьбе в метрической книге сохранилась следующая запись: «Сын графа, студент первого курса Технологического института Императора Николая I Алексей Николаевич Толстой, православного вероисповедования, первым браком. Дочь коллежского советника Юлия Васильевна Рожанская, слушательница Санкт-Петербургского женского медицинского института, православного вероисповедования, первым браком».

Церемония была скромной. Александра Леонтьевна не захотела пышной свадьбы: «Семья у нее, конечно, хорошая, но Алеша еще так молод», – сетовала матушка.

В свадебное путешествие молодожены отправились в Новороссийск и Севастополь. Потом была Вятская губерния, где А. Толстой продолжил практику как технолог. Через месяц молодожены, заглянув к родным в Самару, вернулись в Санкт-Петербург – в Технологическом институте начинались лекции.

В январе 1903 года у А. Толстого и Юлии родился сын Юра. Теперь все свободное время граф посвящал только ему. В воспитании сына молодым помогали родители Алексея и Юлии, а потому Юрий какое-то время жил то у Александры Леонтьевны в Самаре, то у Рожанских в Казани, что позволяло молодоженам спокойно учиться, выезжать на практику, посещать театр. Но как только наступают каникулы, они спешат к сыну.

В мае 1905-го А. Толстой сдает экзамены за 4-й курс, переходит на 5-й. Их институт становится одним из очагов революционной борьбы. Когда по городу поползли слухи, что черносотенцы готовят расправу с революционно настроенным студенчеством, Алексей и Юлия перебираются на несколько дней в Выборг к двоюродной сестре Александры Леонтьевны – О.К. Татариновой. Но ситуация в Питере за это время не улучшилась: все учебные заведения были закрыты и оцеплены войсками. Тогда у Толстого появилась мысль уехать для продолжения учебы в Дрезден к своему товарищу по институту А. Чумакову. «Петербург опять заснул. От октябрьского оживления не осталось и следа, разве только усиленно расплодилось похабные журналы с порнографическими рисунками. После экзаменов все-таки уеду за границу, здесь заниматься невозможно», – сообщает он в письме отчиму А. Бострому.

Там, в Германии, весной 1906 года в жизни Толстого появилась другая женщина – Софья Розенфельд (урожденная Дымшиц). Их познакомил родной брат Сони – Леон, с которым Алексеем Николаевичем учился в Дрезденском политехническом институте. Софья в это время училась в университете г. Берна, там же обучался и человек, считавшийся по документам ее мужем.

«Брак наш был странный, я бы сказала «придуманный», – вспоминает С.И. Дымшиц-Толстая. – Человека этого я не любила и не сумела его полюбить. Вскоре я тайно, без всякого предупреждения, покинула его и поехала в Дрезден, к брату». Леон часто навещал сестру, приезжал со своими товарищами, среди которых был и Алексей Толстой.

Друзья любили Алексея за веселый, открытый и прямой характер. Они

А.А. Бостром - отчим Алексея

посмеивались над его необыкновенным аппетитом, рассказывая о том, что в ресторане на вокзале (студенты обедали там потому, что это был самый дешевый ресторан в Дрездене) он беспощадно «терроризировал» официантов, принеся ему к обеду большую корзинку с хлебом, лаконичным возгласом: «Wenig!» («Мало!»). Не скрывала своих симпатий к товарищу брата и Софья. Общаясь с девушкой, Алексей заметил, что ему интересно с ней, они понимают друг друга с полуслова.

– Знаешь, Леон, – сказал он через некоторое время другу, – если мне когда-нибудь придется жениться вторично, то моей женой будет твоя сестра.

Леона эти слова обеспокоили. Он знал, что Алексей женат и имеет ребенка, и что покинутый сестрой муж

из мести не даст ей развода. Поэтому, во избежание греха, он потребовал, чтобы Софья уехала в Петербург к родителям.

Возвратившись в Россию, София Дымшиц поступила в школу художника С.С. Егорова. Возвращаясь однажды после занятий домой, на углу Невского и Пушкинской она столкнулась... с Толстым. Оказывается, он тоже покинул Дрезден и сумел восстановиться в Технологическом институте. При встрече Алексей Николаевич не преминул спросить у девушки разрешения прийти в гости. И вскоре пришел, но не один, а с женой Юлией Рожанской. Он не мог уже без Софьи, и искал любую причину, чтоб встретиться с ней. А вскоре начал являться без жены, что вызвало недовольство родителей Дымшиц. По их настоянию Софья перестала принимать Алексея Николаевича. Но разве это могло остановить молодого Толстого? Его точно магнитом тянуло к девушке и вскоре он тоже поступил в школу Егорова, совсем забросив занятия в Технологическом, для окончания которого оставалось защитить дипломный проект.

Однажды весной 1907 года Толстой явился в школу Егорова, облаченный в сюртук, и когда он и Дымшиц остались одни, сделал ей предложение. Софью это тронуло, но... Если она почти свободна, то у графа была семья. Толстой долго убеждал девушку, что его решение выстрадано и обратного пути нет.

Чтобы проверить чувства молодого человека, Дымшиц предложила ему съездить за границу. Толстой согласился и вскоре отправился с Рожанской в Италию. Но не прошло и месяца как он вернулся в Петербург. Поездка показала, что семейная жизнь Толстого и Рожанской распалась окончательно. Юлия Васильевна вначале тяжело переживала разрыв. Она хотела видеть Толстого инженером, к его творческим поискам относилась равнодушно. Однажды она сказала Алексею Николаевичу: «Если ты окончательно решил отдаться искусству, то Софья Исааковна тебе больше подходит».

С июля 1907 года неразведенные Толстой и Дымшиц стали жить вместе. В те годы расторжение брака утверждал Священный Синод. И бракоразводный процесс мог длиться годами. Алексей Николаевич и Юлия смогли развестись только в 1910 году. Но это уже были детали: за два года до этого – 11 мая 1908 умер их пятнадцатилетний сын, который был последней точкой, связывающей этих некогда столь дорогих друг другу людей...

Олег Корниенко,
г. Сызрань

50 лет тому назад в ульяновскую школу № 3 пришло письмо из Болгарии от Цонки Палавеевой. Она писала, что хочет переписываться с девочкой, которая значится в классном журнале под № 19. Ею оказалась я, Полетаева Наталья.

Моя далекая подруга...

В те годы было модным вести переписку с одногодками из разных стран. Мне писала чешка Ева Феиглова, румынка Некула Ион. Я получала письма из Украины, Молдавии, Белоруссии. За письмами шли бандероли и посылки с альбомами и значками, сувенирами, куклами в национальных костюмах. Перед Новым годом я получала массу открыток с поздравлениями, поделки из бумаги, вышивки, фотографии. Сама бегала по магазинам в поисках подарков или вышивала салфетки, шарфы, кофточки, чтобы порадовать своих друзей.

Но до сих пор продолжается переписка лишь с одним человеком — Цонкой Палавеевой.

Перебираю пожелтевшие листочки Цонкиных писем. 1955 год. «Наташа, я вижу, что и ты, как и я, любишь цветы. Высылаю семена одних из них, мы называем их «петунии». В одном из писем я спросила: какая ты? И она ответила: «Рост 168 см, глаза голубые, волосы светлые, но не очень. Посылаю тебе кусочек своих волос, их дарят самым дорогим людям».

Каждый год в начале весны я получала от неё («мартеницы») — две небольшие кисточки из шёлковых ниток. Одна — красная, другая — белая. Их носят весь март на пальто, платье, костюме — на счастье. Таков старинный национальный обычай. 24 мая болгары отмечают день письменности и чтят память Кирилла и Мефодия. Накануне этого дня учащиеся приносят своим учителям венки и вешают их на воротах или дверях дома.

50 лет назад она с семьей жила в Копривнице, училась в 8 классе. В школе Цонка изучала русскую литературу, писала сочинения. Однажды на уроке географии, когда изучали нашу страну, она прочла моё письмо, где я описывала Ульяновск.

Развернула Цонкино письмо, и из него выпали сухие лепестки. Дата 9.09.1956. Тогда у моей подруги зародилась любовь. Она переписывалась с мальчиком, который учился в горном институте на Украине. Мне Цонка писала: «Он глубоко в сердце моем. У нас говорят, что нет крепче первой любви. Никогда, никого я не буду любить так, как его». Родители были против их переписки, но она продолжала с юношеским трепетом ждать от него писем, а весточки приходили все реже

и реже. Из какой-то книги она прислала мне цитату: «Первая любовь! Не ты ли счастлива или несчастна, все равно учишь нас поэзии и красоте, вдохновляешь на подвиги, делаешь слабого смелым, сильного непобедимым. Ты остаешься в сердце на всю жизнь, ты становишься лучшей частью нашей души, нашей совестью, болью и чистотой». Замуж она не вышла, хотя мужчинам нравилась. Окончив школу на одни пятерки, Цонка поступила в Софийский университет. Ей всегда нравилась химия. Потом была аспирантура, работа в научно-исследова-

Н. Новицкая и Ц. Палавеева

тельском институте научным сотрудником, заведующей лабораторией. Часто бывала за границей, объехала полмира, но в России побывала лишь один раз.

В одном из писем она писала: «Слушаю «Цыганские напевы» Сарасате. Это чарующая музыка! Я скрипку очень люблю, в детстве играла, по словам людей, очень неплохо, но не стало учителя, и я бросила, хотя очень жалею».

Цонка несколько раз приглашала меня в Болгарию, но встретились мы спустя 14 лет после начала нашей переписки. Мы вдвоем с мужем поехали по туристической путевке в Румынию и Болгарию. Цонка нас ждала в Софии и сразу повезла в родную Копривницу, небольшой городок, распо-

Дом Цонки в Болгарии

ложенный высоко в горах. Деревянная застройка, в основном двухэтажная, с балконами, верандами, утопающими в зелени деревьев, кустарников и цветов. Провели нас в комнату, где вдоль стен стояли скамьи, покрытые домоткаными цветными ковриками, такие же были и на полу. Потом нам объяснили, что это специальная комната для бесед. Столовая была чуть поменьше. Спальни — на втором этаже, где нам отвели большую комнату.

На другой день мы совершили прогулку по городу и уехали в Софию.

В 1991 году Цонка писала: «Жизнь сейчас такая, какая никогда не была раньше. Продовольствия почти нет, все по талонам, но в магазинах пусто. Люди разделились и ненавидят друг друга на политической почве, стараются вернуть все, что было до войны. Плохо говорят о русских и об СССР. За них становится стыдно. Они забыли, что когда-то русские освободили их предков от турецкого ига. Жизнь становится тяжелее, и люди стали чужие».

Несколько лет тому назад я совершила круиз по Дунаю. В Софии встретилась с Цонкой и друзьями из Казанька. Они встретили меня в фойе гостиницы с огромным букетом белых роз. И снова — объятия, поцелуи, слезы радости, разговоры до поздней ночи о жизни и нашей далекой юности...

Р.С. Недавно Цонка увидела по телевизору двух 85-летних женщин из США и Болгарии. Они переписывались с 10-летнего возраста. Это событие и подтолкнуло меня рассказать о нашей с ней дружбе.

Наталья Новицкая

Сестер Валиахмедовых с нашим журналом связало выступление на вечере «В кругу друзей «Мономах». Дуэт Лилии и Аиды Валиахмедовых покорила публику чистотой, проникновенностью голосов и удачно подобранной для праздника песней «Ах этот вечер, лукавый маг...».

«В нашей семье поют все! – признается старшая Лилия. – Более 15 лет мы выступали втроем, но, к сожалению, средняя сестра Эльвира избрала другую профессию и оставила сцену. С ее уходом мы потеряли самый драгоценный голос нашего трио...»

Лилия и Аида Валиахмедовы

«В нашей семье поют все!»

Еще 10 лет назад трио Валиахмедовых было уникальным явлением в Советском Союзе: три родные сестры, да еще и поют!

Слава к сестрам пришла уже в школе, когда учителя разглядели талант сначала в Лилии и стали «снимать» девочку с уроков на все школьные концерты. В результате страдала учеба. К 11 классу Лилия стала местной «звездой», и никто не сомневался в том, что ее сестры Эльвира и Аида, которые тогда учились в 9 и 5 классах, обязательно должны петь! Девушки до сих пор спорят – повлияла ли слава Лилии на судьбу остальных сестер. Но, скорее всего, именно благодаря своей общности трио Валиахмедовых добилось популярности.

– Не мешала слава вашим семейным отношениям? Ведь кому-то наверхника хотелось быть на первом месте, кто-то был смелее и ярче. Не было между вами конкуренции на сцене?

– Совершенно нормальная, здоровая конкуренция была всегда. И она помогла нам совершенствоваться. Мы подтрунивали друг над другом, старались не отставать от старшей сестры, а она, в свою очередь, поддерживала нас и дружеским и профессиональным советом, – говорит младшая Аида.

– А кто стал родоначальником «музыкальной» семьи Валиахмедовых?

– Творческим двигателем всегда был папа, Ильгиз Бариевич, а мама Галия помогала в финансовых вопросах. Наш отец, не имея музыкального образования, всегда стремился к музыке и в нас, своих детях, воплотил давнюю мечту о сцене. Несколько раз мы пытались бросить музыкальную школу, и если бы не папина настойчивость – вы бы никогда не услышали наших песен.

«Поющую» династию продолжают и дети Лилии: восьмилетний Влад во всю поет, участвует в конкурсах и гастролирует вместе с мамой. А дочка

Д. Захаров и Л. Валиахмедова на сцене «Фабрики»

Алина, которой всего три годика, ходит за Лилией по пятам: «Мама, давай споем!».

Никогда не забудет Лилия свой дебют на сцене: уже в 6 лет она солировала с хором ветеранов, пела песню «Эх, дороги». А в первом ряду сидели ее родители с новорожденной сестренкой Аидой на руках – так с младенческих лет в семье Валиахмедовых приобщали к музыкальному искусству.

– Лилия, каковы, на ваш взгляд, славаемые успеха?

– Музыкальное образование должно быть обязательно. Сейчас открывается много эстрадных отделений. Всем, желающим связать свою жизнь с музыкой, даже в 20 лет не поздно поступить на вечернее отделение и поучиться музыкальной грамоте хотя бы несколько лет. А уже потом – труд и еще раз труд, каждодневные репетиции. И тогда – все получится!

– А национальные песни вы исполняете?

– Песен на татарском языке в нашем репертуаре гораздо меньше, потому что они менее востребованы. Но в 1996 году мы даже выступали с

концертом в Казани на открытии мечети. Конечно, хочется попасть на празднование тысячелетия Казани, хотя бы в качестве слушателей и зрителей, – признается Лилия.

Сейчас Лилия вернулась в родную школу, но уже в ранге преподавателя – растит юные таланты. А совсем недавно получила приглашение из Москвы и будет давать уроки вокала в Щукинском училище и во МХАТе.

– Самое главное – не потерять внутренней красоты, не поддаваться соблазну. Мы благодарны своим родителям и рады, что родились в такой дружной, творческой семье. Если бы Бог не дал нам таких родителей, возможно, наша жизнь сложилась бы по-другому, менее ярко и насыщенно, – считает Лилия.

– Хочется показать на большой сцене все то, что вложили в нас родители. Доказать, в первую очередь, себе и всей стране, что на эстраде важна не только эффектная внешность и деньги, но и уникальный от природы голос, – вторит сестре Аида.

Будем надеяться, что в скором будущем к сестрам Валиахмедовым присоединятся их дети, и дуэт перерастет в настоящий поющий квартет!

Влад Рачев. 2005 год

Космическое яблоко Николая Марянина

На фоне книжного потока – катализатора духовной и физической гибели россиян – книга Николая Марянина «Бог умер» читается как исповедь евангелического толка во здравие России. Ее содержание – итог всего существования цивилизации, гомо сапиенса после Христа. В извечных темах поэт шестым чувством нашел свою нишу, через глубины своего «я», в безднах души и распадающегося праха обрел свою высоту. Считая разум ограниченным рамками Творца, Николай видит смысл жизни в реализации естества ее законов, основанных на гармонии всего видимого и невидимого. Все катаклизмы и конфликты: политические, социальные, классовые, национальные, религиозные, производственные, личностные, природные и моральные – от нарушения этой гармонии. Автор осуждает безбожие и как следствие – падение нравственности, культ животных инстинктов и пагубных страстей. Комментарием «семи смертных грехов» является не только стихотворение «Декалог», но и весь сборник.

В поисках смысла жизни поэт приходит к выводу: «Человек ищет Бога, а находит себя». Считая себя копией космоса, автор все свои жизненные импульсы, страсти и отправления сводит к обмену энергией духа. Материальная энергия, довлея, существует для него лишь как средство отталкивания от всего объективного, распадающегося ради торжества духа над плотью, жизни над небытием, света над тьмой. Страсть победы бессмертного духа над козым и рассыпающимся прахом (по сути идея бессмертия) так сокровенна, что «тонет в сердце тайное желание Вселенную, как женщину, обнять».

Удача автора в том, что макровселенную он видит и показывает и в атоме, и в человеке, и в обществе. Удача в том, что, несмотря на «голые мысли» – абстракцию вечных истин, – подавляющая часть стихов одухотворена конкретно-чувственной формой.

...Опомнись вечность!

Я ж тебя любил,

И той любви

найдешь ли бескорыстней?

Но...Плакать поздно,

надо уходить,

Прощайте все, прощайте

и простите,

И дай вам Бог при жизни

ухватить

Так мной и не ухваченные нити.

Борис Бызов

Николай Марянин

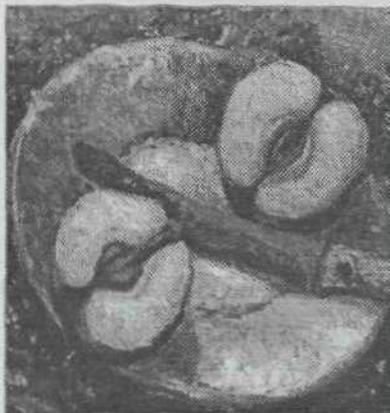
Увенчанный былинной славой,
Желая к Богу вознестись,
Последний раз орёл двуглавый
Взлетел в распахнутую высь,
Расправил старческие крылья
И вдруг, пронзив двадцатый век,
Вскричал от боли и бессилья,
Как перед смертью человек,
И в мрачном гибельном покое
Завис на жуткой высоте...
А ощущение такое,
Что Русь распяли на кресте.

Ветер пыль ворошит дуновением
слабым,
Кучер шапку надвинул до самых
бровей,
И плетётся Россия опять по ухабам,
Разбивая колёса телеги своей.

Тянет пьяную песню угрюмый
возница,
Хлещет клячу вдоль впалых костявых
боков,
И взирают с обочин усталые лица,
Так безумно похожие на бурлаков.

Их незримо олутила крепкая лямка
Незавидной судьбы и житейских
невзгод,
А из царских покоев кремлёвского
замка
Веет смертная скука, маразм и
разброд.

Здесь пытаются вспомнить забытого
Бога,
Добрести до его золотого крыльца,
Но бежит под копытами клячи
дорога,
И не видно ей до горизонта конца...

А. Романовский. Запретный плод

Не плачь, старик

Не плачь, старик, кури свою махру
И утешайся исповедью страшной,
Как ты штыком таранил немчурку,
Схлестнувшись насмерть в схватке
рукопашной.

Как пацаны – такие же, как ты –
За милую Россию погибли,
И как вчера, устав от нищеты,
Ты продал все победные медали...
Подонки с полубритой головой
Отмерил, как дулет из карабина,
Полтинник «За сраженьё
под Москвой»

И четвертак «За взятие Берлина».
Ты перед ним стоял, как истукан,
И мял пальцами грязные купюры...
Не плачь, старик, налей еще стакан
За то, что ускользнул от пули-дуры
В том зверском оглушительном бою,
Когда осколком ноги оторвало
Ты знал за что...

За Родину свою,
Которая теперь с дерьмом смешала
И с кепкой посадила на асфальт
Среди бомжей и рядом с костылями...
И пусть терзает душу скрипка-альт
И сыплет дождь позорными рублями
Плывать! Ты даже к этому привык,
Как там, на фронте, к выстрелам
из пушки

И свисту пуль шальных...
Не плачь, старик,
Возьми гармонь и выдай нам
чапушки,

Чтоб стар и млад пустились в перепляс
Ведь мы пока что с голоду не сдохли:
Не сможет истребить Россия нас,
Пока в народе песни не усохли.
И пусть, утеше нищенской в контраст,
Жирует обнаглевшее начальство
Бог видит всё, и каждому воздаст
Когда-нибудь за это каннибальство.
За память, грубо втоптанную в грязь,
За сытость, процветающую гласно...
Не плачь, старик, долой из сердца
мразь,

Ведь жизнь, хоть и ничтожна,
но прекрасна!

Из барских рук в который раз прими
Собачью кость – паёк ко Дню Победы:
Бутылка водки, чёрт ее возьми,
Забудь поможет горести и беды.
Не плачь, Россия вспомнит о тебе,
Когда уйдёшь в страну угасших
звуков,

И на твоей изломанной судьбе
Воспитывать начнут детей и внуков,
Геройские восславят имена,
Воздвигнут безымянные могилы,
И будет жить несчастная страна
Величием твоей былинной силы.
И звуки вальса нежно будут плыть,
Откуда ныне смрад холодный веет...
Не плачь, старик, что толку слёзы лить
Там, где слезам никто уже не верит.

Собаку звали Тила. Она была не местная, а привезенная издалека, много повидала и знала толк в жизни. Когда мне было холодно, я, налавшившись теплого молока, устраивался у нее под боком или даже на животе и спал. Удивительные существа эти собаки. На улице, как сумасшедшие, лают на чужих котов, загоняют на деревья, а дома не обращают на нас внимания. Привыкают к своим, принохиваются...

Кузей меня назвал сын хозяина, худенький, молчаливый мальчик. Его, как и Тилу, привезли в Россию из далекой, жаркой страны. Он тосковал по своим друзьям и часто, придя из школы, закрывался в своей крохотной комнатке и подолгу рассматривал фотографии. Он понимал, что уже никогда не вернется назад. Когда он плакал тайком от папы и мамы, я садился рядышком, смотрел в его грустные глаза, и мальчику становилось легче.

Нас, кошек, пардон, котов, считают глупее собак. Спорить не буду. Некоторые готовы предать хозяина за горсть свежемороженой кильки. Но встречаются и такие, кто по преданности не уступает собаке. Я, Кузя с помойки, именно такой кот. Очень верный. Еще бы! Кормят меня хорошо, выпускают на улицу в любое время. А главное – не кастрировали, не превратили в живую бесполоую игрушку.

Да, коты не похожи на собак. Мы не лебезим перед хозяином, долго помним нанесенные нам обиды. Мы красивы, грациозны и независимы, порой до подлости, но люди уже несколько тысячелетий нам все прощают. Что тут поделаешь! Если бы мы все, вечные спутники людей, – кошки, собаки, лошади, коровы, бараны, козы, свиньи – были похожи друг на друга, то со скуки можно было помереть! Кстати, о свиньях. Среди множества этих хрюкающих существ, я слышал, есть экземпляры, которые ведут себя пристойнее некоторых людей. До чего же люди похожи на свиней! Особенно, когда напьются чего-нибудь спиртосодержащего. У нас проще: лизнул чуточку валерьянки и порядок.

Знаю, что жаловаться некрасиво, но не могу сдержаться. Хозяин порой очень груб со мной. Это бывает, когда он замечает на белом кухонном столе черные следы моих лап после возвращения с прогулки или когда обнаруживает недостачу пельменей в своей тарелке. Увидев меня под столом за поеданием очередного пельменя, он ласково зовет меня: «Кузя, Кузя, кис-кис-кис!» Но я-то не debil, знаю, что меня ждет, и пулей вылетаю из-под стола! А он, как опытный вратарь, бросается наперерез, пре-

Я – Кузя с помойки

Не помню, как я оказался на мусорке. Было ужасно холодно. Кто, кто посмел вышвырнуть меня на мороз, на сваку?! Я ведь мог умереть! И вот появился человек с ведром. Он вывалил мусор в овраг и вдруг заметил меня. Нагнулся, стал рассматривать, как насекомое. Потом протянул руки, и я доверился его теплым ладоням. Человек сунул меня за пазуху и принес в теплый, деревянный дом. Только он вошел, как на меня зарычала большая, черная собака. Хозяин громко сказал: «Нельзя! Это котенок, он будет здесь жить». Собака фыркнула и отвернулась».

граждая путь под большой старый диван, хватая своей железной ручищей меня за загривок и со страшным матом вышвыривает в холоднющие сени! Если б вы знали, как я его ненавижу! А еще аристократа из себя корчит. «Господа! Попрошу изъясняться без мата!» – это он к своим гостям-собутыльникам так обращается.

Бывают и настоящие минуты счастья, когда хозяин снимает со стены ласково любимую гитару и начинает ласково перебирать струны. Говорят, собаки терпеть не могут музыку и даже мерзко воют. Тила не такая. Она обожает музыку! Подходит к дивану, растягивается во всю длину, как живой, черный коврик, кладет свою породистую голову на передние лапы, закрывает глаза и слушает печальную музыку. Наш хозяин почему-то играет только грустные мелодии. До чего же хорошо дремать под звуки гитары...

Десять лет я прожил в одном доме с Тилой. Делал вид, что эта старая

сука мне безразлична, и она (тоже, видать, с характером) почти меня не замечала, но дружественно предоставляла мне возможность притиснуться к мягкому теплому животу, многократно испытывавшему радость материнства, и спать, спать, чувствуя себя маленьким под надежной защитой умной собаки.

Тила исчезла неожиданно, в день рождения старшего сына хозяина, который когда-то принес ее в дом трехнедельным щенком. Говорили, что ушла в овраг и там умерла. Где только ее не искали, кого только не спрашивали! Так и не нашли. Тогда я впервые познал, что такое тоска.

Но недолго я оставался один. Вскоре в доме появились мои очень дальние родственники: дымчато-серая, ужасно высокомерная кошка Шура и ее очаровательная дочурка Муся. Мусенька! Если бы вы знали, какое это было чудо! Я, уже немолодой кот, ни в чем не мог ей отказать. Как мы с ней играли! Носились по всему дому, боролись, обнимались! Да-да, обнимались! Хозяин даже сфотографировал нас в этот момент для газеты и сделал пошлую подпись: «Здравствуй, папочка!» Ну, какой я ей папочка! Ох, уж эта неистребимая привычка журналистов все приукрасить, соврать ради красного словца!

Муся ко мне очень привязалась. А какой массаж она делала мне своим розовым, шершавым язычком! Часами вылизывала мою морду, шею, спину, старые бока. Но счастье мое было недолгим. Однажды Муся подавилась рыбьей костью. Почти сутки стонала от боли и кашляла. Ее отнесли в ветлечебницу, и больше я никогда ее не видел. Младший сын хозяина похоронил ее там же, где хозяин закапывал ее утопленных котят, на краю оврага, где когда-то нашли меня. Закапывал и плакал. Если бы вы знали, как он любил мою Мусеньку, и какой она отвечала ему взаимностью!

Теперь я уже стар. В пасти остался единственный нижний клык, который оттопыривает губу и придает моему лицу, пардон, морде, брезгливо-злобщее выражение. Зубы и клыки я потерял во время бесконечных драк с наглými, молодыми котами. Я всегда бился до победы. Дрался за своих подруг! Все мое тело покрыто бесчисленными шрамами. Пройдите по нашему старому переулку и посчитайте, сколько вокруг котов и кошек, похожих на меня. Это все мои дети, внуки, правнуки. Вот почему я почти не чувствую себя стариком. Мои большие глаза еще светятся сильным, зеленым огнем.

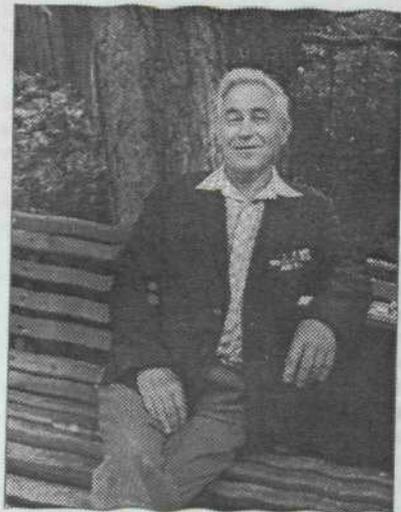
Алексей Жданов

Сценарист по имени Жизнь...

(Продолжение. Начало в журнале "Мономах" №№ 1,2-2005)

Томика

Скитания наши по послевоенной Украине продолжились. Воинскую часть отца перевели в Винницу. Добирались мы туда долго, так как за нами подтягивались эшелоны с техникой. В Могилеве-Подольском, на вокзале, к нам подошла женщина и предложила нашей семье остановиться у нее на квартире. В нарядном белом домике, кроме хозяйки тети Даши, жили ее сноха и пятилетняя Эмма. Сын тети Даши был летчиком, и полк его до войны стоял в Гудауте. И вот там-то на каком-то комсомольском слете молодой пилот женился на абхазке Тамаре и в начале июня 1941 года приехал с супругой в отпуск к матери. 22 июня он отбыл в свою часть, а Томика, как называли Тамару муж и свекровь, осталась его ждать и попала в фашистскую оккупацию. И только после освобождения Украины пришло ей сообщение, что муж ее погиб в августе 1941 года. Была тетя Томика истинной красавицей. Ее огромные косы были черны до синевы, а глаза, как сказала мама, «ночь бездонная». Почти всю немецкую оккупацию Томика то пряталась на хуторе у тетки мужа, то в чуланчике. Но в тот страшный день она услышала на улице плач и крики и выбежала к калитке сада. Это гнали на расстрел евреев. И вдруг одна из женщин споткнулась и выронила из рук ребенка. Томика подхватила его и бросилась в дом. Потом до вечера на берегу Буга стучали пулеметы, а тетя Даша, напоив малень-

Виктор Егоров — отец Л. Толкишевской. 1990-е

кую девочку маковым отваром, чтобы она спала, на ручной тележке повезла малышку на хутор. Туда же, закутавшись в рваный платок и испачкав лицо сажей, собралась и Томика. Но не успела. В дом нагрянули полицаи. Кто-то все-таки видел и донес. Все вокруг перерыв и не найдя «ожидиненка», один из полицаяев схватил молодую женщину и вытащил пистолет. Но второй вдруг сказал: «Черт с ней! Пусть живет! Тетка Дарья мне пуповину обрезала». Потом добавил: «Живет да помнит!» И, положив руку Томики на стол, он умело, как и полагается сыну мясника, отрубил ей три пальца. С тех пор она всегда держала руку в кармане нарядных фартуков, которые шила ей свекровь. Женщины просто обожали маленькую Эмму. Томика звала ее доченькой, Дарья — внученькой. Через несколько дней после того, как мы поселились в этом доме, в калитку постучался высокий, черноволосый солдат с большим рюкзаком за плечами. Я провела его на веранду, где Томика сушила фрукты. Она взглянула на солдата и вдруг, побледнев, стала пятиться к двери в дом. «Я Рувим, отец Эммы», — глухо как-то сказал солдат. И, встав перед женщиной на колени, он поцеловал ее изуродованную руку. Мама увела меня в сад. Она плакала.

...Прошло больше тридцати лет. Моя соседка и подруга, вернувшись в Куйбышев из родного Львова, где она провела отпуск, пришла ко мне с фотографиями, большими, цветными, непривычного для нас качества. «Передали из Израиля. Моя двоюродная сестра выдает дочь замуж». С фотографий на меня смотрели смеющиеся нарядные люди, и везде в центре была очень красивая, пожилая дама. Лило-вый костюм, белая шляпка с вуалеткой на роскошной прическе. Рука в белой перчатке — поверх белой же сумочки. «Ты видишь эту красавицу? Это бабушка невесты. И, знаешь, такая трагическая история...» Какой-то комок подкатился к моему горлу, запах абрикосов, плачущая молодая мама... Глаза «бездонной ночи» смотрели на меня из далекого уже тогда детства. «Молчи, Лера, молчи. Я знаю — ее зовут Томика, дядю твоего Рувима, а сестра твоя — Эмма». Подруга безмолвно опустила в кресло. Действительно, мала земля. И неисповедимы пути Господни.

Ожерелье

Перед тем, как часть отца разместить в Виннице, нас временно поселили в дачном местечке Гнивань в довоенном пионерском лагере. Место было страшное. Рядом с домами находились рвы братских могил. Немцы — аккуратный народ, и даже расстреливали и зарывали убитых по инструкции. Отец сказал, что длина каждого рва — 60 м. Ровные, как разлинованные, рвы еще не до конца просели за минувшее время. Заросли эти могилы большими кустами белой ромашки. И хотя вокруг могил стеной стоял орешник, ветки которого ломались от орехов, никто эти орехи не собирал и не ел.

Дня через два после приезда нашего в Гнивань, копошась с другими ребятами в песке, я нашла красивые белые бусы с тяжелой блестящей пластинкой с голубовато-зеленым камнем посредине. Обрадованная, ворвалась я на кухню к бабушке. Но бабушка печально и строго смотрела на ожерелье. «Это — жемчуг. Это — золото. Это — бирюза. Это очень красивое и очень дорогое украшение. Пойдем, вернем его хозяйке. А пока помолчи». Бабушка сняла фартук, взяла меня за руку, и мы пошли к братским могилам. Встав у края рва, бабушка вдруг негромко и отчетливо заговорила: «Сестра моя, чье имя знает Господь! Удостоилась ты мученического венца и теперь молишь за нас, живущих, Бога. Прими же свое земное достояние». Она низко поклонилась страшным рвам: «Царство вам небесное». «С кем ты говоришь?» — почему-то шепотом спросила я бабушку. «С убитыми, — ответила она, — здесь и партизаны, и заложники, и подпольщики, и детский дом, и больные, и пленные». Она перечисляла убитых, и лицо ее как-то темнело и каменело.

К вечеру у меня поднялась температура. Я лежала с пахнущим уксусом платком на лбу, кровать как будто уплывала из-под меня, но я отчетливо слышала раздраженный голос отца. Он сердился на мать и пенял ей, что она напрасно повела меня к могилам. «Это надо», — тихо ответила бабушка. «Что надо?» — не понял отец. «Надо, чтобы кто-то видел, запомнил и рассказал потом людям. Вот я помню и рассказываю тем, кто хочет слышать». Через день за нами пришли машины и увезли всех в Винницу.

Немецкий мастер и чудесное яблоко

Семьи офицеров разместили в здании школы, разделив классы фанерными перегородками. Каждой семье выделили примус. Примусы стояли в ряд на табуретках в школьных коридорах и гудели, гудели. Зрелище было просто фантастическое и незабываемое. Моей семье повезло. Нам выделили маленькую, но отдельную каптерку. Туда-то в начале октября отец и принес новорожденную мою сестру. Он же подарил мне большой том А. Гайдара. И, сидя на нижней ветке старой яблони, я вслух два вечера читала «Тимура и его команду». После чего вся подрастающая детвора офицерской коммуны в эту самую команду и организовалась. Был выбран штаб из четырех человек, и я оказалась в штабе писарем, ведущим рабочий журнал. Самое интересное, что мы действительно работали и реально помогали людям, благо кругом были вдовы, сироты, старики и раненые калеки. И еще были немцы. Пленные. Каждое утро длинным строем шли они под конвоем на разборку кирпичных завалов, а детишки неслись вслед за колонной пленных и швыряли в них каштаны. Кто-то сильно дернул меня за сатиновые шаровары. Почти вровень со мной стоял на своей дощатой тележке наш истопник — безногий танкист дядя Коля. Всегда добродушное его лицо на сей раз было очень сердитым. «Вы что же делаете? — спросил он. — Ведь они пленные, безоружные, а вы у нас русские, советские!» Дядя Коля, кавалер двух орденов Славы и ордена Ленина был авторитетом не только для нас. Ватага наша быстро рассеялась. На следующий день я дождалась пленных и сунула последнему в колонне немцу три бабушкины пирожка с капустой. Чтобы доказать, что я русская и советская. Через несколько дней конвойный солдат подозвал меня и, показав на немца, отдал мне смешного деревянного гнома. И сколько было радости у долговязого немца и у меня, «киндеркляйн», как он меня называл, когда на школьном чердаке раскопала я книги на немецком языке и перетаскала их немцу через лагерьный забор. Лагерь для пленных был ухоженный, чистый. Между деревянными бараками росло много цветов. Ходили врачи и повара в белых халатах. Было даже подсобное хозяйство.

Однажды мой пленный знакомый через добродушного конвоира передал мне яблоко. Яблоко выглядело сказочным. Огромное, величиной с большое блюдо, оно было солнечно-желтым и до янтарности прозрачным. Бог знает, где мой немец, находясь в лаге-

«Тимур и его команда» из Гнивани

ре, смог раздобыть такое чудо. Да еще весной. Чудо было решено съесть всем штабом. Но весь день мы только любовались яблоком, решив взамен передать немцу большую банку варенья. А вечером, когда наш командир отряда хотел его разрезать, яблоко вырвалось у него из рук и покатилося по дорожке вырубленного фашистами парка. И катилось, пока не наткнулось на сверток, лежащий на повороте дорожки. Рядом лежал точно такой же. В свертках оказались два малыша. Совершенно потрясенные, забыв про яблоко в траве, мы схватили малышек на руки и понеслись домой. Приехала «скорая помощь», милиция. Когда наших подкидышей увезли, к нам подошел участковый, бывший танкист со страшным обгоревшим лицом и как взрослым пожал нам руки. «Ну что, давайте вас сфотографирую на память. Все вот смотрю на вас — хорошие вы люди!» Щелкнув стареньким ФЭДом, он, чуть подумав, сходил к машине и принес оттуда замечательный трофейный бинокль. «Владейте, орлы!» Восторг наш был неопишуем. А когда мы вспомнили про чудное яблоко, в траве его уже не было. И в память о бесконечно далеком дне осталась мне маленькая фотография, где за моей спиной стоит глазастый наш командир — Толик Лавров, по прозвищу Лаврушка.

В начале 1981 года я случайно столкнулась с высоким сидящим полковником — вертолетчиком Анатолием Лавровым в подвезде нашего нового дома в Свердловске. Он первый узнал меня, тогда уже сорокалетнюю, бросился ко мне и долго-долго не отпускал мои руки от своего лица. Потом рассказал, что воюет в Афгане, что приехал получить свою долгожданную постоянную квартиру, что его сын уже кончает вертолетное учили-

ще. Утром он занес к нам ключи от пустой пока квартиры и улетел. Через месяц его не стало. Я сидела на полу пустой квартиры и не плакала — выла от боли и жуткой, как мне тогда казалось, бессмыслицы произошедшего. И мне понадобилось время, чтобы осознать, что гибель любого Дон-Кихота никогда не бывает ни случайной, ни напрасной.

Между тем все это время я продолжала ходить к пленному немцу. Отец даже передал ему толстый русско-немецкий словарь, которому он явно очень обрадовался. Пленный делал мне замечательные деревянные игрушки: смешного ослика, теленка, щенка. Может быть, он был резчиком по дереву? Не знаю. Но эта странная дружба взрослого и ребенка, немецкого пленного и русской девочки так же неожиданно оборвалась, как и возникла. С почтой принесли очередной номер «Огонька». Этот любимый тогда народом журнал отец мой выписывал всю жизнь. Теперь я думаю, что принесенный тот номер был, скорее всего, посвящен Нюрнбергскому процессу. Был он ужасен, так как полностью заполнен фотографиями фашистских зверств. И меня особенно ужаснула одна из них. Помещение, напоминающее теплицу, бесконечное, уходящее вдаль, заполненное отрубленными головами. На застывших лицах — ужас. И, как тогда, в Гнивани, я не спала ночь. А утром, схватив журнал, я дождалась колонну пленных, подбежала к «своему немцу» и сунула журнал ему в руку.

Больше я его не видела. А тогда, дня через три, к нам неожиданно подъехал начальник лагеря для военнопленных и на глазах изумленной семьи, поблагодарил меня «за блестяще проведенную среди пленных антифашистскую агитацию».

В. Егоров с другом у стен Освенцима

Дон Кихот

Отец собирался на курсы командного состава в Смоленск и уже строил планы учебы в академии. Но произошел случай, который круто повернул жизнь семьи. Вряд ли нынешнему поколению что-то скажет слово «колоски». Для старшего поколения слово это звучит трагично. В послевоенные годы разрухи и хлебных карточек вдовы и дети выходили в поле собирать колоски пшеницы, оставшиеся после жатвы. И очень часто сбор колосков был единственной возможностью накормить детей. Между тем по жестокому бесчеловечному закону сбор колосков после жатвы приравнивался к хищению государственного имущества. Найденные у несчастных женщин колоски взвешивали и, в зависимости от веса, давали от 5 до 8 лет тюремного заключения. И вот однажды, видя трагическую сцену, где за осужденную женщину цеплялось трое мальчишек и старая мать, отец не выдержал и вмешался. Теперь я уже никогда не узнаю, что и как сделал отец (но помню упоминавшиеся им фамилии Чуйкова и Жукова). Дело было пересмотрено и вдова солдата, погибшего в Сталинграде, получила 1 год заключения вместо 5 лет. Трое мальчишек были определены в суворовское училище. Случай по тем временам был неслыханный. Об этом говорил весь город. Для отца же действия его (для нас также) имели самые плачевные последствия. Тогда я впервые услышала слова: партбилет, волчий билет, изгой. Но тогда же я услышала имя – Дон Кихот. Отец ходил угрюмый и абсолютно уверенный в своей правоте. Бабушка молчала, мама плакала от жалости к отцу. К нам приехал командир дивизии, со звездой Героя на груди. Комдив заверил нас, что «отца не заберут» и высыпал на стол конфеты. Провожая его в коридор,

я не утерпела – дотронулась до золотой звездочки. «Вы настоящий герой?» – «Отец твой герой!» И садясь в машину: «Не нашего времени!» Прозвучало это с горечью. И это было единственное, что я тогда поняла. Отец же отделался партийным выговором («за отсутствие политического чутья») и, можно сказать, ссылкой в райцентр Калиновку, где срочно восстанавливали разрушенный немцами довоенный аэродром. Провожая отца, комдив сказал: «Отсились от особистов, Дон Кихот чертов! А там, как и говорил, все по плану». И мы все в кузове полуторки отправились в Калиновку. По дороге отец попросил шофера свернуть в лес. Машина остановилась около развороченной груды бетона. Все стояли молча. Это была разрушенная ставка Гитлера. Помню, как не вязалось это страшное имя с видом и ароматом прекрасного августовского бора, с пением птиц и цветами иван-чая, покрывающими бетонные развалины.

Крестовое озеро

Калиновка оказалась большим, очень красивым селом. Белые хатки живописно раскинулись среди садов. Да и всё оно, с его прудом посредине, вековыми пирамидальными тополями, зарослями мальвы, было настолько украинским, что казалось, сошло со страниц гоголевских повестей, которыми я тогда зачитывалась.

Пустила нашу семью на квартиру Мария Демьяновна, крепкая женщина с печальными карими глазами. Муж её был намного старше. Жили они в большой хате вдвоём. Женщины обратили внимание, что, переделав торпливо дела по хозяйству, Демьяновна набрасывала на голову платок и уходила куда-то в подсолнечное поле. Через несколько дней дед Сазон, вздохнув, пояснил: «Молиться к яме пошла. Уж семь годов, почитай, ходит». Мы

уже знали, что немцы разрушили в Калиновке только аэродром, не тронув села. Более того, комендант даже начал разводить в селе павлинов, заявив, что после победы над Россией он сделает «эту прекрасную землю» своим именем. Но фашисты сделали самое страшное. Они обескровили село, угнав всю молодёжь в Германию. В каждой хате висела фотография в чёрной рамочке, украшенная бумажными цветами. При слове «немец» у людей сжимались кулаки. Сначала забрали 16-летних, через два месяца снова окружили село и увезли всех 14-летних. Тогда-то у Демьяновны и Сазона забрали дочь – Надийку. И вот уже семь лет, не пропуская ни одного дня, мать ходила молиться за дочь, угнанную в рабство, к источнику, который образовался на месте выкопанного креста. История креста удивительна, совершенно мистична и, как я узнала став взрослой, достоверно подтверждена протоколами церковных и светских архивов. Но тогда мы услышали её из уст очевидцев.

Никто не помнит сколько лет на окраине Калиновки стоял большой деревянный крест. Дед Сазон уверял, что был он старше села. Стоял он не один век. Был сделан, видно, из какого-то привозного дерева и от времени стал как железный. Люди молились перед ним во все случаи жизни. Невесты вешали на него на три дня свой свадебный венок. Глубоко чтили его и католики-поляки, живущие на хуторах. Но вот уже в середине 1920-х годов разудалые комсомольцы-милиционеры, проезжая мимо креста, устроили по нему стрельбу. На следующий день человек, пришедший к кресту помолиться, увидел потрясающее, страшное зрелище: крест кровоточил. Через сутки около креста стояло на коленях всё село. Испуганные милиционеры бросились бежать в Винницу. Вскоре приехали «доктора» с длинными баночками и стали собирать в них кровь. Потом они, совершенно потрясённые и напуганные, привезли людей в форме, которые тщетно пытались разрубить и спилить крест. Наконец-то его выкопали. Но на месте, где он стоял, появилась вода. Вода стояла крошечным озерком, не переливаясь через край и не замерзая круглый год. К этому-то месту и ходила каждый вечер молиться несчастная мать. Кусты бузины, заросли которой за четверть века образовались вокруг, не приближались к крошечному озерку, а венком стояли вокруг, и его, как из голубого стекла, поверхность днем ярко горела от солнца, а ночью в ней отражались звезды. Сейчас я думаю, что если человек хотя бы один раз в жизни увидел

такое чудо, ему уже очень повезло. А ведь я видела.

1949 год люди встречали с радостью и надеждой. Страна тяжело, но поднималась из военной разрухи. А 6 января семья моя вместе с хозяевами хаты готовилась встречать Рождество. Бабушка накрывала на стол, когда я услышала стук дверного кольца. Открыв дверь, я увидела на пороге незнакомую и как-то непривычно одетую женщину. Длинное черное пальто, такой же длинный пестрый клетчатый

шарф. Из-под берета на плечи падали седые волосы. Наверное, глядя на седину, я и спросила: «Кого вам, бабушка?» — «Я не бабушка. Я — Надя. И я здесь»... Она вернулась после семилетнего плена и рабства на чужбине, после двух лагерей на родине. Конечно, можно сказать, что вернулись многие, вернулись и те, за кого не молились. Но в большое украинское село Калиновка, откуда в рабство было вывезено около двухсот человек, вернулась одна Надежда. И, слушая потом

вечерами ее рассказы о концлагерях, озверевших хозяевах и работе на подземном заводе, мы понимали, что Надю спасло чудо. И хотя мое раннее детство прошло под сказочно-красивым иконостасом и воспитывала меня глубоко набожная бабушка, именно там, на краю крестового чудо-озера, слово Бог приобрело для меня зримую реальность.

(описание следует)

Быль о «предателях»

Во дворе залаяла собака.

— Кто там? — спросила мать. Нюрка, Васька и Петька бросились к окну. Старшая десятилетняя Нюрка, подышав на замерзшее оконное стекло, протерла пальцем просвет, взглянула и закричала:

— Мама, почтальонша к нам.

Вошла Раиска — девушка лет двадцати и затараторила радостно:

— Теть Мань, письмо вам от Ваньки, хотите, прочитаю.

И, не дожидаясь согласия, развернула солдатский треугольник, стала читать: «Дорогие мои родители, папаша, мамаша, сестренка Нюра, братишки Вася и Петя, здравствуйте! Моя служба в армии проходит нормально. Я жив, здоров. Кое-чему нас уже научили: ходить строем, собирать и разбирать оружие, стрелять, ползать попластунски и еще многому. Ведь около полугодика, как я здесь. Ходят слухи, что нас скоро будут перебрасывать с Урала на Запад, ближе к фронту, но когда — не знаю, военная тайна. Очень хочется с вами повидаться. Удастся ли, не знаю.

До свидания, мои дорогие. С солдатским приветом к вам, ваш сын и брат Ваня».

Мария не умела читать, и поэтому ловила каждое слово Раиски, на лице ее менялись то грусть, то радость. Ребятыня, затаив дыхание, слушала письмо брата.

Мария — мягкая, добрая женщина, выглядела старше своих лет от постоянной работы по хозяйству, жила в постоянном страхе — боялась мужа.

Ее супруг, Терентий Иванович, мужичок невысокого роста, с сильным голосом и мелкими чертами лица, по здоровью на фронт не попал. Работал кладовщиком в колхозе, был преданным коммунистом. На всех собраниях, какие бы не проходили в сельском клубе, любил выступать, демонстрируя свои знания трудов Маркса и подчеркивая свой особый ум.

Домой Терентий пришел к обеду.

— Отец, Ваня письмо прислал, почитай, нам Раиска уже прочитала, — радостно сказала Мария.

— Ну, так что тогда тебе еще надо? Обедать давай, потом дочитаю.

Засуетилась Мария:

— И правда, отец голоден, пусть поедает.

...Прошло несколько дней. Метель не унималась. Поздно вечером стук в окошко — Ваня.

— Боже, сыночек, откуда ты в такой поздний час, да в такую погоду, поди замерз, — обняла сына Мария.

— Добрался на перекладных. Где на лошади, где пешком, где на тракторной тележке, — смутился Ваня.

Отец, почуввав неладное, сердито посмотрел на сына:

— Сбежал, подлец!

— Да нет, отец, я очень просил командира части, чтобы меня отпустили повидаться с родителями, мимо ведь проезжаем, — оправдывался Ваня. — Мелькнули родные места. Я не выдержал и прыгнул на ходу с поезда, вот и дома. Что хотите делайте.

Лицо Терентия исказилось злобой:

— Предатель, изменник Родины, военный трибунал тебя будет судить!

В ярости Терентий долго еще выкрикивал страшные слова. Дети забились в страхе в угол и молчали, глядя то на отца, то на братишку. А Мария просила:

— Отец, прости его, сын он наш, кровиночка наша, дитя еще, сжался.

Грубо оттолкнув ее, Терентий продолжал буйствовать:

— Защитница мне нашлась. Змею на груди пригреваешь. Немедленно сообщу в военкомат, в особый отдел, пусть с ним разберутся.

Ваня заплакал — не ожидал такого поворота событий.

А каково Марии? Ее сердце обливалось кровью. Радость встречи и горе, беспредельное горе. Как убедить отца, чтобы он простил сына, а там — что будет, пусть хоть ночь побыл бы дома в любви, неге, он еще совсем мальчик.

Ночевал Ваня дома. К утру немного забылись, и только отцу не спалось.

Морозным ранним утром Терентий уже стоял у крыльца сельсовета, поджидая председателя, Нину Сергеевну. В кабинете Нина Сергеевна попросила посетителя успокоиться, усадила его и попросила без эмоций рассказать все как есть:

— Сын мой Ванька сбежал из части и домой вчера явился. Сволочь, изменник Родины, предатель, мне стыдно, что я воспитал такого сына. Под трибунал его!

В обед приехали из горвоенкомата, забрали Ваньку из дома и повезли в сельсовет. В закрытом кабинете долго беседовали, а потом Ваню заперли в каменной кладовой. Там он провел половину дня и ночь. А мороз крепчал. Бедная, бедная Мария, какие чувства испытывала она?

Прошла ночь. О чем думал Ваня, сидя в подвале? Винил отца или себя за юношескую слабость, за наивное желание еще разочек увидеть родных, проститься с домом?..

Вестей от сына больше не было. Очевидно, брошен был он в штрафной батальон на переднюю линию огня, где и погиб.

В позоре доживал Терентий свой век. Кличка «предатель» крепко закрепилась за ним до последних его дней.

Анна Чихляева

Анатолий Чесноков

Послезавтра воскресну

Словно золотистая синичка,
Выпорхнуло пламя в темноту.
Полетело... Догорает спичка,
Высветив на время суету.

И летит всего одну минуту
Миг короткий, словно чей-то крик.
По всему поэту кому-то
Ни о чем не скажет этот миг.

Я смотрю, как пламя убывает,
Позабыв текущие дела,
Как его нещадно убивают
Сумрак, темень и ночная мгла...

Забываю вредные привычки,
Отвергаю ложь и суету...
Вот и все. И догорела спичка.
Улетело пламя в темноту.

Сентябрь

Покрытая мохом резьба,
Наличников ветхое кружево,
И листья, прилипшие к лужам,
Осевшая в землю изба.

Старик одинокий в окне,
Неярким обласканный светом...
Сентябрь обрывается с веток
И тклет паутины на пне.

И старая эта изба,
Речушка, за ней огороды,
Осеннего поля судьба
В объятьях сентябрьской свободы.

Деревня. В окошке старик,
Задумчивый, тающий в дыме...
Гусиный, летящий над ними,
Протяжный тоскующий крик.

Наступают холода.
Улетают птицы.
Я любил бы вас всегда,
Праздничные лица.

Только лица на пути
Праздничны не очень.
Снова осень впереди,
Сумрачная осень.

И грустит в реке вода,
Ветер стужей злится...
Наступают холода.
Улетают птицы.

Матери

Дом родительский так постарел
Посетил я родные пределы.
Облетает со стен тусклый мел,
И тоска в моем сердце запела.

Вот в углу сковородник, ухват –
Их знавала хозяйка Мария.
В дом звала, кто душою богат:
– Где вы, гости мои дорогие?

А наутро, коров подоив,
Уходила в поля на работу.
Там до вечера среди нив,
А до ночи по дому заботы.

То стирала, то мыла полы,
Мыть полы нас учила осокой.
Сколько нежности от любви,
Материнской любви высокой.

Мне так хочется зарыдать
В твой передник,
что счастьем был вышит.
Мама! – хочется снова позвать,
Но никто здесь меня не услышит.

Пустота в нашем доме и тлен,
Паутины плетутся прилежно.
Тусклый мел облетает со стен,
Он при матери был белоснежным.

Я хочу соединиться
В свете утреннем и блеске
С летней музыкой шмелей,
С русской песней звонко слиться,
Ветром прыгнуть в перелески,
Улетая в даль полей.

Я хочу объединиться,
Заклечь союз навечно,
Братство рек, людей и птах,
Чтобы теньканью синицы,
Чтобы тенью малой речки
Не грозил утраты страх.

В этот миг, кристальный, ранний,
В миг рожденья песен лета,
В зоровой короткий час
Я пронизан мыслью странной,
Как корнями бересклета,
Светлой думаю о вас.

Твое имя – из солнца и ветра,
Виноградной лозы
и черешневых веток,
Из полнотной грозы,
из больной бирюзы,
Одинок бегущей полынной слезы,
Из пустой суеты, из грудной воркотни
Голубей – мне напомнит

старинные дни.
Твое имя – из листьев ореха...
Твоя жизнь – для кого-то утеха.
В твоей жизни – не будет успеха!
Твоя жизнь: на прорехе – прореха!
И читаю тебя, как чужую тетрадь.
Сердце плачет, не хочет,
проклятое, спать.
Ты была мне родной, ну,
а стала – чужой,
Стала чьей-то женой, может,
даже – судьбой,
Виноградной листвою
с кудрявой резьбой...
И не знаю, что делать мне,
радость, с собой.
И горю я один, как свеча на ветру.
Послезавтра воскресну, сегодня умру.

Родина

Тихо в предзимнем поле,
Где в колеях от телег,
В лужах замерзших солью
Светится ранний снег.

Там, за холмами, деревня,
Там, забывая о сне,
Мать моя снова, наверно,
Мысли прыдет обо мне.

Над полевым бездорожьем
В горах тревог и забот
По-над озимую рожью
Небо седое плывет.

И понимая, что рядом
Холод и стужа зимы,
Я согреваю вас взглядом,
Ивы, поля и холмы.

Родина! Путь неблизкий...
Вновь проплывешь на заре
Деревом, обелиском,
Матерью на горе.

Поздравить учительницу с 8 марта шестиклассники решили во время урока, а не на перемене, потому что у молодой учительницы английского Инны Юрьевны была нехорошая привычка – начинать урок с вопросов на английском языке о погоде и настроении. Инне Юрьевне принесли в подарок красивый цветок в черном керамическом горшке. Стебель у него был как у кактуса, а листья лохматые и тонкие как у аспарагуса. Но была еще одна проблема – никто не знал, как поздравить с женским днем по-английски. Вся группа столпилась у парты отличника Васеньки Пахомова и Наташи Ивановой.

– Нет, я не могу дарить и поздравлять, – возмущалась маленькая Наташа. – Меня из-за цветка не слышно и не видно. Пусть Пахомов выступит...

– Дай сюда! – заорал Коля Ткачук и потянул горшок на себя.

Марина и Наташа стали защищать бедное растение, предложив поставить его на стол учительнице сейчас же. Кто-то закричал, что тогда не будет сюрприза. Чтобы состоялся сюрприз, Коля стал тащить цветок под парту. И вдруг раздался звонок... Бум! Ткачук прыгает через стул к своему столу. Горшок с цветком падает на пол. Красный и потный Вася вылезает из-под стола со спасенным растением. «Гуд монинг!» – говорит нарядная улыбающаяся Инна Юрьевна. Васенька что-то лепечет по-английски, приглаживая ладошкой землю в горшке. Совет класса Марина Шальская начинает извиняться за разбитый горшок, пытаясь все свалить на Колю...

В честь Международного женского дня чуть не сорвали урок. Кое-как он начался. Вместо вопросов о погоде на чисто русском языке последовала угроза сообщить о поведении некоторых учащихся классному руководителю Сергею Борисовичу. Зная крутой нрав «классного», Ткачук загрузил... От нечего делать он стал разглядывать цветок. «Капуста колючая», – решил Коля. Цветок шевелил мягкими листьями, как будто его кто-то ерошил изнутри. Он стал каким-то пышным, роскошным, живым. «Ух, ты, какой дикобраз», – снова подумал Коля. Потом он увидел, что цветок, вроде никем не тревожимый, стал клониться набок. «Опять скажут, что Ткачук виноват», – подумал мальчик и решил на перемене поделиться своими биологическими наблюдениями с Пахомовым.

На перемене Инна Юрьевна поправила цветочный горшок. «Да, тяжело ватый, неудивительно, что они его уронили. За что только накричала на детей». Конечно, ни к какому Сергею Борисовичу она не пойдет. Лучше пойти в библиотеку к подруге Ниночке и попить чаю с печеньем. А через урок

Подарочек

Рис. Е. Орман

придут любимчики из восьмого гуманитарного. Они давно говорили ей о каком-то сюрпризе, песню сочинили. Не то что лохматый цветок от б «А»...

За чаем подруги болтали о новом сериале. Внезапно дверь в библиотеку распахнулась, и влетела завуч Ольга Петровна.

– Вы что здесь делаете? – обратилась она к Инне Юрьевне. – Вас ищут, ищут, а вы чай распиваете.

– В моем кабинете сейчас урок немецкого, – холодно сказала молодая учительница.

– Да туда не могут попасть! Кто-то припер дверь изнутри. Идемте.

У кабинета английского стояла красневшая Елена Ефимовна и ее немногочисленные «немцы», которые весело улыбались, подталкивали друг друга и с некоторым беспокойством оглядывали Инну Юрьевну: «Вдруг откроет?». Но и она не смогла открыть дверь. Юркий Седов из «немцев» наклонился и заглянул в замочную скважину.

– Ничего не видно, – сказал он. – Темно. Как в лесу.

И вдруг Седов пошатнулся:

– Елена Ефимовна, там, правда, лес!

Все посмотрели на Инну Юрьевну.

– б «А», – тихо сказала она, – цветок подарил...

Через несколько минут в кабинете директора сидели Инна Юрьевна, Васенька Пахомов, его соседка по парте Наташа, Ткачук, Семенов и Марина Шальская.

– Где взяли цветок?

– Купили в магазине, в супермаркете, там есть отдел цветов, – подробно ответил Васенька за всех.

– Чем поливали? – был второй вопрос директора.

– Ничем, – вступила в разговор Наташа, – Роза Рустамовна...

– Тише, – сказала Роза Рустамовна. – Все свободны. Позовите сюда учителей биологии.

А «биологи» и «химики» уже давно стояли у кабинета и следили, как, словно ручьи, расплзались из дверных щелей зеленые побеги. Однако, никто не пытался взять их в руки. Все смотрели на растение, как на диковинное животное, брезгливо и с опаской. Инна Юрьевна, прибежавшая вместе с завучем, заламывала руки.

– Что будет с моим кабинетом?

– Бросьте паниковать. Справимся своими силами! – сказала Роза Рустамовна.

Немолодая биолог Вера Ильинична в очках, которые увеличивали ее округлившиеся глаза, сказала.

– Увольте. Мы не имеем права брать на себя такую ответственность. Может быть, это неизвестный вид, или странная мутация. Цветок необходимо исследовать. Нужно вызвать отдел охраны природы...

– Вы понимаете, что говорите? – возмутилась директор. – Уже через десять минут здесь будет вся школа и зеваки с улицы! Учебный процесс будет нарушен!

При этом директор переступила назад, потому что зеленая лиана, вырвавшись из-под двери, уже дошла до ее черных замшевых туфель.

– Это настолько необычно, – начала «химичка» Анна Яковлевна, – что, мне кажется... мне кажется... с этим надо покончить раз и навсегда!

Роза Рустамовна вздохнула:

– Я надеюсь, все понимаю, что данный инцидент нужно забыть, как страшный сон. Инна Юрьевна, предупредите б «А», чтобы меньше болтали. Ольга Петровна, организуйте трудовиков и физруков на вырубку этого... этого... безобразия!

...Восьмой гуманитарный даже не обратил внимания на двух трудовиков с топорами, физрука и Сергея Борисовича с носилками, на которых была нагружена изумрудная зелень, а сверху – черепки горшка. Они репетировали у окна поздравительную песню. Со звоном все вошли в класс и выстроились у доски. В словах песни было и поздравление, и слова благодарности, и школьный юмор. Инна Юрьевна растрогалась. Но вот Юлия Артемьева вышла вперед и на безупречном английском сказала, что ребята подготовили сюрприз: это – цветок. Никто не понял, почему Инна Юрьевна отшатнулась и закрыла лицо руками. Вперед выступил Игорь Потапов и как истинный джентльмен, встав на одно колено, протянул ей хризантему...

Убирая в кабинете английского, техничка тетя Лиза удивлялась и ворчала: «Положи тут что ли, листья кругом». Она сняла с книжной полки веточку и положила в карман синего халата: «Может, пустит корни-то...»

Елена Шишкина

21 октября (по ст. стилю) исполняется 170 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Минаева. Уже весной во Дворце книги этой дате был посвящен литературный вечер в виде поэтического диалога между признанным мэтром и современным писателем-сатириком. Д.Д. Минаева органично и талантливо сыграл артист драмтеатра М. Петров. Чудесно выглядел в роли любознательно-назойливого симбирского обывателя заслуженный артист России В. Кустарников. Современного сатирика сыграл автор этих заметок Григорий Медведевский, который не сомневается: жива благодарная память потомков о великом российском сатирике-симбирянце, который в своих произведениях порою, увы, не щадил и земляков...

С гидрой пороков в борьбе...

Название этих заметок – слова из стихотворения «Смех» Дмитрия Дмитриевича Минаева. Нестареющие строки:

*Всегда неподкупен, велик
И страшен для всех без различия,
Смех честный – живой проводник
Прогресса, любви и величия.
...Стремление к лучшей судьбе
Родит он в груди всего мира
И с гидрой пороков в борьбе
Сверкает и бьет, как секира...*

Сатира еженедельника «Искра» в 60-х годах позапрошлого века – это, по мнению некоторых современников, своеобразный фольклор тогдашней русской интеллигенции. Строки повторяли, не всегда зная их автора. Поистине не было ни одного крупного или даже мелкого безобразия в обществе, которое «не имело бы места на страницах «Искры» в игривых, полных необузданного остроумия куплетах, пародиях или в прозе, исполненной убийственных сарказмов». Добавим сюда стихотворные фельетоны, драматические сценки, эпиграммы и даже карикатуры, упомянем другие журналы тех лет: «Современник», «Гудок», «Русское слово», «Будильник» – и мы получим некоторое представление о петербургской литературной деятельности Дмитрия Минаева. «Писатель остроумный, даровитый и притом обладающий прямыми и честными убеждениями», – отзывался о нем М.Е. Салтыков-Щедрин.

И он же после первого покушения на Александра II – «крайний либерал и нигилист» в глазах многочисленных недругов и доносчиков. И он же – блестящий импровизатор, великолепный пародист, талантливый драматург, плодовитейший переводчик, непревзойденный мастер стиха, «король русской рифмы».

Сегодня можно говорить не только о блеске формы и остроумии минаевских строк, но и об их удивительной долговечности и актуальности. Попробуем же спроецировать некоторые строки сатирика на последние три десятка лет нашей с вами жизни. И увидим, как их глубинная сущность, даже терминология поразительно горячи и остры.

Отставной солдафон Михаил Бурбонов (одна из наиболее частых литературных масок Минаева, коих было больше сотни) в ответ на стихи М. Розенгейма назидательно поучал:

*Если в жизни застой обличитель найдет,
Ты на месте минуты не стой.
Но пройдишь по комнате взад и вперед
И спроси его: где же застой?*

Сегодня усмехнемся понимающе, а как это воспринималось лет двадцать назад, когда начинали клеймить «эпоху застоя», так и не предложив ничего существенного взамен, кроме пресловутой «перестройки»?

И не всплывут ли немедленно в памяти ужасающие масштабы организованной и стихийной преступности, деяния новоявленных олигархов и многие современные реформы,

Фото А. Жданова

когда вспомним минаевское «Похвальное слово воровству»? Но сказал бы так кто-нибудь лет двадцать назад? А сто двадцать с лишним лет назад сказал – и на всю Россию:

*Не скудеют богатые нации;
Так и наша страна не бедна,
Хоть кишит вся ворами она,
Хоть идут грабежи в ней повальные,
По размерам своим колоссальные,
Хоть орда жадных хищников ждет
Только случая грабить народ...*

А вспомним о не столь уж давней горбачевской «гласности», деятельности некоторых идеологов и журналистов словами из «Двуликого Януса»:

*Там, где нужно, полный сметки
Громко гласность защищал...
Но когда мое начальство
Раз изволило сказать:
«Эта гласность – верх нахальства,
Эту гласность нужно гнать...
Мы живем и так счастливо...»
Я ответить тороплюсь:
«Совершенно справедливо!
Гласность губит нашу Русь...»*

Тысячи оригинальных, часто мгновенных набросков, сделанных с натуры или по рассказам близких ему людей, составляют особый срез российской действительности с ее пореформенными надеждами и острой литературной борьбой. Именно минаевские остроты, пародии, изумительные рифмы и каламбуры составляли как бы «соль и перец» духовной атмосферы, по меньшей мере, двадцати лет.

Вообще острая социальная сатира не была у нас в почете и после Октября. Если отнестись к ней знаменитое мандельштамовское «Мы живем, под собою не чуя страны...» и нечто подобное – это чаще всего кончалось арестом и лагерем. В 50-е годы прошлого века мой «крестный» в сати-ре, давший и рекомендацию в Союз писателей, Юрий Николаевич Благов немало рисковал, выдав, казалось бы, безобидную строфу:

*Мы – за смех! Но нам нужны
Подобнее Щедрины.
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали...*

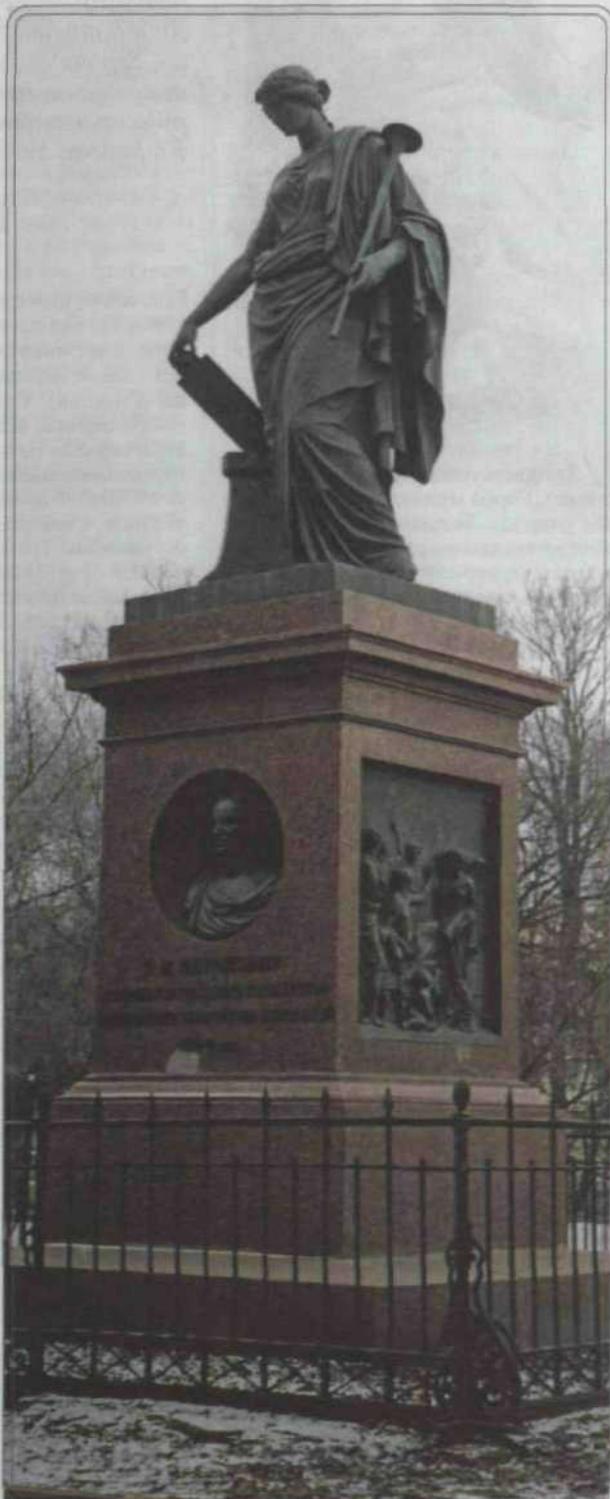
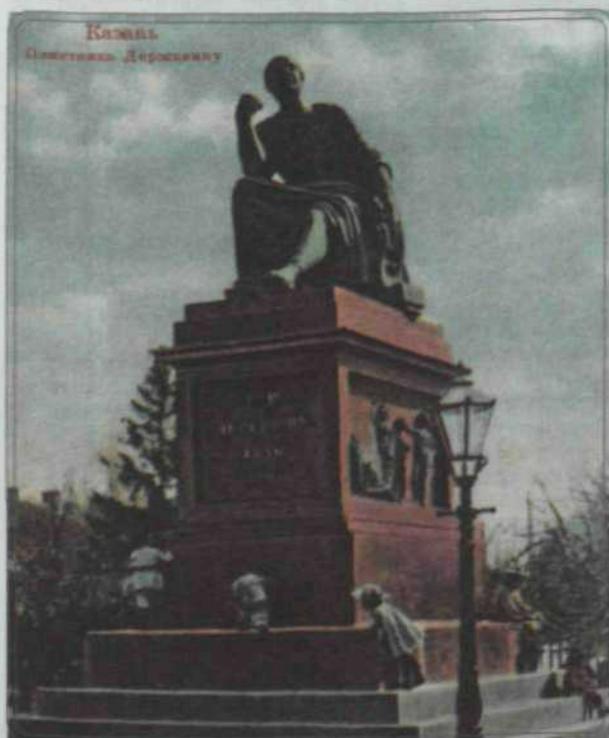
И вот парадокс нашего времени: популярные авторы-сатирики, дружно и активно шагнувшие в перестройку с дряхлого эскалатора застоя, оказались как бы совсем не у дел. Да, вроде остро, да, смешно почти у всех... Но ведь не стало, оказывается, запретных тем – и ломились в открытую дверь, или, по меткому выражению К. Ваншенкина, бросались на амбразуру, «за которой нет пулемета, и это известно заранее». Шуточки о тупой теще, капризной жене и окружении новых русских – сегодня все более востребованы именно такие юмор и сатира...

Родиться под счастливой звездой

Как важно появиться на свет под счастливой звездой! Об этом размышляли лучшие умы человечества, писатели, поэты, философы. Почему два совершенно одинаковых существа на нашей планете могут оказаться по разные стороны меридиана благополучия и счастья. Один – принцем, а другой – нищим? Причем это касается не только людей, но и всего того, что они создают.

Вот вам пример. Казалось бы, одни и те же талантливые люди – скульптор классического направления, потомок эстляндского дворянина С.И. Гальберг и архитектор А.А. Тон почти одновременно работают над двумя почти идентичными проектами – памятниками двум великим россиянам – симбирянину Н.М. Карамзину и уроженцу Казанской губернии Г.Р. Державину. Похожие проекты, замысел, постамент с барельефами на гранях, бронзовая скульптура в античном стиле, разница в установке – всего лишь два года, и какая разная судьба. Симбирский памятник стоит уже 160 лет, с 23 августа 1845 года (4 сентября по новому стилю), на площади перед фасадом местной гимназии. Только за эти годы вокруг него вырос сквер, ставший жемчужиной садово-парковой архитектуры нашего города, любимым местом всех горожан. А вот его «казанский брат» 1847 года рождения – памятник Державину – никак не мог найти себе места. Сначала он находился во дворе Казанского университета. В 1870 году был перенесен на место сгоревшего в 1815 году театра (ныне здесь стоит театр имени М. Джалиля). И вроде бы прижился. Здесь назначали свидания, около бронзового Державина собиралась казанская аристократия, татары называли его ласково «Бакыр-бабай» – медный дедушка. Однако в 1932 году памятник был разбит, обломки его расплавлены в вагранке и, казалось бы, детище Гальберга и Тона исчезло навсегда. Но нет. Прошло более 70 лет и, как Феникс из пепла, монумент возродился вновь, восстановленный один к одному с оригиналом позапрошлого века в рамках празднования 260-летнего юбилея Г.Р. Державина. Сейчас он снова радует горожан, находясь уже на третьем по счету месте.

За окном падает первый снег. Тишина... Город молчит... Кажется, что все умерло... Только белые пушистые хлопья медленно, как в танце, кружатся над черной землей. Падают в бездну, в темную пропасть, как в далекое прошлое... Тишина...

Александр Петрович сидит в комнате, не зажигая света. Он не боится своего одиночества, он уже привык к нему, как к неизлечимой хронической болезни. Большие, когда-то сильные, жилистые руки спокойно лежат на подлокотниках кресла. Александр Петрович смотрит на них: что ж, теперь это руки старика, обычного пенсионера, который прожил свою жизнь и теперь без страха ждет финала. Старость, неотвратимая старость. Думать о ней не хочется, пришла, подкралась как-то незаметно, и теперь никуда от нее не спрятаться. Ну и Бог с ней!

То ли падающий снег, то ли скорбный свет луны, пробивающийся сквозь облака, навевают воспоминания о прошлом, о молодости, о войне. Картины как будто оживают, становятся четче, яснее... Память возвращает имена, события, даты...

...Морозное декабрьское утро. На площади у сельсовета толпится народ. Молоденькие пареньки, в вагниках, с вещешками за плечами, повзрослому серьезные, неторопливо раскуривают «цигарки». Среди них Сашка, он немного смущен, потому что никак не может скрыть свою гордость: вот и ему, наконец, исполнилось 18 лет, вот и его призвали, вот и он идет на войну! Да не куда-нибудь, а сразу в самое пекло, под Москву!

Этот рассказ написала о своем прадедушке Степане Андриановиче Кафидове участница литературного конкурса «Монумаха», студентка Ульяновского педуниверситета Альбина Бадретдинова. Она не застала его в живых, он умер до ее рождения. Но в семье Бадретдиновых хранятся его награды, о нем рассказывала Альбине бабушка. Конечно, многое уже позабылось, поэтому что-то додумано, дофантазировано. Судьба Степана Андриановича повторилась в тысячах и тысячах таких же, как он, героях Великой Отечественной войны. Для Альбины ее прадедушка по-прежнему жив, как жива в ее памяти его юная подруга, чья любовь и вера, может быть, спасла юного сержанта Кафидова от смерти.

Юность в погонах

Сашка смущен еще и потому, что соседка Танька пристально смотрит на него, ждет минутки, когда можно будет словом перемолвиться. Эх, Танька! Танюшка! Вчера ведь у калитки попрощались, все друг другу сказали, и плакала ты по-взрослому, носом курносый шмыгала и причитала как-то особенно, будто навек прощались: «Санька, Санечка, что ж ты меня одну оставляешь? Не бойся, родной, я тебе верной буду! И не отстану я от тебя, не надейся, не отстану! Как восемнадцать будет, за тобой пойду! Разушу тебя, обязательно найду! Как же я теперь?»

Эти причитания Танюшкины в Сашкином сердце теплым воробышком трепещут, сердце парня согревают.

Эх, Танька, Танюшка! Разве знала ты, что Санька вовсе не на фронт сразу отправился. Сначала повез его поезд в далекий Ташкент, и там Санька саперную науку постигал целых три месяца. Не успела девчонка ни одного письма получить, не дождалась своей восемнадцатой весны, бросилась вслед за милым на фронт после таких же ускоренных курсов медицинских сестер в Сызрани.

Не знали об этом ни Танька, ни Санька, поэтому, когда деревенская гармошка заиграла озорную частушку, бросились в круг и парни-призывники, и девчонки, и народ постарше, как будто в пляске хотели выразить и молодецкую удаль, и горе разлуки, и веру, что вернутся домой, обязательно вернутся эти деревенские ребята.

А вот и полуторка колхозная подкатила. Пора! Так и не удалось Саньке с Татьяной поговорить по-хорошему, да и неловко было перед друзьями: а ну как увидят, что сердце разрывается от боли? Махнула Танюшка рукой в белой вязаной рукавичке и скрылась в снежной пыли.

Ох, не забудет Санька ее глаз, опущенных белыми ресницами! До чего

большие, глубокие и печальные были Танины глаза!

...Александр Петрович поднялся, взял с комода фотографию, подошел к окну. В лунном свете старый снимок словно ожил: с него смотрела девушка в солдатской шинели и пилотке. Круглое милое лицо с ямочками на щеках, тот же курносый нос, те же прямые русые волосы, только теперь остриженные. Показалось, что прядь волос на лбу тихо шевельнулась и бровь немного приподнялась, поэтому взгляд девушки стал чуть удивленным, но печаль из глаз не ушла. Девушка с фотографии как будто спрашивала: «Как же это случилось с нами, Сашенька?»

Эх, Танька, Татьяна, Танюшка! Все было просто и все сложно.

После Ташкента попал Александр, уже сержантом, под Орел. Попал тогда, когда немцев уже по-настоящему били и они по-настоящему драпали. А после них оставались заминированные поля. Александру приходилось выполнять и свое трудное саперное дело, и вместе с товарищами в атаку ходить, и смерть видеть, и боль, и кровь...

Вспомнил Александр Петрович удивительный случай. Там, где веселая Орлинка владеет в спокойную Оку, деревенские подростки ухитрились рыбу ловить даже тогда, когда фашисты здесь хозяевами были. А после освобождения этих мест заядлые удильщики повадились тут утренние часы коротать.

Выдался как-то саперной роте редкий денек отдыха, и отправился Александр ранним утром с мальчишками на рыбалку. Закинул удочку, десять минут не прошло – поплавок так дернуло, что понял солдат: редкая удача на его долю выпала! Действительно, такая щука попалась на крючок любо, дорого поглядеть! Как в сказке! «Уха на славу получится!» – обрадо-

Военное детство

Дрожат взволнованные нервы,
Как вспоминаю я порой
Тот страшный год – год сорок первый,
И следующий сорок второй.

Я жил тогда в деревне дальней
В степях, среди ковыля седин,
Пославшей на призыв авральный
Почти что всех своих мужчин.

Для них, ушедших прямо в пекло,
От плуга брошенных на бой,
Заря без времени поблекла –
Из ста один пришел домой.

Угля для школ не завозилось,
В степи ж дровишки не растут;
Одна голландка лишь топилась,
Вся школа собиралась тут.

Три класса в комнатке ютились:
Четвёртый, пятый и шестой.
Мальшек в холод не воили,
Седьмой же вовсе был пустой.

Тесней друг к дружке мы сидели,
В пальто (но шапки-то – долой!);
Подмышками мы руки грели,
Да и чернильницы порой –

Когда диктант писали общий,
Один на всех (задачи ж – врозь)...
Надеюсь, что никто не ропщет,
Что так учиться довелось.

Да, трудно знания нам давались...
Мы географию страны
Четыре года изучали
По продвижению войны.

Нас всех давил вопрос проклятый,
Тяжел и холоден, как лёд:
Армада танков супостата
До нас дойдет иль не дойдет?

Нас пощадили эти беды –
Другим пришлось подставить грудь;
Но как до будущей Победы
Еще далёк был срок и путь!...

Лихие годы миновали,
Народ эпоху не забыл,
На страже обелиски встали
У братских, без имён, могил.

Храню в душе тех лет наследство...
И навсегда оно со мной –
То искалеченное детство,
Опустошенное войной.

2004-05 гг.

вался боец. И вдруг как будто в сердце кольнуло: отпустить надо! Стыдись самого себя, краснея и оглядываясь (не увидел бы кто!), Александр снял рыбинку с крючка и смущенно прошептал, глядя в ее глаза: «По шучьему веленью, по моему хотенью, ни о чем тебя не прошу, только береги меня, шука, на войне, не дай погибнуть». А потом и бросил зубастую в Орлинку. Шука хвостом махнула и была такова. «Емеля ты, Емеля», – вздохнул солдат, поднялся с камня и ушел: не хотелось больше рыбачить.

...Александр Петрович горестно улыбнулся. Может быть, шука его берегла, может быть, судьба хранила, только вот сейчас он жив и здоров, а Танюшка его так с фронта и не вернулась.

Искала Саньку медсестричка Танечка на всех фронтах. Отчаялась и прислала его матери письмо и эту фотографию, надеясь, что та их любимому перешлет. Только Сашина мать никуда письмо и фотографию посылать не стала, потому что получила к тому времени страшную весть о героической гибели сына. Плакала долго по родному Санечке, горевала, молила Бога, чтоб хоть старший сын вернулся домой, а фотографию Танину на комод поставила как память о сыне. Столько таких похоронок пришло за 4 года в родную деревню...

Только Санькина похоронка поторопилась, потому что, хоть и подорвался боец на mine (сапер ошибается один раз!) и привезли его в санбат бездыханного, а через неделю, мастерски докторами заштопанный, он вдруг воскрес. Мать его оплакивала, а он в это время по госпиталям в глупом комоду валялся, к жизни возвращался медленно, шагком за шагком. Когда же получила старая Степанида радостную весточку, Татьяны уже в живых не было: погибла медсестра в июле 1944 года где-то под Вильнюсом.

Эх, Таня, Танюшка, Танечка, светлая девочка! Такой и осталась ты в памяти Александра. Сберегла шука одного бойца, а о другом забыла! Что ж ты, Александр Петрович, шуку чудесную за Танечку не попросил? Закружила война, разметала по белу свету юных влюбленных, и не довелось им больше встретиться.

...Александр Петрович положил фотографию на стол, включил ночник, и комната сразу озарилась мягким, приглушенным светом. В ней как будто потеплело, веселее стало. И одиночество куда-то отступило. Вспомнил Александр Петрович своих фронтовых товарищей, таких же молодых ребят, чья юность прошла на войне, вспомнил, как чудили в минуты от-

дыха, забыв об утратах, о смерти, о том, что завтра снова в бой. Вспомнил, как долго сердился на них за обидное, казалось, прозвище, вспомнил и улыбнулся...

Февраль сорок третьего года выдался суровым. После снежных метелей ударили морозы. Наст на полях сделался таким крепким, что по нему можно было идти не проваливаясь. Под Алексеевкой, что недалеко от Орла, начинались важные события, готовились к наступлению, и саперной роте выдали новые валенки. Утром получили приказ: атаковать высоту, захватить ее и укрепиться. Саперы кинулись в атаку вместе с пехотой. Александр в разгаре боя и не заметил, как валенок, слишком большой по размеру, свалился с ноги и остался в сугробе, а на бегу размоталась портянка и тоже потерялась в снегу. А потом сошлись с врагами в рукопашную, отбили траншею, затем высоту, опомнились, радостные, что все кончилось, и застыли, изумленные. Александр как схватил немца за шиворот, так и держал, гордый, а рядом еще пленных фашистов подвели. Трясется фриц от страха в Санькиных руках, не поймешь, то ли икает, то ли смеется, на Санькины ноги показывает, аж всхлипывает, подлец: «Gans, Gans! Du bist tatzen Gans!» Нога без валенка Александра от бегали, от мороза ли красной стала, пальцы растопырились прямо гусь лапчатый! Ох и хохотали товарищи над Александром! Так и прозвали парня Гансом, и шло это прозвище за ним до самого ранения, пока после госпиталя в другую роту не попал.

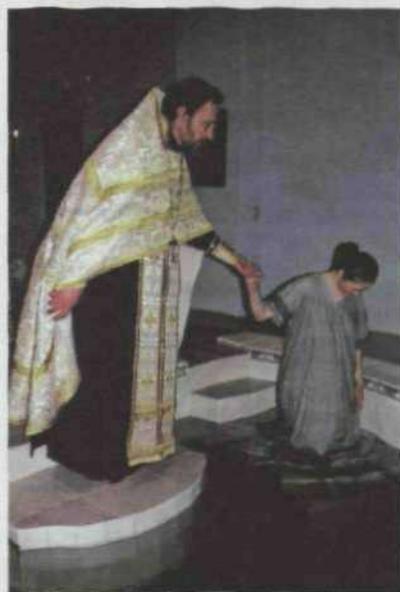
Вот так и прошла у Александра юность в погонах. Ушел Санька на войну восемнадцатилетним паренком, а вернулся уже Александром Петровичем. Так сразу и назвали пришедшего с фронта бойца деревенские женщины. Понятное дело – война не молодит, а взрослее, мудрее и старше делает. Вернулся в родную деревню, женился, родились дети. Потом семья в Сызрань переехала. Есть у Александра Петровича награды, как и положено бойцу, но больше вспоминающей...

Александр Петрович достал из ящика комода единственное письмо Татьяны, прочитал последние строчки: «А если не доведется нам, Сашенька, свидеться, наказ тебе даю: живи, любимый, долго и счастливо, не забывай меня, а я о тебе помнить буду до последнего дыхания». Теплые, наивные строки. Может быть, вовсе не шука оберегала бойца на войне, не дала погибнуть? Все может быть.

Проезжая мимо Арского, невольно заглядишься на чудо-храм – белую лебедь, приподнявщую крылья, чтобы взмахнуть ими и воспарить над землей – к небу, к самому Творцу. Любуясь храмом, ты готов отречься от повседневной суеты и обратиться к Богу. Трехперстые кисти тянутся ко лбу, и на устах оживает молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Рассеянный ум уступает место сердцу, сердце открывает створки души, и ты вдруг видишь неприглядное свое нутро – гнилое, немоющее, немываемое. Внешне ты молод, здоров и красив. До встречи с чудом никогда не утруждал себя заглянуть в глубь собственной души, но наконец-таки заглянул и ужаснулся!.. Остановись, забудь о мнимых ценностях, сверни с дороги, к храмам Арского.

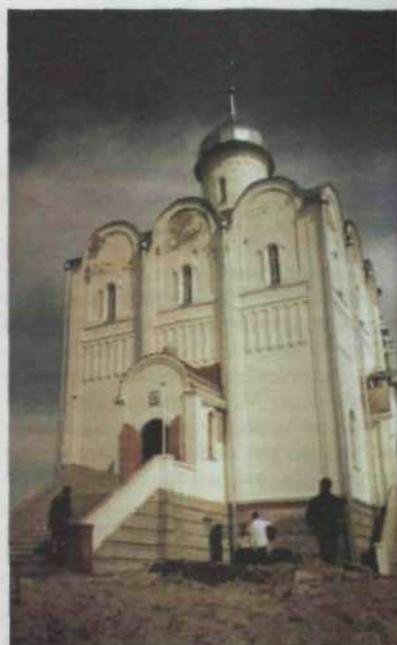
Блаженной Ксении удача

Весной 2003 года, будто бы из-под снега, рядом со старым храмом Богоявления неожиданно вырос необычайной красоты храм Блаженной Ксении Петербургской. Не чудо ли?

Нас, суетных мирян, всегда волнуют приземленные вопросы: как удалось за год развернуть широкое строительство комплекса, включая реставрацию старого Богоявленского храма, и так быстро воздвигнуть новый? Откуда средства, кому принадлежит проект? Повременим с поиском ответов – они найдутся сами, стоит прийти на богослужение да поближе познакомиться с «хозяйством» отца Алексея.

Впервые я попала в храм Блаженной Ксении Петербургской 17 апреля 2005 года, на двухлетие со дня его освящения. Нарядная, чистенькая, пахнущая свежей древесиной церковь сразу же привела сердце в восторг. Оно не часто откликается на новизну, но здесь, у Ксении, явилось ощущение намоленности стен. Откуда, почему? Неужто от присутствия нескольких старинных икон? Некоторые я видела впервые. Отец Алексей, раскрывая историю Арского, открыл много тайн, связанных с судьбой икон Богоявленского храма и его священнослужителей. (Об этом можно будет прочесть в журнале, который издается при храме и называется «Арское»).

Апрель выдался холодный, весна явно не торопилась явить свое естество, но природа уже ликовала, напитанная надеждами на тепло и обновление, и щедро делилась верой. Вера же не отпускала из Арского, настойчиво звала назад. Зов этот поселился в душе.

И вот новая встреча, очень необычная. На Пасхальной неделе для ребятшек Майнского детского дома и инвалидов-колясочников силами учащихя Ульяновской школы искусств № 5 в Арском был дан концерт духовной музыки и песнопений. Вокальная группа хора под управлением Натальи Матвеевой исполнила несколько песен недавно почившего старца Николая Гурьянова, а также старинную «Ночную богомолицу» и «Легенду» Чайковского. Большинство больших и маленьких слушателей не только не знакомы были ранее с духовной музыкой, но и вообще оказались в храме впервые. Час назад, во дворе, на их лицах можно было наблюдать лишь веселое любопытство. Теперь же глаза детей светились особым благодатным огнем. Особенно тронула сердца слушателей песня старца Николая «Покаянная молитва» в исполнении народного детского ансамбля «Наигрыш» под управлением Николая Кондрашина. А лауреаты областных конкурсов юных вокалистов Иван Шонин и Сергей Калачев исполнили песню Николая Гурьянова «Прошел мой век».

Удивительно, что очистительные слезы, как после настоящего моления, утирали и стар и млад. Было радостно за детей: пусть нарушены некоторые церковные каноны (храм не предназначен для подобных мероприятий – со

временем для этих целей будет построено специальное помещение), но Бог явно достучался до детских сердец. А ведь душа, внутренне соединившаяся с Творцом, освобождается от злобы, уныния, зависти, гордыни.

И вот уже простосердечные дети просят на колокольню старой Богоявленской церкви, целуют ее стены, восхищаются древними фресками и крестятся, крестятся...

В этом самом древнем из всех сохранившихся в Ульяновской области храме прикасаешься к вечности, общаешься к чуду. Богоявленская церковь – ровесница Симбирска. Она была построена на оборонительном укреплении, которое шло через Арское. Это ценнейший культурный памятник, редкий образец храмовой архитектуры. Устройство алтаря характерно для церковных построек XIV-XVI веков, позже мастеров такого уровня сыскать уже было трудно.

Реставрационные работы в храме ведутся медленно: древние фрески требуют осторожности, большого профессионализма и, конечно же, немалых средств. Удивляет и обнадеживает тот факт, что храм, как только были поставлены леса, на глазах строителей буквально начал «оживать»: кованый крест, согнутый еще в 1950-х годах при попытке снести колокольню, стал самостоятельно выпрямляться, а почерневшие фрески вдруг начали «проявляться», явив отчетливые картины евангельских сцен.

Начиная реставрацию ценнейшего памятника, отец Алексей понимал, что работа растянется на несколько лет, а для святого дела необходим приход. Нужна соборность людей, единомышленников. Так родилась идея строительства нового храма.

Глядя на отца Алексея Кормиши-

Детские духовные песнопения в храме Блаженной Ксении Петербургской на, не скажешь, что этот скромный, мягкий человек с нежной душой способен свернуть горы. Он не суетится, не настаивает на помощи – молится, служит, работает. А люди тянутся в Арское.

Вот и бывшие коллеги-архитекторы нагрянули весной, да не с пустыми руками, а с саженцами. Полсотни деревьев потянутся к небу во имя претворения высокой мечты. Работники культуры вырастили на своих участках цветы для клумб Арского и перед Троицей устроили своеобразный субботник. Не один раз выделяла средства на строительство группа компаний «Дворцовый ряд». Татарское население тоже не осталось в стороне и неоднократно оказывало помощь стройматериалами. Кирпич для храма Блаженной Ксении поставляла Елена Васильевна Панкратова, создавшая небольшой завод по производству красного керамического кирпича. Каждая

смена рабочих оставляла для Арского партию кирпичей, указывая на них дату, смену, фамилии. «Когда освещали храм, он еще не был оштукатурен с внешней стороны, и на стенах его прочитывались имена моих рабочих и даты выпуска кирпича. Я стояла и плакала от счастья, не верилось, что наша мечта осуществилась», – рассказывает Елена Васильевна.

Видно, самому Богу угодно, чтобы все задуманное свершилось. Не самолюбие двигало священником, а искренняя вера, которая зажгла сердца окружающих. И нельзя умолчать о таланте архитектора. Да, не просто профессионализм, а редкий талант, как распутившийся цветок, в который проникло божественное дыхание, воплотился в белокрылый храм на холме, омываемом святыми родниками.

Р.С. Сейчас в Арском создается православный центр реабилитации для бывших участников локальных войн и военных конфликтов. Предусматривается духовная, медицинская и социальная реабилитация. По проекту на территории Арского храмового комплекса будут размещаться два православных храма, больница, ремесленное училище, мастерские, кузница, каретный двор, столовая, пекарня, издательство, золотошвейные, художественные и архитектурные мастерские, церковный сад и огород. Но и этим не ограничиваются планы отца Алексея. Он задумал восстановить все исторические постройки, создать музейный комплекс с конным маршрутом, в общем, сделать все возможное для возрождения православной духовности и улучшения жизни людей, проживающих в Арском и близлежащих селах.

Ольга Шейнак

Слева - фрагмент проекта православного комплекса в Арском

Проездом через Мелекесс

Осенью 1833 года А.С. Пушкин, собирая материалы о пугачевском восстании, посетил Поволжье и Оренбургский край. В Симбирск Пушкин прибыл вечером 9 сентября и сразу же нанес визит губернатору А.М. Загряжскому. На следующий день он осматривал город, беседовал с местными старожилками, которые хорошо помнили Пугачева, а некоторые даже встречались с ним. 11 сентября Александр Сергеевич поехал в родовое село Языковых, намеревался встретиться со своим другом — поэтом Николаем Языковым, но тот был в отъезде. Затем Пушкин вернулся в Симбирск и в ночь на 13 сентября отправился к Оренбургу, поехав по правому берегу Волги, рассчитывая переправиться у Самары. Поездка оказалась неудачной, и поэт вынужден был вернуться в Симбирск.

В новый путь поэт отправился 15 сентября и через три дня прибыл в Оренбург. Известны следующие документы, позволяющие судить о его маршруте.

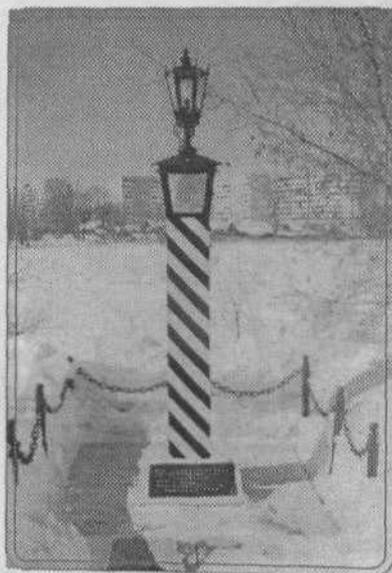
Первый — письмо, написанное 14 числа, в котором поэт говорит о том, что поедет почтовым трактом, где «на станциях по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю».

Второй — рисунок Пушкина, в котором изображена панорама Симбирска. На рисунке подпись поэта: «Смоленская гора. Церковь Смоленская и дом Карамзина. 15 сентября, Волга». Рисунок сделан с берега или, возможно, во время переправы на пароме.

Третий — запись в дорожном дневнике, в которой упомянута деревня Смышляевка, расположенная за Самарой, по пути к Оренбургу.

Теперь, кажется, все ясно: утром 15 сентября Пушкин переправился через Волгу и ехал заволжским почтовым трактом. Но оказывается, если судить по картам начала XIX века, во времена Пушкина в Заволжье вообще не было почтовых трактов, начинавшихся от Симбирска.

Некоторые авторы пришли к выводу, что поэт ошибся, рассчитывая на заволжский почтовый тракт и вопреки своему письму, поехал проселочными дорогами. Положив на карту линейку, они выбрали самый короткий путь через села Никольское и Рязаново и далее по направлению к Красному Яру и Самаре. Тогда возникает вопрос, как всего за три дня он сумел достичь Оренбурга? Это возможно только в том случае, если через каждые 20-30 верст менять уставших лошадей. Но для этого должны быть почтовые станции, а на предполагаемом пути их не было.

Димитровград. Памятный знак в честь поездки А.С. Пушкина

Пушкин мог путешествовать только по почтовым трактам, так он и поступал на протяжении всего предыдущего пути. Выбрав Заволжье, поэт заранее наверняка знал, что там есть такая дорога.

В обстоятельной монографии Т.Г. Масленицкого «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1785 года указано, что уже в конце XVIII века, задолго до поездки Пушкина, в Среднем Заволжье действовал почтовый тракт Симбирск-Уфа. Он проходил через Чердаклы, Матюшкино, Бряндино, Русский Мелекесс, Мелекесс (Димитровград), Якушку, Новый Сантимир, Степную Шанталу и далее в Башкирию. Под названием «Большая дорога из Симбирска в Уфу» отдельные участки этого тракта показаны на некоторых местных картах того времени.

Нет сомнений, что после переправы через Волгу Пушкин ехал именно этой дорогой, а потом повернул к Самаре. При этом у него было две возможности.

Во-первых, можно было повернуть около села Новая Майна и ехать по Оренбургскому этапному тракту (одновременно он был почтовым и торговым) через Филипповку, Мусорку и далее на Красный Яр. Известно, что этот тракт начал действовать в первой половине XIX века.

Другой вариант связан со старой Казанской дорогой. Дело в том, что в районе нынешнего села Александровка (Новомалыклинский район) уфимская трасса пересекалась с почтовой

дорогой Казань—Самара, идущей через Лаишев, Ямбуктино, Базарные Матаки, Старую Бесовку и далее по направлению к Красному Яру и Самаре. Эта дорога известна с давних времен. Кстати, Пушкин выехал из Казани именно по ней. Продолжая свой путь, он добрался бы до Оренбурга на неделю раньше. Однако, желая навестить старых друзей, он заехал в Симбирск, сделав довольно большой крюк.

Какой бы путь не выбрал Александр Сергеевич, повернув у Новой Майны или Александровки, он непременно пролегал через Мелекесс. Во времена Пушкина это была небольшая деревушка, в окрестностях которой действовали винокурные заводы, работало несколько водяных мельниц. Все жилые постройки располагались на левом берегу речки Мелекесски, между нынешним Средним и Нижним прудами. Деревенский участок тракта в наши дни стал улицей Куйбышева (прежде Старозаводская). Именно здесь 15 сентября 1833 года проехал великий поэт.

Теперь несколько слов о времени и расстоянии. От Симбирска до Оренбурга примерно 580 верст по пути через Новую Майну и 600 верст — через Александровку. Погода стояла теплая и сухая, дорога была хорошая, поэтому Александр Сергеевич ехал не только днем, но и ночью. На почтовых станциях ему как титулярному советнику подавали только трех казенных лошадей, что позволяло ехать со скоростью 8 верст в час. Ночью скорость была еще меньше. Чтобы быстрее добраться к месту назначения, Пушкину пришлось нанимать дополнительных лошадей. Из Симбирска он выехал рано утром 15 сентября и приехал в Оренбург 18 сентября в 10 утра, проведя в пути немногим больше трех суток. Двигаясь со средней скоростью около 9 верст в час, он часов за 65 (часть времени ушло на переправу через Волгу и вынужденные стоянки на почтовых станциях) преодолел указанное расстояние.

В самом Оренбурге Александр Сергеевич пробыл три дня, изучал исторические документы, встречался со старожилками. Домой он возвращался через Уральск и Сызрань, так что на этот раз Мелекесс остался далеко в стороне. На обратном пути он вновь заехал в Языково, где застал всех трех братьев, переночевал у них и отправился в Болдино.

Феликс Касимов

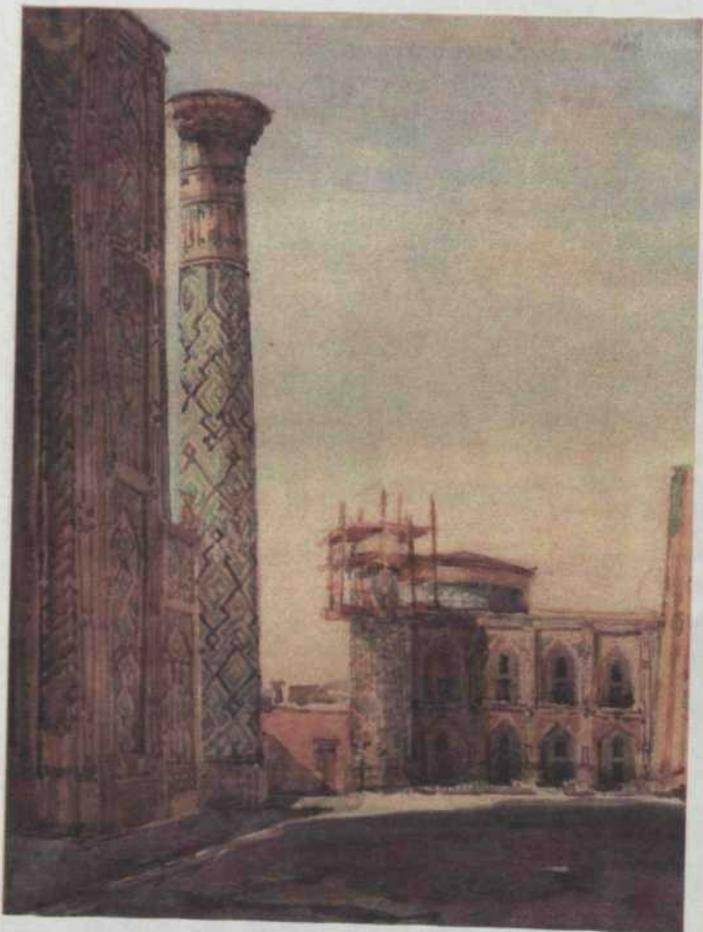
Мы должны быть едины

Пятый год подряд Ульяновску предоставляется честь открытия чемпионата России по парусному спорту «Кубок Волги». В 2005 году, в связи с 1000-летием Казани, оргкомитет решил провести финальные соревнования именно в этом городе. 60 крейсерских яхт финишировали в столице Татарстана 2 июля. Главный приз – автомобиль UAZ-«Hunter» – увезла в Нижний Новгород яхта «Ракета». Ульяновская яхта «Триумф» стала третьей в группе D.

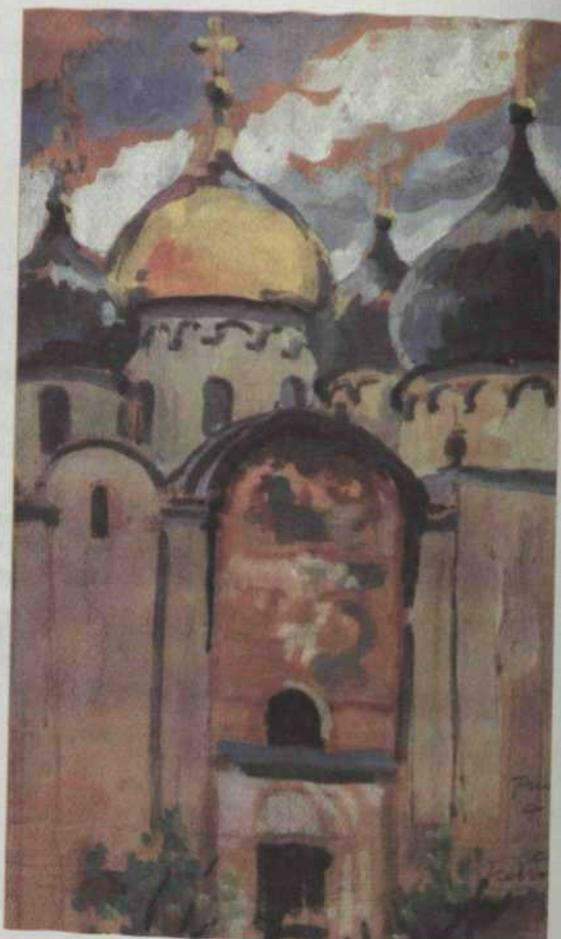
«Звенья одной цепи» – таким был девиз этих соревнований. В подарок к 1000-летию Казани мастера ульяновского кузнечного двора «Корч» Иван Монастырский и Александр Яковлев выполнили авторскую работу, которая получила такое же, как и девиз регаты, название. В ней символично выражена мысль: «Мы, живущие на матушке-Волге, должны быть вместе, должны быть едины».

Старт регаты в Ульяновске. Фото С. Еринова

Дворец Регистан в Самарканде

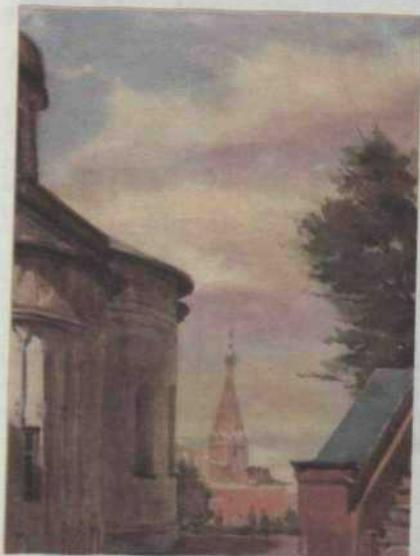

Софийский собор в Великом Новгороде

В июне 2005 года исполнилось 70 лет архитектору **Валентину Николаевичу Филимонову**, одному из постоянных авторов нашего журнала. Его статьи об истории архитектуры Ульяновска всегда пронизаны теплотой и любовью к нашему городу, ставшему родным этому замечательному человеку, выходящему из Заонежья, с трудной, интересной и счастливой судьбой. Среди его увлечений: графика, живопись, скульптура. На этой странице представлены работы, подаренные автором на 10-летие журнала «Мономах».

Уважаемый Валентин Николаевич, поздравляем Вас с юбилеем, желаем творческого вдохновения, здоровья, удачи, осуществления замыслов и дальнейшего с нами сотрудничества.

Редакция журнала «Мономах»

Соборная площадь в Звенигороде

Ансамбль Шах-и-Зинда в Самарканде

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Редакционная коллегия:

Л.С. Янушевская

(выпускающий редактор)

О.В. Иваненкова

В.М. Гаврилов

Н.Ю. Рачкова

И.И. Буганна

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

А.Ф. Гарина

Т.А. Громова

А.В. Зишин

Е.В. Кувшинникова

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

А.П. Раасадин

Е.Н. Сергеева

А.С. Сытин

Учредители:

Администрация Ульяновской области,

ОГУ "Редакция "Народная газета"

Адрес редакции: 432011, Ульяновск,

а/я 9826 (пл. 100-летия В.И. Ленина, 1,

Мемцентр).

Тел: 44-19-31.

Наш сайт в Интернете:

www.monomah.sis.net.ru

Издание зарегистрировано

Поволжским межрегиональным

территориальным управлением

(г. Самара) 06.06.02, рег. ПИ №7-1393.

Подписано в печать 27.07.05 г.

Формат 60x84 1/8;

усл. печатных листов 7, 44

Тираж 2000 экз.

Заказ № 2801

Набор и верстка заказчика.

Вывод цветных фотоформ

ОГУ "Печатный двор".

Отпечатано в соответствии с

предоставленными диапозитивами.

Областная типография

"Печатный двор",

ул. Пушкирева, 27.

Полноценной индекс 73844

На обложке - Кул Шариф. Казань.

Фото С. Ершова

Стр. 1 - фото С. Ойкина

Наши попечители:

В номере:

Спользою для Отечества

В. Егоров. Твори человеку	2
Благоустройство	
Цвети, Ульяновск, на радость горожанам	4
Г. Федоренко. Прогулка по бульвару	6
«Здесь будет город-сад»	7
Суважением к прошлому	
А. Вискалин. Забытые городища	8
С. Петров. Соотечественники-юбиляры	11
А. Шабалкин. Симбирские губернаторы	12
Злой недруг симбирян	18
Т. Громова. Туманные разливы Колымы	42
О. Корниенко. Первая любовь Толстого	44
Н. Новицкая. Моя далекая подруга	46
Г. Медведовский. С гидрой пороков в борьбе	56
Ф. Касимов. Проездом через Мелекес	62
Казань - Симбирск	
А. Сытин. «Искони близкий сердцу Казани...» ..	14
Заметки для эрудитов	15
Л. Хуторова. Штрихи к портрету	30
Родиться под счастливой звездой	57
Alma mater	
Гений русской науки	19
В. Радаев. О студенте С.Т. Аксакове	20
С. Петров. «Бутлеров нам очень понравился» ...	23
Заботливый сын и талантливый ученый	26
1000-летие Казани	
Краса востока	16
Казань современная	36
Мы должны быть едины	63
Казань-Ульяновск	
Паломник родного Посурья	27
С народом русским вместе	28
О. Шейпак. Родина наших кумиров	34
КАИ - пуп земли	38
Р. Азбукин. Школьные годы Дрегаллина	39
Литературный ковчег	
Б. Бызов. Космическое яблоко Н. Марянина	48
А. Жданов. Я - Кузя с помойки	49
А. Чесноков. Послезавтра воскресну	54
Е. Шишкина. Подарочек	55
Прекрасное - рядом	
Л. Баюра. Легенда о казанской царице	32
О. Шейпак. Его стихия - воздух	40
О. Иваненкова. «В нашей семье поют все!»	47
О. Шейпак. Блаженной Ксении удача...	60
Акварели Филимонова	64
60-летие Великой Победы	
Л. Толкишевская. Сценарист по имени Жизнь ...	50
А. Чихляева. Быль о «предателях»	53
А. Бадретдинова. Юность в погонах	58
Ф. Клепцын. Военное детство	59

